

А. А. Кошкин

КРАХ
СТРАТЕГИИ
• СЛЕЛОЙ
• ХУРМЫ •

А.А.Кошкин

**КРАХ
СТРАТЕГИИ
••СПЕЛОЙ
ХУРМЫ••**

Военная политика Японии
в отношении СССР
1931—1945 гг.

Москва
«Мысль»
1989

ББК 63.3(0)6
К 76

РЕДАКЦИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНОМУ
РАБОЧЕМУ ДВИЖЕНИЮ

Кошкин А. А.
К76 Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945 гг.— М.: Мысль, 1989.— 271, [1] с.
ISBN 5—244—00279—1

В книге показываются основные направления антисоветской военной политики Японии накануне и в годы второй мировой войны. Раскрытие стратегических и оперативных планов, комплекса мероприятий по подготовке к войне в 1931—1945 гг. дает возможность глубже понять авантюристический характер замыслов агрессии, подлинные причины провала так называемой стратегии «спелой хурмы», предусматривавшей вероломное нападение на СССР с Востока в случае его поражения в войне против гитлеровской Германии, а также опровергнуть реакционные концепции истории советско-японских отношений.

К $\frac{0503010000-023}{004(01)-89}$ 63—89

ББК 63.3(0)6

ISBN 5—244—00279—1

© Издательство «Мысль». 1989

Введение

В последние годы в Японии, как и в других странах мира, заметно возрос интерес широких слоев населения к происходящим в Советском Союзе переменам. Японцы хотят объективно разобраться в существе проводимых в нашей стране реформ, понять суть предложенной советским руководством концепции нового политического мышления. Это вызывает беспокойство реакционных сил, которые десятилетиями эксплуатируют миф о «советской военной угрозе», приписывают японцам враждебность к Советскому Союзу. Понимая привлекательность для народов мира, в том числе японского, советских внешнеполитических инициатив, профессиональные антисоветчики изыскивают тезисы, способные, на их взгляд, дискредитировать миролюбивую политику СССР, посеять сомнения в ее искренности. Явно испытывая затруднения в отыскании «коварных замыслов» в учитывающей интересы всех стран и народов политике Советского Союза, они вынуждены прибегать к испытанным методам фальсификации событий прошлого.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отмечал в данной связи: «Сегодня на Западе активно обсуждается ситуация кануна войны. Правду перемешивают с полуправдой. Особенно рьяны те, кто недоволен итогами второй мировой войны — политическими, территориальными и социальными, кто продолжает прикидывать, как бы их подправить. Поэтому и заинтересованы в том, чтобы поставить историческую правду с ног на голову, перетасовать причинно-следственные связи, сфальсифицировать хронологию. В этом контексте прибегают к любой лжи, чтобы взвалить на Советский Союз вину за вторую мировую войну...»¹

Сказанное в полной мере относится и к тем японским политическим деятелям и пропагандистам, которые, сознательно искажая историю, предъявляют к нашей

стране незаконные территориальные требования, нагнетают напряженность в советско-японских межгосударственных отношениях, пытаются сорвать провозглашенную Советским Союзом политику установления в азиатско-тихоокеанском регионе прочного мира и безопасности народов.

Стремясь представить Советский Союз как «не заслуживающее доверия» государство, с которым бессмысленны любые договоренности, авторы вышедших в последнее время в Японии исследований политики СССР продолжают муссировать лживый тезис о «нарушении» Советским Союзом заключенного в 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете. Так, например, Накагава в своей призывающей к «расчленению» Советского Союза книге пишет: «Заключение с СССР пакта о нейтралитете явилось причиной советской агрессии и захвата японских территорий — Курильских островов и Южного Сахалина»². Называя пакт о нейтралитете «серьезной ошибкой довоенной Японии», он «предостерегает» японское правительство от заключения с Советским Союзом каких-либо политических соглашений.

Известный японский дипломат, бывший посол Японии в СССР Сигэмицу на протяжении двухсот страниц своей книги «Северные территории» и советская дипломатия» с многочисленными повторами убеждает читателей, что «вступление Советского Союза в войну с Японией вызвано стремлением к экспансии, захвату территорий»³.

Эту же цель преследует депутат парламента от правящей либерально-демократической партии, ныне министр правительства Японии Накаяма, который в своем злобном антисоветском «труде», ссылаясь на советско-японский пакт о нейтралитете, представляет предложенный Советским правительством проект договора о добрососедстве и сотрудничестве как... «первый шаг к захвату Японии»⁴.

Подобная целенаправленная деятельность дает свои плоды. Об устойчивости в Японии антисоветских стереотипов свидетельствуют данные опросов общественного мнения. Так, в декабре 1987 г. на вопрос о возможности доверия к Советскому Союзу в Японии положительно ответили лишь 34 % опрошенных против 55 % в США, 65 % в Великобритании, 54 % во Франции и 73 % в ФРГ⁵. Столь большой процент отрицательных

ответов является прямым результатом распространения в этой стране искаженных представлений о содержании советско-японских отношений в прошлом. Объясняя свое негативное отношение к соседнему государству, многие японцы повторяют навязываемые пропагандой тезисы о «разрыве в 1945 г. Советским Союзом пакта о нейтралитете», «вероломстве русских».

Усилиями японских правящих кругов широкое распространение получила версия о том, что, якобы стремясь остаться в стороне от советско-германской войны, правительство милитаристской Японии заключило 13 апреля 1941 г. сроком на пять лет пакт о нейтралитете с Советским Союзом и честно выполняло его положения на протяжении всей второй мировой войны. Советский Союз же якобы нарушил договор, в одностороннем порядке аннулировав его в августе 1945 г. и объявив войну Японии до истечения срока его действия.

Для подкрепления этой версии в послевоенной Японии было издано множество мемуаров, дневников, «записок» бывших политиков, государственных деятелей, дипломатов и военных, в которых «доказывалось», что Япония была верна пакту о нейтралитете, не имела никаких агрессивных намерений в отношении Советского Союза. В наиболее обнаженной форме позицию апологетов милитаристской Японии изложил полковник генштаба Хаттори: «Япония, доверяя японо-советскому пакту о нейтралитете, взяла курс на добросовестное его соблюдение и продолжала принципиальную политику сохранения спокойных отношений с Советским Союзом. Эта политика не изменялась от начала до конца: и тогда, когда во время германо-советской войны Москва была в очень опасном положении и казалось, что судьба Советского Союза решена, и тогда, когда Япония одерживала большие победы в операциях начального периода войны, и тогда, когда Германия неоднократно требовала от Японии напасть на СССР»⁶.

Мемуары японских «бывших» стали главным ориентиром для буржуазных историков консервативного направления, которые задались целью оправдать японский милитаризм, возложить ответственность за развязывание второй мировой войны на другие государства. Их многолетние усилия направляются на то, чтобы опровергнуть выводы заседавшего в Токио с мая 1946 по ноябрь 1948 г. Международного военного трибунала над главными японскими военными преступниками об

агрессивном характере японской политики и стратегии в отношении СССР накануне и в ходе второй мировой войны, о неискренности японского руководства при заключении пакта о нейтралитете.

Хотя японскому правительству и военному командованию удалось до объявления капитуляции уничтожить большую часть подлинников документов о подготовке к войне против СССР, предъявленные советским обвинением доказательства, а также показания подсудимых и свидетелей позволили Токийскому трибуналу констатировать в приговоре:

«...Несмотря на пакт о нейтралитете с СССР, Япония считала себя связанной с Германией как участник заговора против СССР и выжидала благоприятного момента для того, чтобы воспользоваться им. Во всяком случае она намеревалась приурочить свое нападение на СССР к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне...

Очевидно, что Япония не была искренней при заключении пакта о нейтралитете с Советским Союзом и, считая свои соглашения с Германией более выгодными, подписала пакт о нейтралитете, чтобы облегчить себе осуществление планов нападения на СССР»⁷.

Появление в 60—70-е годы ранее сокрытых секретных японских документов периода войны заставило историков консервативного направления несколько модифицировать версию о «неукоснительном соблюдении» Японией пакта о нейтралитете. Документы, в частности, подтверждали проведение Японией летом 1941 г. активных мероприятий по подготовке к нанесению по СССР внезапного удара с востока под видом «Особых маневров Квантунской армии» («Кантокуэн»). Однако японская пропаганда и реакционные историки вопреки логике предпринимают попытку представить эту подготовку как «вынужденные мероприятия для отражения советского наступления». Отправным моментом для подобных утверждений явилось послевоенное заявление бывшего начальника оперативного управления генштаба генерала Танака о том, что «с середины июля (1941 г.) все более очевидными стали признаки провоцирования Советским Союзом войны против Японии»⁸. Авторы одного из официальных японских трудов использовали эту фальшивку. «Во время маневров «Кантокуэн» командование сухопутной армии исходило из возмож-

ности превентивного удара СССР по Японии»⁹, — пишут они.

Генерал Танака явился автором еще одной явно демагогической версии — о «недостаточной» подготовленности и «слабости» нацеленной против СССР Квантунской армии, что-де заведомо исключало военное выступление Японии против превосходящих сил советской Дальневосточной армии. «Разве при такой недостаточной оперативной подготовке, в частности к переброске войск, можно было выступить против СССР, к тому же не имея решения о войне?»¹⁰ — деланно сокрушался он в своих мемуарах.

«Япония постоянно испытывала угрозу со стороны имевшей подавляющее преимущество Советской Армии. В целях сократить большое различие в военной мощи между японской и советской армиями были проведены мероприятия «Кантокуэн». Они якобы во всех отношениях и в любом случае были мероприятиями по обороне от Советского Союза и совершенно не имели наступательного характера. «Маневры «Кантокуэн» не нарушали японо-советский пакт о нейтралитете»¹¹, — выстраивают свою насквозь лживую версию современные апологеты японского милитаризма.

Стоящие на позициях исторической правды добросовестные японские ученые опровергают фальсификаторов. Они указывают, что заявления о «слабости» Квантунской армии могут ввести в заблуждение лишь совершенно несведущего читателя. «Летом 1941 г. мощь Квантунской армии достигла пика, и ее называли в Японии «непобедимой» — в то время считалось, что она является самым сильным фронтовым объединением. И действительно, с точки зрения тогдашнего уровня экономического производства Японии эта армия оправдывала название «самой передовой и современной», — свидетельствует автор ряда работ об участии Японии во второй мировой войне Гомикава. Проанализировав ставшие ныне доступными документы, он приходит к выводу о том, что нападение Японии на СССР в 1941 г. «не было осуществлено по причине отсутствия необходимых условий, а не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете»¹².

Объективные оценки политики милитаристской Японии в отношении Советского Союза накануне и в годы второй мировой войны дает также в своих работах известный японский военный историк Фудзивара. Он пи-

шет: «Японская армия и японские правящие круги намеревались всецело использовать союз (т. е. Тройственный пакт Японии, Германии и Италии.— А. К.) для войны против Советского Союза... Вторжение Гитлера в СССР и участие в антисоветской войне Японии рассматривалось как исключительно благоприятная возможность сокрушить оплот революции... Маневры «Кантокуэн», в ходе которых была осуществлена небывалая в истории армии мобилизация, проводились не из предосторожности, а для того, чтобы быть готовыми в любой момент начать войну... Составленный график подготовки к операциям осуществлялся с опозданием лишь на двое суток... Нападение Японии на СССР не произошло потому, что она не имела уверенности в победе над сильным в военном отношении Советским Союзом... Поражение немецкой армии в январе 1943 г. под Сталинградом лишило Японию надежд на успешное для «третьего рейха» развитие германо-советской войны»¹³.

Современным буржуазным историкам и пропагандистам становится все труднее изыскивать аргументы для отстаивания ложной концепции о соблюдении милитаристской Японией пакта о нейтралитете. Им оказывается не под силу отрицать, что этот пакт был нарушен не Советским Союзом, а Японией. Так, начальник военно-исторической службы японского управления национальной обороны (военное министерство) Номура под давлением ставших известными документов вынужден был признать, что, готовясь к нападению на СССР, Япония пошла на «преступное покушение» и совершила «не доведенное до конца преступление», которое выразилось в нарушении японо-советского пакта о нейтралитете¹⁴.

Призывом отказаться от фальсификации истории советско-японских отношений в годы войны прозвучало высказывание доцента Токийского университета Онума, который заявил: «Японская сторона под кодовым названием «Особые маневры Квантунской армии» — «Кантокуэн» осуществляла массовую мобилизацию с замыслами напасть на Советский Союз в момент, когда положение Германии будет выгодным. Так как эта подготовка именовалась «маневрами», в Японии мало известен факт о том, что в действительности это была подготовка к войне. Я считаю, что на этот вопрос необходимо обратить особое внимание. Ведь, когда Советский Союз упоминает о «Кантокуэн»,

в японском обществе это воспринимается как нерезонное заявление. Однако факты есть факты. Я считаю, что следует признать: «Кантокуэн» не были обычными маневрами, а были подготовкой к войне»¹⁵.

Однако японские правящие круги остаются глухи к призывам восстановить историческую правду. Противоречащая фактам версия о «миролюбии» Японии и «агрессивности» Советского Союза в годы войны весьма необходима им для оправдания политики милитаризации Японии, продолжения гонки вооружений под предлогом «возрастания советской угрозы». В связи с этим сохраняет актуальность задача углубленного изучения военной политики Японии в отношении Советского Союза накануне и в годы второй мировой войны, дальнейшего научного обоснования с привлечением новых документов и фактов справедливости и исторической необходимости участия Советского Союза в разгроме милитаристской Японии.

Учитывая, что в трудах советских ученых тема «Военная политика Японии в отношении Советского Союза в 1931—1945 гг.» как предмет специального исследования до сих пор не поднималась, автор предпринял попытку по возможности восполнить этот пробел. В работе уделяется особое внимание японским документальным материалам, которые лишь частично введены в научный оборот в советской исторической литературе. Эти материалы содержатся в выпущенной военно-исторической службой управления национальной обороны Японии, насчитывающей свыше ста томов «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии»¹⁶, многотомных трудах «Путь к войне на Тихом океане»¹⁷, «История войны на Тихом океане»¹⁸, «История периода Сёва»¹⁹, «Документы истории окончания войны»²⁰ и др. Использование опубликованных в этих изданиях документов кабинетов министров, императорской ставки, генерального штаба армии и морского генерального штаба, военного и военно-морского министерств, Квантунской армии позволило, в частности, раскрыть планы войны против СССР, разработанные и уточнявшиеся генеральным штабом армии в 30-е годы и в ходе войны, показать их связь с японо-китайской войной, с планами подготовки к вооруженной борьбе против США и Великобритании, детально проанализировать конкретное содержание плана «Кантокуэн», исследовать процесс выработки военно-политических решений,

определявших военную политику Японии в отношении Советского Союза накануне и в ходе второй мировой войны.

При рассмотрении вопросов дипломатической подготовки Японии к войне против СССР были использованы сборники документов внешней политики СССР, труды Л. Н. Кутакова²¹, Г. Н. Севостьянова²², Д. И. Гольдберга²³ и других советских авторов. Исследуя различные аспекты военной политики Японии, автор обращался к архивным материалам Токийского процесса, фундаментальному труду советских ученых «История второй мировой войны 1939—1945 гг.»²⁴, коллективной работе «Японский милитаризм»²⁵, монографии А. С. Савина «Японский милитаризм во второй мировой войне»²⁶. В работе широко использованы исследования японских и американских ученых, мемуарная литература.

Приурочив издание книги к 50-летию начала второй мировой войны, автор стремился внести посильный вклад в коллективные усилия советских ученых, направленные на отстаивание исторической правды о прошедшей войне, выявление ее подлинных виновников, предотвращение повторения трагических событий прошлого.

ГЛАВА I Антисоветская политика и стратегия Японии в 30-е годы

Формирование военной политики Японии в отношении СССР

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России агрессивность японских правящих кругов в отношении своего континентального соседа значительно возросла. Как отмечал В. И. Ленин, буржуазия была смертельно «запугана «большевизмом», озлоблена на него почти до умопомрачения...»¹.

Октябрьская революция оказала неизмеримое революционизирующее влияние на народы капиталистических стран и колоний. Активизировалось революционное движение и в Японии, обострилась классовая борьба, что создавало опасность для сохранения господства в стране буржуазно-помещичьих порядков. «Уже сам факт создания социалистического государства рабочих и крестьян, факт свержения монархии и капитализма вызвал у господствующих классов Японии беспредельный страх и жгучую ненависть к Советскому Союзу»², — отмечают японские историки.

Под воздействием победы пролетарской революции в России ширилось национально-освободительное движение азиатских народов, что явилось серьезной преградой для осуществления замыслов Японии по созданию обширной колониальной империи в Азии. Японские империалистические круги, не желая мириться со сложившимся положением, объявили Советскую Россию «самым опасным и злейшим врагом» и начали спешную разработку планов «преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта»³. Характеризуя положение, сложившееся после Октябрьской революции на Дальнем Востоке, В. И. Ленин указывал на реальную опасность наступления Японии на Россию «в целях занятия... ее территории и свержения Советской власти»⁴.

В условиях готовящейся империалистической интервенции в Россию правящие круги Японии стремились

«собственными силами захватить Сибирь, задушить революцию и установить на территории Сибири маршанеточный режим»⁵.

Первую агрессию против Советской Республики японский империализм предпринял вместе со своими союзниками по первой мировой войне. Весной 1918 г. во Владивостоке высадились японские, американские, английские и французские войска. Однако численность японских войск, принимавших участие в интервенции (100 тыс. человек⁶), намного превосходила количество вооруженных сил западных держав, посланных на советский Дальний Восток. Это явилось следствием стремления «пойти на любые жертвы, только бы не опоздать к дележу территории России, который произойдет после вмешательства США, Англии и Франции»⁷.

После провала вооруженной интервенции и окончания гражданской войны в России империалистическая Япония не отказалась от своих агрессивных планов в отношении Советского государства. Поскольку в Токио не могли не учитывать, что «в будущем Советский Союз во весь голос заявит о себе», ставилась задача «принять меры против разлагающего красного влияния Советского Союза»⁸.

Несмотря на подписание в феврале 1922 г. с западными державами Вашингтонского договора, ограничивавшего японскую экспансию на Азиатский континент и в районы Тихого океана, правящие круги Японии не собирались его соблюдать. В японской прессе прямо заявлялось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны»⁹.

На проходивших в 1923 г. совещаниях военнополитического руководства, возглавляемых императором, вырабатывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления вооруженной экспансии Японии — северное и южное. В соответствии с этим в качестве вероятных противников определялись СССР и США. Подготовка войны против СССР возлагалась в основном на сухопутные войска, против США — на военно-морской флот. При этом, если война против США рассматривалась в те годы лишь как теоретическая возможность, будущая агрессия против СССР приобретала вполне зримые очертания. Под-

тверждением этого является составление генеральным штабом армии конкретных планов ведения боевых действий на территории Советского Союза.

В 1923 г. был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступить на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»¹⁰.

Однако выполнение этого плана требовало тщательной подготовки. Интервенция на советский Дальний Восток продемонстрировала слабость боевой подготовки и технического вооружения японской армии. Рассчитывавшие на легкую победу над ослабленной гражданской войной революционной Россией японские генералы «на собственном опыте испытали мощь коммунистического государства, проявившуюся в объединении красных идей с военными действиями»¹¹. Наиболее здравомыслящие политические деятели и представители деловых кругов Японии предлагали на время воздержаться от агрессивных действий против СССР, установить с ним дипломатические и торгово-экономические отношения. При этом считалось, что ради нормализации советско-японских отношений Советский Союз может пойти на серьезные уступки Японии.

Правительство молодой Советской Республики сразу после революции стало добиваться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к мирным и торговым связям с ними. Еще в декабре 1917 г. Советское правительство вступило в переговоры с японскими представителями в Петрограде о пересмотре всех договорных обязательств между Россией и Японией и о заключении нового торгового и экономического соглашения. Однако нормализация отношений затянулась по вине японской стороны.

Только в 1925 г. между Советским Союзом и Японией были установлены дипломатические отношения. И все же, когда Советское правительство в мае 1927 г. обратилось к японскому правительству с предложением о подписании между обоими государствами договора о ненападении, оно было отвергнуто. Полная нормализация отношений не входила в планы японских правящих кругов. Японское руководство, взявшее курс на

подготовку новой агрессии против СССР, исходило из того, что Япония должна «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»¹². Особенно противились договору о ненападении с СССР военные круги. Генеральный штаб армии и военное министерство не прекращали разрабатывать планы антисоветской войны, будучи глубоко убежденными в том, что такую войну следует начать как можно раньше, до того, как СССР усилит свою мощь. По мобилизационному плану 1926 г., против СССР должно было быть использовано 18 дивизий. При этом считалось, что ослабленная революцией Россия «не сможет выставить против Японии и десяти дивизий»¹³.

Обстановка осложнилась в конце 20-х годов, когда в странах капитализма разразился жесточайший экономический кризис. Японию мировой кризис поразил сильнее, чем большинство других капиталистических государств. В этих условиях японские правящие круги стали еще более активно искать способы решения внутренних трудностей на путях внешней экспансии.

Усиливавшая свое влияние в политике японского государства военщина добилась в апреле 1927 г. формирования кабинета, который возглавил известный милитарист генерал Танака Гиити. Он же стал министром иностранных дел Японии.

27 июня 1927 г. в Токио начала работу так называемая восточная конференция, в работе которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также японские дипломаты, аккредитованные в Китае. Главной темой конференции была выработка политики в отношении Китая. Обсуждение вопроса о Китае было вызвано не только целями экономической экспансии в эту страну, но и стремлением подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925—1927 гг.

Еще в годы японской интервенции против Советской Республики на Дальнем Востоке военно-политическим руководством Японии ставилась задача «внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государственную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону»¹⁴. Впоследствии в эту «зону» была включена и Монголия. По итогам «восточной конференции» 7 июля был принят и

опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которого состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В «программе» указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...» Подлинный смысл этого положения документа раскрыл один из организаторов «восточной конференции», заместитель министра иностранных дел Японии Мори, который признавал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На отторгнутых территориях предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори, на них должна «обрушиться вся государственная мощь»¹⁵. «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным»¹⁶, — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии».

Стратегические цели японского империализма были сформулированы в известном меморандуме генерала Танака, который он вручил 25 июля 1927 г. императору. В преамбуле меморандума указывалось: «Для того, чтобы покорить Китай, мы должны прежде покорить Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы покорить мир, мы должны прежде всего покорить Китай. Если мы покорим Китай, все другие страны Азии и страны Южных морей в страхе перед нами капитулируют. Мир тогда поймет, что Азия принадлежит нам, и не посмеет нарушить наших прав. Овладев ресурсами Китая, мы перейдем к покорению Индии, Малой Азии, Средней Азии и Европы. Если нация Ямато хочет быть высшей на Азиатском континенте, первым шагом для этого является обладание правом господства в Маньчжурии и Монголии»¹⁷. Далее в меморандуме излагался конкретный план покорения Маньчжурии и Монголии и управления ими. Он, в частности, предусматривал выделение из секретных фондов армии средств для направления во Внешнюю и Внутреннюю Монголию 400 военных шпионов, овладение рудниками, переселение в

Маньчжурию и Монголию большого числа корейцев, строительство железных дорог военного назначения в Северной Маньчжурии. Указывалось на необходимость «под предлогом противодействия подготовке Красной России к движению на юг усилить быстрое продвижение в районы Северной Маньчжурии и благодаря этому захватить ее богатые ресурсы»¹⁸.

Важным этапом осуществления этой экспансионистской программы рассматривалась война Японии против СССР. В меморандуме Танака особо подчеркивалось, что «в скором будущем неизбежно наступит момент, когда наша страна столкнется с Красной Россией в районе Северной Маньчжурии... По велению судьбы нашей стране неизбежно придется вновь скрестить мечи с Россией...»¹⁹. Японские империалисты понимали, что Советский Союз является главной преградой на пути осуществления захватнической политики Японии. Они прямо указывали: «Пока этот скрытый риф (СССР.— А. К.) не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед»²⁰. На основе такой программы генеральный штаб Японии разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале Северо-Восток, затем Север Китая и Синьцзян. После закрепления на этих плацдармах планировалось развертывание широких военных действий против Советского Союза²¹. В то же время в военных кругах имела место и другая точка зрения, что антисоветская война должна предшествовать неограниченной экспансии на Азиатский континент. Свое мнение они обосновывали тем, что Советский Союз может помешать осуществлению агрессивных планов Японии. Советский посол в Японии А. А. Трояновский информировал Советское правительство: «В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»²².

Однако в Японии не могли не учитывать то, что разобщенные в результате экономического кризиса капиталистические державы не были готовы выступить единым фронтом против СССР. Да и сама Япония экономически была не подготовлена к серьезной войне против Советского Союза. Проявлявшие осторожность японские политики и военные, учитывая опыт первой мировой войны, понимали, что участие в войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Они заявляли, что «Япония не выдержит длительную войну с

Россией без китайского сырья»²³. Учитывалось также, что к началу 30-х годов в Японии еще не закончился процесс реорганизации и переоснащения вооруженных сил. Поэтому на первый план и выдвинулся вынашиваемый годами замысел провести «легкую и быструю» войну в Маньчжурии, отторгнуть эту богатую сырьевыми ресурсами и имевшую важное стратегическое значение провинцию Китая.

Японские монополии рассчитывали на быстрое решение своих экономических проблем за счет колониальной эксплуатации Северо-Восточного Китая. Ведь на его долю приходилось 93 % добычи нефти, 79 % выплавки железа, 55 % добычи золота, 41 % железнодорожных линий, 37 % запасов железной руды, 23 % выработки электроэнергии и 37 % внешнеторгового оборота Китая²⁴. Территорию Маньчжурии планировалось превратить в мощный плацдарм для наступления на Китай и СССР. Бывший военный министр Японии Минами на процессе над главными японскими военными преступниками в Токио заявил, что «Маньчжурия рассматривалась как военная база в случае войны с СССР. Как оккупация Маньчжурии, так и вторжение в Китай исходили из конечной стратегической цели Японии — войны против СССР»²⁵.

В Токио внимательно следили за ростом обороноспособности Советского государства. В мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В ходе его выполнения быстро росло промышленное производство, что позволяло решать задачи укрепления материальных основ обороны Советского государства. В годы первой пятилетки в СССР осуществлялась программа создания современной военно-технической базы для обороны и поднятия технической и боевой мощи Вооруженных Сил Страны Советов до уровня первоклассных европейских армий²⁶.

После разгрома в 1929 г. китайских милитаристских банд и русских белогвардейцев, которые устраивали вооруженные провокации на КВЖД и нападали на советскую территорию, «японская армия резко изменила свои взгляды на Красную Армию»²⁷. Перспектива усиления Вооруженных Сил СССР серьезно беспокоила составителей японских планов антисоветской войны. В начале ~~30-х годов в Японии вновь активизировались сторонники скорейшего нападения на Советский Союз.~~

В июле 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление генерала Койсо на заседании кабинета министров, в котором говорилось, что «выполнение пятилетки создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения»²⁸. Перед этим японский посол в Москве Хирота рекомендовал начальнику генерального штаба проводить «решительную политику против Советской России и быть готовыми в любую минуту начать войну с целью захвата Восточной Сибири»²⁹. 29 марта 1931 г. военный атташе японского посольства в Москве подполковник Касахара писал в генеральный штаб, что «Япония должна продвинуться по крайней мере до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы»³⁰.

Составленный в конце 20-х годов генеральным штабом армии план войны против СССР «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку с моря и с территории Северной Кореи. После его тщательного изучения в Токио пришли к выводу, что до нападения на СССР необходимо укрепиться в Маньчжурии, чтобы использовать ее территорию и ресурсы для развертывания наступательных операций на советский Дальний Восток и Сибирь с нескольких направлений. Японские стратеги считали, что для успеха военных действий против СССР необходимо в самом начале войны перерезать в районе Байкала Транссибирскую железнодорожную магистраль. Осуществить это можно было только с территории Маньчжурии. Направленный в марте 1931 г. в Северо-Восточный Китай и Корею полковник Судзуки докладывал в генштаб о трудностях ведения военных действий против СССР в случае высадки главных сил армии на побережье восточнее Владивостока³¹. Не могли не учитывать японские стратеги и того, что выступление против СССР лишь своими силами, без активной поддержки других капиталистических государств было весьма рискованным.

18 сентября 1931 г., после завершения необходимых приготовлений, японские вооруженные силы спровоцировали так называемый маньчжурский инцидент, и через три месяца военных действий вся территория Маньчжурии была оккупирована японской армией. Захват Маньчжурии был чрезвычайно крупной по своим

последствиям акцией в плане расширения колониальной империи Японии. Он оказал важное влияние и на последующее развитие японо-советских отношений, поскольку Япония оказалась в прямом пограничном соприкосновении с СССР.

Японские военные историки признают, что «после оккупации Маньчжурии появилась возможность повторения сибирской экспедиции»³². Среди командования армии укреплялось мнение о том, что в результате захвата Маньчжурии Япония может обрушиться на Советский Союз в любой момент. Считалось, что это должно произойти в ближайшем будущем. В качестве обоснования этого приводилась оценка военно-стратегического положения СССР. В докладе военного атташе Японии в Советском Союзе Касахара, датированном 1932 г., в частности, указывалось: «Развертывая программу вооружений, мы должны ставить в центр внимания Советский Союз. Японо-советская война в будущем неизбежна... С точки зрения боеспособности СССР для нас было бы выгодным эту войну начать как можно скорее...» Далее японский военный атташе подчеркивал: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы радикальным образом разрешить проблему наших взаимоотношений с Советским Союзом. Учитывая то, что в данный момент военные силы Японии и СССР находятся в непосредственной близости, и то, что СССР, ощущая страх, увеличивает свои вооружения на Дальнем Востоке, нужно быть в полной боевой готовности...»³³

Стремясь ускорить нападение Японии на СССР, военщина прибегала к различного рода провокациям. Так, например, японская военная разведка с этой целью готовила покушение на японского посла в СССР Хирота. По словам сотрудника одной из иностранных миссий в Москве, это «обязательно вызвало бы войну между СССР и Японией». Склоняя к совершению покушения одного из работников Народного комиссариата путей сообщения, дипломат-provokator разъяснял, что «это покушение необходимо сделать и что оно будет иметь чисто демонстративный характер. Он говорил, что дело не в том, чтобы обязательно убить посла, а достаточно двух пуль из ржавого нагана в стекло посольского автомобиля на улицах Москвы»³⁴.

Советское руководство хорошо понимало, что выход японских вооруженных сил на советскую границу увеличивает опасность нападения Японии на СССР. В этих

условиях Советское правительство активизировало свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие такого пакта является ненормальным и не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. В советском заявлении, сделанном в декабре 1931 г. японскому министру иностранных дел Ёсидзава и послу Хирота, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить выражением миролюбивой политики и намерений японского правительства.

В Токио не сомневались в искреннем стремлении Советского Союза проводить политику мира на Дальнем Востоке. В секретном меморандуме, составленном начальником бюро европейско-американских дел Того в апреле 1933 г., говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»³⁵.

13 декабря 1932 г. Япония официальной нотой отклонила предложение СССР, заявив, что «еще не созрел момент для заключения пакта о ненападении». Правящие круги страны, на которые оказывалось сильное давление со стороны так называемых патриотических, т. е. крайне правых фашистских, групп, не желали отказываться от планов захвата советского Дальнего Востока. К тому же японо-советский пакт лишал военщину аргументов об «угрозе» Японии со стороны Советского Союза, которые широко использовались для обоснования требований постоянно увеличивать ассигнования на военные нужды. Распространяя пропаганду о «красной опасности», японские военные утверждали, будто «с идеологической точки зрения договор о ненападении приведет к ослаблению бдительности в отношении СССР»³⁶.

Учитывалось также, что японо-советский пакт о ненападении может вызвать отрицательную реакцию со стороны Соединенных Штатов Америки, Великобритании и других западных держав, целью которых было отвлечь внимание японского империализма от их азиатских колоний, направив его против Советского Союза. Будучи уверенными в том, что война против СССР приведет к ослаблению Японии как конкурента на Дальнем Востоке, империалистические круги Запада, и в

первую очередь США, в то же время стремились использовать эту страну для «обескровливания СССР».

Хотя в Вашингтоне и Лондоне понимали, что оккупация Маньчжурии — лишь первый шаг по осуществлению японской программы колониальных захватов в Азии, тем не менее там считали, что дальнейшая экспансия Японии будет направлена не на юг, а на север. К тому же западные державы рассматривали японскую оккупацию Северо-Восточного Китая как эффективное средство борьбы против национально-освободительного движения китайского народа. В 1931 г. президент США Г. Гувер говорил своим министрам: «Если бы японцы нам прямо заявили: «Наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на Севере с коммунистической Россией мы будем иметь еще на фланге, возможно, коммунизированный Китай, поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае», — мы не могли бы выдвинуть возражений»^{37–38}.

Представители высшего военного руководства Японии не скрывали своего намерения в ближайшее время совершить агрессию против Советского Союза. В мае 1933 г. военный министр Араки на совещании губернаторов заявил: «Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому для Японии необходимо обеспечить себе путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири»³⁹. Подобные заявления использовались и для того, чтобы убедить западные державы в целесообразности проводить в отношении Японии политику умиротворения, продолжая снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. Отстаивая перед Вашингтоном эту линию, посол США в Японии Дж. Грю убеждал американскую администрацию, что захват Маньчжурии следует рассматривать как прелюдию японо-советской войны. В одной из своих телеграмм в госдепартамент он доносил: «Помощник военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше»⁴⁰. В октябре 1933 г. Грю подтвердил эту информацию, сообщая о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов»⁴¹.

В первой половине 30-х годов, по мере усиления в Японии влияния милитаристских кругов, вопрос о войне против Советского Союза стал открыто обсуждаться политическими деятелями, в том числе официальными представителями японского правительства, а также печатью. В послании маркиза Кидо комиссии, созданной в январе 1932 г. при кабинете министров Японии для «выработки политики в отношении заморских территорий империи», подчеркивалось, что наличие на территории Маньчжурии императорской армии позволяет проводить «плановые меры» по подготовке условий для решения «северной проблемы», т. е. по подготовке к войне против Советского Союза⁴².

Выход японских вооруженных сил к границам СССР потребовал составления нового плана войны против Советского Союза. Он был разработан еще до завершения захвата Маньчжурии. Генеральный штаб армии уже в конце сентября 1931 г. принял документ «Основные положения оперативного плана войны против России». Планом предусматривалось «выдвижение японских войск к востоку от Большого Хингана и быстрый разгром главных сил Красной Армии». Вслед за этим надлежало разгромить войска противника на всех направлениях. При этом имелся в виду весь район Северной Маньчжурии и Приморья⁴³.

В конце августа 1932 г. генштабом был разработан план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после оккупации всей Маньчжурии стратегическое положение. При составлении этого плана командование японской сухопутной армии исходило из того, что Япония уже достигла необходимого стратегического превосходства над Советскими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке. При этом особо выделялись следующие факторы: а) в войне против СССР примут участие не только японские, но и маньчжурские войска; б) сражения в приграничных районах советско-маньчжурской границы Япония будет вести по внутренним операционным линиям, а Советский Союз — по внешним; в) разгром советских частей будет осуществляться поодиночке в начальный период войны; г) советские базы ВВС подлежат быстрой ликвидации, что устранит серьезную опасность с этой стороны; д) в кратчайший срок будет перерезана Дальневосточная железнодорожная магистраль, которая находится в непосредственной близости от Маньчжурии; е) по срав-

нению с прежним периодом ныне возможно составить конкретные планы операций и проводить детальную подготовку к их осуществлению⁴⁴.

Планом на 1933 г. было определено, что против четырех-пяти дивизий, которые, по расчетам японского генштаба, мог выставить Советский Союз в Приморье, японская армия будет иметь три дивизии в Маньчжурии и две в Корее. Кроме того, одна дивизия должна была высадиться с моря в районе Владивостока. Намечалось уже в начальный период войны нанести по советским войскам в Приморье «сокрушительный удар». Считалось, что «к тому времени, когда Советский Союз перебросит из глубины страны две дополнительные дивизии, сражение в Приморье будет завершено, советские ВВС разгромлены и развеяны, Владивосток захвачен»⁴⁵.

Для действий на северном, амурском, направлении выделялось три дивизии, на западном, хинганском, — четыре. Кроме того, предусматривалось иметь десять дивизий резерва ставки. Силами еще одной дивизии планировалось осуществить захват Северного Сахалина и Камчатки. Две дивизии получали задачу обеспечивать с юга тыл группировки. После разгрома противостоящих сил противника оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от озера Байкал⁴⁶.

В конце 1932 г. этот план был одобрен императором Японии. Содержание его свидетельствовало о том, что военный успех в Маньчжурии опьяняюще подействовал на японские военные круги и они не желали трезво оценивать возросшую мощь Советского Союза. С целью ускорения начала реализации плана японская военщина сознательно нагнетала напряженность на советско-маньчжурской границе — продолжались провокации на КВЖД, организовывались частые «пограничные инциденты», на советскую территорию засылались шпионско-диверсионные группы.

В обстановке обострения советско-японских отношений, возрастания опасности войны на Дальнем Востоке XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) отмечал: «Отказ Японии от подписания пакта о ненападении... лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно... Одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР

и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что его это не касается»⁴⁷.

Авантюризму военных в первой половине 30-х годов в известной степени противодействовали влиятельные буржуазные лидеры политических партий и представители монополистических объединений из числа так называемых старых концернов, сферой приложения капиталов которых была в основном промышленность собственно Японии. Эти деятели, хотя и поддерживали захватнические планы, направленные против СССР и Китая, тем не менее выступали за более осторожное развитие «материковой политики». Они склонялись к существовавшему параллельно с требованиями «немедленно напасть на СССР» мнению о целесообразности идти по пути «постепенного изживания дефектов в деле обороны империи с тем, чтобы через десять лет достичь полной готовности»⁴⁸. Считалось, что на этот период Японии было бы выгодно пойти на временную нормализацию японо-советских отношений и даже заключить с СССР пакт о ненападении. Член Высшего военного совета Японии адмирал Като в беседе с послом СССР в Японии А. А. Трояновским указывал на наличие в японских руководящих кругах «двух течений» в отношении СССР. Он говорил: «Первое — за возможно тесное сближение с СССР, второе — за разрыв. Первое — многочисленнее, второе очень активно... Идут горячие споры»⁴⁹.

Среди противников немедленного нападения на СССР были и представители промышленных и финансовых кругов, которые рассчитывали, что «большевизм падет в России сам в результате неспособности большевиков справиться со сложностями развития тяжелой индустрии»⁵⁰. Считалось, что в этом случае советский Дальний Восток и Сибирь без труда попадут под контроль Японии. Недооценивая в силу своей классовой ограниченности мощь и потенциальные возможности социалистического государства, японские монополисты даже тешили себя надеждами на то, что угрозой войны можно заставить СССР добровольно отказаться от своих дальневосточных территорий. Так, генеральный секретарь экономической федерации Японии Акияма заявлял: «Я остро ощущаю нужду Японии в колониях и искренне настаиваю на этом... Я предлагаю купить со-

ветский Дальний Восток — Приморье, Амурские области и Северный Сахалин». «Рассчитав», что каждый день войны с Советским Союзом будет стоить Японии около 45—50 млн иен, этот японский бизнесмен предлагал вместо ведения войны выплатить Советскому Союзу в течение десяти лет за Дальний Восток 1 700 млн иен, что составляло, по смете Акияма, стоимость 34 дней войны против СССР⁵¹.

Несмотря на несуразность этих расчетов, идея «покупки» советских дальневосточных территорий в 30-е годы нашла поддержку среди ряда ведущих политических деятелей Японии. Видный японский дипломат Сиратори, развивая эту «идею», писал в 1935 г. министру иностранных дел Арита: «Прежде всего Россия должна... разоружить Владивосток и т. д., закончить вывод своих войск из Внешней Монголии... не оставив ни одного солдата в районе озера Байкал... Вопрос о передаче Северного Сахалина по умеренной цене включается сюда тоже. В будущем надо иметь также в виду покупку Приморской области Сибири»⁵². Едва ли стоит говорить, что все это звучало как фанфаронство, вызванное переходящей всякие границы самоуверенностью японских капиталистов и их правительства.

В целом же как сторонники «немедленного разгрома СССР», так и приверженцы более осторожного курса, объявляя «решение северной проблемы насущной задачей империи», заявляли, что «по сравнению с этой великой целью китайский вопрос... является второстепенным»⁵³.

Вопрос о войне Японии против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. На нем шли острые дебаты об определении первоначального объекта нападения и о сроках реализации планов расширения агрессии на континенте.

Во главе сторонников форсирования подготовки к агрессии против СССР стоял военный министр Араки. Он и его последователи поставили перед собой цель — осуществить нападение на СССР в 1936 г., когда для этого, по их мнению, «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Эта группировка настаивала на том, чтобы «наиболее опасным противником определить Советский Союз» и готовиться к войне прежде всего против него⁵⁴.

Оппозицию составляли приверженцы последова-

тельной и всесторонней подготовки экономики и вооруженных сил, считавшие, что следует не спешить с реализацией планов войны против СССР, а сосредоточить внимание на укреплении позиций Японии в Китае. Представители этой группировки, возглавляемой генералами Нагата и Тодзио, заявляли, что для ведения «большой войны» против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Соглашаясь с определением Советского Союза как «главного врага Японии», Тодзио в то же время предупреждал о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генштаба Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон и значительно повысить производственные мощности Японии и Маньчжурии»⁵⁵. Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было невероятно трудно, предусматривалась необходимость пойти даже на переговоры с СССР о пакте о ненападении, пока Япония будет последовательно накапливать силы. Главный смысл предложений сторонников последовательной подготовки к войне с СССР состоял в том, чтобы в предстоящие годы создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай⁵⁶.

Большинство присутствовавших на совещании не приняло эту точку зрения и проголосовало за резолюцию, предусматривавшую обращение к императору с рекомендацией сосредоточить все усилия империи на подготовке к выступлению против Советского Союза, который определялся в документе как «противник номер один»⁵⁷.

В своих требованиях ускорить выступление против СССР так называемая северная группировка военных опиралась на поддержку японских «молодых» промышленных концернов, сферой деятельности которых стали вновь завоеванные территории. Однако более сильные «старые» монополии, имевшие большое влияние в правительственных кругах, приняли решение сначала «переварить» Китай, а затем, овладев его ресурсами, приступить к решению «северной проблемы»⁵⁸. В конечном счете с ними вынуждены были согласиться даже некоторые широко известные своими антисоветскими настроениями представители армии. Так, генерал Иси-

хара, обращаясь к руководству военного министерства и генерального штаба, заявлял: «Наиболее опасным противником остается традиционный враг — Россия... Однако сейчас страна должна сконцентрировать свои усилия на увеличении экономической мощи, доведя ее до уровня, позволяющего состязаться с производственной мощью Советского Союза»⁵⁹.

В результате споров о сроках нападения на Советский Союз была принята компромиссная линия. Хотя военная подготовка к нападению на СССР проводилась в жизнь, но не такими быстрыми темпами, как этого добивались сторонники скорейшего нанесения удара по СССР. Основной упор был сделан на превращение территории Маньчжурии в мощный военно-экономический плацдарм для будущего наступления на СССР и Китай.

Это, однако, не означало переноса сроков японского нападения на Советский Союз на отдаленное будущее. Планы овладения первоначально Китаем не вносили существенных изменений в военную политику Японии в отношении СССР. Она по-прежнему исходила из стратегической цели разгрома Красной Армии и захвата японской армией обширных территорий советского Дальнего Востока и Сибири. Это подтверждалось масштабами развернувшейся во второй половине 30-х годов подготовки японской империи к войне против Советского Союза.

Подготовка Японии к войне против Советского Союза

Несмотря на принятое в 1933 г. решение временно воздержаться от нападения на СССР, уже к середине 30-х годов в Японии вновь активизировались сторонники развязывания войны против Советского Союза. Это было вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, экономическое развитие Японии и созданного в 1932 г. на территории Маньчжурии марионеточного государства Маньчжоу-го, по мнению японского милитаристского руководства, уже позволяло иметь такую военную мощь, которая могла бы противостоять Вооруженным Силам СССР на Дальнем Востоке. Во-вторых, начал складываться военно-политический союз Японии с фашистскими государствами Европы, который планировалось направить в первую очередь против Со-

ветского Союза. В-третьих, японские правящие круги расценили активную миролюбивую политику Советского Союза как «признак его слабости».

В начале 1936 г. премьер-министр Японии заявил в парламенте, что самой большой проблемой на Дальнем Востоке является борьба с «угрозой коммунизма». В стране была развернута шумная антисоветская пропаганда. Внутри Японии все большее влияние получали сторонники немедленных действий против СССР. В вышедшей в середине 30-х годов в Японии книге некоего Уэхара «Будут ли сражаться Япония и СССР?» ее автор утверждал: «Проблема войны с Россией для японцев не просто теоретический вопрос, а вопрос жизненной необходимости». Далее он указывал, что в Японии существуют четыре точки зрения по поводу войны с Советским Союзом: «Во-первых, это те, кто считает, что Япония должна воевать с Россией. Среди них есть радикалы и умеренные. Радикалы настаивают на немедленной войне, а умеренные требуют осторожности. Во-вторых, это те, кто верит, что войны с Россией не будет. Их немного, и это в основном так называемые политические либералы... В-третьих, это сторонники экономических связей с СССР. Таких очень мало. В-четвертых, это те, кто считает, что Япония не должна воевать с Россией. Их также очень мало. Это пацифисты, социалисты и коммунисты. Короче, это люди, само существование которых совершенно несовместимо с принципами японского государства»⁶⁰.

Смысл сказанного состоял в том, что в результате усиленной антикоммунистической обработки японское население было подготовлено к восприятию курса на проведение антисоветской войны. Тех же, кто противодействовал этому, клеймили как «врагов нации». Создалась ситуация, когда война против Советского Союза рассматривалась в Японии как «священная миссия» нации, от выполнения которой зависит судьба японского государства.

Однако на планы осуществления антисоветского «крестового похода» в середине 30-х годов стало оказывать все большее влияние обострение американо-японских отношений. Многолетняя политика западных держав, направленная на сдерживание вооруженной экспансии Японии на юг и поощрение ее к войне против Советского Союза, не могла сгладить существовавшие противоречия западного мира с Японией, которые в

межимпериалистической борьбе за Китай все обострялись. В 30-е годы обострение этих противоречий достигло такой степени, когда та и другая стороны стали сознавать, что борьба за овладение богатствами Восточной Азии и бассейна Тихого океана не может разрешиться мирным путем.

Японские империалистические круги с тревогой восприняли решение конгресса США об ассигнованиях в 1933 г. бюджетных средств на строительство 32 новых военных кораблей. Призывы к войне против СССР стали чередоваться с заявлениями о неизбежности японо-американской войны на Тихом океане с целью вытеснить США и другие западные державы из Китая, стран Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана и превратить эти богатые сырьем и дешевой рабочей силой районы в колониальные владения Японии. Мир воочию убеждался в правильности ленинского анализа перспектив империалистической борьбы в Азии и на Тихом океане. В. И. Ленин отмечал: «Перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии,— ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной...»⁶¹

В 1936 г. правящие круги Японии приняли решение о необходимости активизировать подготовку к войне на двух направлениях: северном — против СССР и южном — против США, Великобритании, Франции и Голландии. Продолжение агрессивной политики в Китае рассматривалось как составная часть экспансии на юг. Это нашло отражение в принятых в июне 1936 г. двух документах японского правительства «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил». В них было решено «считать главными потенциальными противниками США и Советский Союз, а также следующими по важности за ними — Китай и Великобританию»⁶². Исходя из этого ставилась задача резко увеличить мощь армии и флота. Предусматривалось иметь в сухопутных силах 50 дивизий и 142 авиаэскадрильи, в ВМФ — 12 линкоров, 12 авианосцев, 28 крейсеров, 96 эсминцев, 70 подводных лодок,

65 авиаотрядов морской авиации⁶³. Это была программа небывалого наращивания мощи вооруженных сил. К 1936 г. японская армия имела лишь 17 дивизий, а флот — 9 линкоров и 4 авианосца.

Этот курс был закреплен в принятом 7 августа 1936 г. правительственным документе «Основные принципы национальной политики», в котором провозглашалось «превращение империи номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии». Одновременно была принята программа покорения Северного Китая, в которой предусматривалось, что «в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, проманьчжурскую зону». В отношении Советского Союза ставилась задача «осуществить военные приготовления в армии, которые заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-го и Корею контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и в частности, были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке Вооруженным Силам Советского Союза».

К этому времени генеральный штаб армии разработал очередной вариант «Плана войны против СССР на 1936 г.», который в августе 1935 г. был утвержден императором. Он носил ярко выраженный наступательный характер и предусматривал с самого начала войны силами морской авиации разгромить Советские Военно-Воздушные Силы на Дальнем Востоке и в результате мощных ударов лишить (Красную Армию) боеспособности⁶⁴.

Определение двух направлений распространения агрессии вызвало обострение соперничества между армией и флотом в борьбе за получение больших бюджетных ассигнований на вооружение. Стремясь одержать верх в этой борьбе, командование сухопутной армии развернуло беспрецедентную кампанию пропаганды «советской угрозы», якобы имевшего место «значительного отставания японской армии от дальневосточной Советской Армии». Опираясь голыми цифрами, командование армии утверждало, будто увеличение Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке «создало кризис для обороны Японии»⁶⁵.

В обстановке, когда по вине Японии опасность возникновения японо-советской войны на Дальнем Восто-

ке стала постоянным фактором, Советский Союз был вынужден укреплять свою обороноспособность — увеличивалась численность войск, на Дальнем Востоке появились танковые и авиационные части и подразделения, усиливался Тихоокеанский флот, шло строительство пограничных укрепленных районов. Эти меры имели оборонительный характер и не превышали необходимого для защиты советских дальневосточных границ уровня.

Утверждения японского командования сухопутных сил о «решающем превосходстве советской Дальневосточной армии» не соответствовали действительности. Это убедительно доказывает в своем исследовании Акира Фудзивара, который пишет: «В действительности угрозе подвергался Советский Союз... Сравнение сухопутных сил Японии, расположенных на континенте, т. е. в Маньчжурии и Корее, с сухопутной армией Советского Союза на Дальнем Востоке является несостоятельным. Такое сравнение армий двух стран должно проводиться с учетом всей численности войск, которые стороны могли использовать в случае войны. Для СССР весьма серьезной проблемой была большая протяженность железнодорожной магистрали из Европы в Сибирь, которая к тому же имела лишь одну колею. Это весьма затрудняло сосредоточение войск в районе предполагаемого сражения. С другой стороны, окруженная морями Япония могла концентрировать войска, используя морские пути. Это обеспечивало ей решающее преимущество. Кроме того, основная часть капиталовложений Японии в Маньчжурии шла на строительство выводящих к советской границе стратегических железных дорог, что обеспечивало быстрое развертывание войск. В Японии существовал план сосредоточения в районе границы в течение трех-четырех месяцев с начала войны миллионной группировки. Учитывая это, Советский Союз был вынужден увеличить численность сил сдерживания на Дальнем Востоке еще в мирный период.

Важно и то, что в те годы Советский Военно-Морской Флот на Дальнем Востоке не представлял угрозы для Японии. Было ясно, что с самого начала войны Японское море будет полностью контролироваться японским флотом. Для японской армии было несложно напасть на военную базу Владивостока и осуществить высадку войск в любом пункте Приморской области...

Способность наносить удары по советским авиабазам в Приморье с японских авианосцев создавала большое преимущество для Японии».

Таким образом, утверждения командования японской армии о «подавляющем военном превосходстве СССР на Дальнем Востоке» не соответствовали действительному положению вещей. «Поскольку оккупация Маньчжурии проводилась исходя из стратегии антисоветской войны, необходимость увеличения войск возникла не для Японии, а, наоборот, для Советского Союза», — приходит к выводу японский историк⁶⁶.

Укрепляя обороноспособность своих дальневосточных рубежей, Советское правительство и командование Вооруженных Сил стремились добиться такого соотношения сил, которое не позволяло бы японскому военно-политическому руководству рассчитывать на успех агрессии против СССР. Это признают объективно мыслящие японские историки, которые указывают: «В связи с активизацией провокаций Японии началось укрепление Советской Армии в Сибири и на Дальнем Востоке, и в середине 30-х годов было достигнуто примерное равновесие сил... Но, стремясь не допустить укрепления мощи Советского Союза в этом регионе, командование японской армии пыталось добиться превосходства своих сил перед Красной Армией»⁶⁷.

Во исполнение решений, записанных в документе «Основные принципы национальной политики», в Японии была развернута широкая подготовка к войне против Советского Союза. Она велась по всем линиям — экономической, военной, идеологической и дипломатической. Быстрыми темпами наращивалась мощь специально предназначенной для войны против СССР Квантунской армии. После оккупации Маньчжурии за несколько месяцев, с января по август 1932 г., численность этой армии увеличилась более чем вдвое, а количество находившихся на ее вооружении орудий, танков, бронемашин и самолетов возросло в 3 раза. В течение последующих лет численность Квантунской армии была доведена до 300 тыс. солдат и офицеров (1939 г.)⁶⁸.

В развитии экономики основной упор был сделан на рост военного производства, которое за период с 1935 по 1939 г. увеличилось более чем в 3 раза⁶⁹. Особенно быстро увеличивалось производство вооружения для сухопутной армии. Так, с 1937 по 1939 г. производ-

ство винтовок возросло с 43 тыс. до 250 тыс., пулеметов — с 2295 до 16 530, пехотных орудий — со 171 до 613, танков — с 325 до 562, самолетов сухопутных войск — с 600 до 1600 ⁷⁰. С 1936 по 1939 г. ассигнования на военные нужды увеличились более чем в 5 раз и составили в 1938/39 финансовом году 6,8 млрд иен. Особенно быстро росли ассигнования для армии. В 1937 г. они составили 2 млрд 750 млн, а в 1939 г. — 4 млрд 647 млн иен ⁷¹.

Хотя это было связано с тем, что с июля 1937 г. Япония начала новый этап войны в Китае, значительная часть материальных средств предназначалась для подготовки к будущей войне против Советского Союза и на случай вооруженных столкновений с западными державами. Руководители военного министерства Японии заявляли: «Мы решили приложить усилия к тому, чтобы китайский инцидент не превратился в войну на изматывание наших сил. Поэтому, вообще говоря, мы потратили 40 процентов нашего бюджета на китайский инцидент и 60 процентов — на увеличение вооружений. Что касается железа и других важнейших материалов, предоставленных армии, то мы потратили 20 процентов на китайский инцидент и 80 процентов — на увеличение вооружений» ⁷².

В результате проведенных с 1936 по 1939 г. мероприятий значительно возросла огневая мощь японских сухопутных сил, в первую очередь за счет оснащения пехотных частей и подразделений новым и модернизированным артиллерийским и стрелковым оружием. К 1939 г. в сухопутной армии насчитывалось более 2 тыс. танков, почти вдвое увеличилось количество эскадрилий сухопутных войск (около 1 тыс. самолетов) ⁷³.

Готовясь к войне против СССР, а также против Китая, военно-политическое руководство продолжало ускоренными темпами укреплять маньчжуро-корейский военно-экономический плацдарм. Здесь создавалась база для ведения войны на континенте. Основное внимание уделялось бесперебойности снабжения всеми необходимыми материалами и оружием нацеленной на СССР Квантунской армии. За счет ресурсов Маньчжурии, а также Северного Китая и Внутренней Монголии планировалось обеспечить снабжение Квантунской армии из расчета ее годовой потребности в 2 400 тыс. т стали и стальных изделий, 48 млн т угля и 2,5 млн т нефти ⁷⁴. В Маньчжурии и Корее активно развивались

чисто военные отрасли промышленности: самолетостроение, вооружение, автомобилестроение и т. д. Эти колонии Японии широко использовались и как продовольственная база Квантунской армии.

В течение многих лет в Маньчжурии и Корее не прекращалось строительство железных и шоссейных дорог военного назначения. Наиболее активное строительство стратегически важных дорог проводилось в северо-восточной части Маньчжурии, близко расположенной к территории СССР. В своих показаниях на Токийском процессе генерал-лейтенант Кусаба заявил, что строительство новых и переоборудование старых железных дорог обеспечивало быструю доставку войск к советским границам в любом направлении непосредственно накануне антисоветской войны, а также переброску войск во время войны ⁷⁵.

Для быстрой переброски войск из метрополии на континент в Корее и Маньчжурии строились новые и расширялись старые морские порты. В связи с подготовкой нападения на СССР были построены военноморские базы на побережье Кореи — Расин, Сейсин, Юки ⁷⁶.

Планируя массированное применение авиации в войне против СССР, японское командование резко увеличило количество аэродромов, авиабаз и посадочных площадок на территории Маньчжурии и Кореи. Если к 1931 г. в Маньчжурии было всего 5 аэродромов, то к лету 1941 г. их насчитывалось уже 74, а общее количество аэродромных пунктов, предназначенных для взлета и посадки самолетов, достигло 287. В Корее число аэродромных пунктов за это время было увеличено с 8 до 53 ⁷⁷.

В Маньчжурии и Корее интенсивно велись военнотехнические работы. К 1941 г. на советско-монгольской границе японской армией было построено 13 укрепленных районов общей протяженностью более 700 км ⁷⁸. В результате в Маньчжурии, у границ с Советским Союзом, были созданы «два бетонированных пояса укреплений, связанных в единую мощную систему прикрытия большой армии вторжения» ⁷⁹. С 1937 г. сеть казарм в Маньчжурии увеличилась более чем в 3 раза. В 1941 г. их вместимость была рассчитана на 39 пехотных дивизий, т. е. около 800 тыс. человек. Основная часть казарм была сосредоточена на операционных направлениях, выводящих к советской границе. В Корее к 1941 г. были

построены казармы для семи пехотных дивизий. В непосредственной близости от границ Советского Союза были размещены многочисленные склады боеприпасов и военного имущества. Мероприятия военного характера для подготовки к войне против СССР активно осуществлялись также на Южном Сахалине, Хоккайдо и Курильских островах⁸⁰.

В планах войны против СССР японские стратеги не допускали возможности затяжной войны. Главными принципами стратегии должны были быть «стремительность, внезапность, военное и политическое подавление противника до пределов, создающих объективную необходимость для него пойти на капитуляцию»⁸¹. В документе генерального штаба «Основные принципы стратегии и тактики в войне против СССР» указывалось: «Главной целью в руководстве войной против Советского Союза является: быстро навязать противнику решающее сражение и, максимально используя достигнутые первоначальные успехи, в кратчайший срок лишить противника воли к победе»⁸².

Техническое оснащение японской армии было приспособлено к вероятным маневренным операциям против Советского Союза. Это означало ведение боевых действий на континенте, в условиях суровых морозов, на редконаселенной территории со слабо развитой сетью дорог. Для операций подобного рода было необходимо легкое вооружение и хорошо организованная служба войскового тыла⁸³.

Для отработки боевых действий против Красной Армии проводились частые учения и маневры в Маньчжурии, Корее, на территории собственно Японии (Хоккайдо), а также на Южном Сахалине и Курильских островах. Предполагаемым противником в ходе учений всегда была Красная Армия. К войне против СССР готовились все находившиеся на Азиатском континенте японские войска. В 1936 г. был издан ряд приказов для японских гарнизонов в Китае, которыми предписывалось «обучать офицеров и солдат ведению боевых действий против Советской Армии»⁸⁴.

Активно велась идеологическая и психологическая подготовка населения к войне против СССР. В ходе пропаганды «советской угрозы» усиленно внедрялось представление о том, что «главным препятствием на пути решения китайского инцидента в пользу Японии» является «коммунистическая Россия». В школьных

программах было введено изучение истории «великой Японии», где к землям империи причислялись и территории советского Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала. Воспитание школьников в духе антикоммунизма и вражды к советскому народу велось по специальным программам, настойчиво и целеустремленно⁸⁵.

В основу идеологической обработки японских солдат были положены указания о том, что в обстановке, когда стало невозможным оградить армию от идей социализма и коммунизма, японские офицеры должны «смело вступить в столкновение с Марксом и расправиться с коммунистами»⁸⁶. Система идеологической обработки японских военнослужащих была направлена на внушение солдатам и офицерам мысли об агрессии против Советского Союза как «священном и патриотическом деле, стоящем любых жертв». Широко использовалась клевета на внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, распространялись идеи якобы «исторически обусловленной враждебности между Японией и Россией». Представители японского командования «с гордостью» заявляли о высоком уровне моральной подготовки японских военнослужащих, которая-де позволяет надеяться, что «в случае боевых действий с СССР солдаты готовы драться до конца»⁸⁷.

Как уже отмечалось, в 1936 г. японское военнополитическое руководство взяло курс на превращение Японии в «стабилизирующую силу в Восточной Азии». Хотя основным противником был назван не только СССР, но и США, именно война против Советского Союза рассматривалась как неперемное условие дальнейшей экспансии Японии в Азии. В разработанном генштабом в 1935 г. документе «Политика государства по обороне страны» было записано: «Хотя с точки зрения экономических нужд империи мы многое ожидаем от Китая и районов Южных морей, в политическом и военном отношении главным стратегическим опорным пунктом против России является Маньчжурия». В документе подчеркивалось, что, лишь «ликвидировав угрозу на севере, возможно достичь целей политики государства в отношении районов Южных морей и Северного Китая»⁸⁸.

С этим соглашались и представители командования флота, который ориентировали в основном на действия на юге, против США и Великобритании. Ко-

мандующий 3-й эскадрой вице-адмирал Оикава писал военно-морскому министру Нагано: «Если выступим против России, то это будет война против общего для всего мира противника, поскольку СССР — коммунистическая страна... При этом можно ожидать принятия и соответствующих со стороны Германии мер в далекой Европе». Выражалась надежда на то, что в результате выступления против России можно будет ослабить международную изоляцию Японии⁸⁹.

Важнейшей задачей японской дипломатии в плане подготовки к агрессии против СССР был поиск союзников, которые могли бы отвлечь значительные силы Советского Союза, облегчив тем самым осуществление захватнических планов японской империи. После прихода к власти в Германии гитлеровского руководства японские правящие круги сразу же стали искать пути сближения с этим фашистским государством. Уже в феврале — марте 1933 г. после выхода Японии из Лиги Наций глава японской делегации в этой международной организации Мацуока нанес визит в Германию, где в публичном заявлении назвал ее «единственной страной, имеющей столько исторических параллелей с Японией, которая также борется за свое место в мире»⁹⁰.

Со своей стороны фашистская Германия видела в милитаристской Японии потенциального союзника, способного создать против СССР второй фронт, на Востоке. С 1933 г. Гитлер и его окружение изучали возможности союза с Японией на антисоветской основе⁹¹. В 1935 г. германские руководители и лично Гитлер выступили с официальным предложением заключить японо-германский военный союз. Аналогичные рекомендации японскому правительству поступали из посольства Японии в СССР: военный атташе Касахара в донесениях в Токио особо подчеркивал необходимость «вовлечь западных соседей и другие государства в войну против СССР...»⁹².

Событием, обозначившим начало качественно нового этапа в развитии антисоветской политики Японии, явилось заключение 25 ноября 1936 г. японо-германского «антикоминтерновского пакта». Как указывалось Токийским трибуналом, этот пакт был «своим острием направлен против Союза Советских Социалистических Республик»⁹³.

«Антикоминтерновский пакт» был не просто идеоло-

гическим союзом двух антикоммунистических партнеров, к которому через год присоединился и третий партнер — фашистская Италия. Это был военно-политический союз, предусматривающий совместные действия в случае войны против Советского Союза. Содержание пакта раскрывает приложенное к нему «секретное соглашение». В нем говорилось: «В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик. В случае возникновения указанной выше ситуации договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты общих интересов»⁹⁴. Вслед за заключением пакта было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве между Японией и Германией.

Учитывая, что как японское, так и германское военно-политическое руководство едва ли всерьез опасались нападения Советского Союза, который всеми своими внешнеполитическими акциями демонстрировал искреннее стремление к миру, столь необходимому для строительства социализма в стране, нетрудно понять истинный смысл «секретного соглашения». Объединение сил для борьбы с первым в мире социалистическим государством — вот главная цель «антикоминтерновского пакта». Перед заключением пакта в секретном документе японского правительства от 7 августа 1936 г. было записано: «В отношении Советского Союза интересы Германии и Японии в основном совпадают... Наше сотрудничество необходимо направить на обеспечение обороны страны и осуществление мероприятий по борьбе с красными»⁹⁵. 25 ноября 1936 г. министр иностранных дел Японии Арита на заседании Тайного совета, который одобрил заключение «антикоминтерновского пакта», прямо заявил: «Отныне Россия должна понимать, что ей придется стоять лицом к лицу с Германией и Японией»⁹⁶.

Наращивание мощи военной группировки в Маньчжурии и Корее, появление союзников на Западе порождали в японских милитаристских кругах авантюристические настроения. Им казалось, что Япония уже

готова к расширению вооруженной экспансии на Азиатском континенте. Главными объектами агрессии по-прежнему являлись Китай и Советский Союз.

Агрессия Японии в Китае и провокационные вылазки на границе СССР и МНР

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо, близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими военнослужащими из состава так называемой гарнизонной армии в Китае. Согласно японской версии, это был инцидент, который якобы по вине китайской стороны был расширен до масштабов войны. Бывший офицер оперативного управления генштаба императорской армии Хаттори писал после войны: «Конфликт у Лугоуцяо был для Японии полной неожиданностью. В то время Япония прилагала усилия к созданию Маньчжоу-го, усилению военных приготовлений против СССР, проведению в жизнь плана развития важнейших отраслей промышленности и поэтому не предусматривала планирование и подготовку всеобщей войны против Китая»⁹⁷. Однако ставшие ныне доступными японские документы не оставляют сомнения в том, что японское военно-политическое руководство использовало эти события для реализации существовавших в Японии планов отторжения в свою пользу территории сначала Северного, а затем всего Китая.

В соответствии с требованиями документа «Основные принципы национальной политики» японский генеральный штаб армии наряду с разработкой планов войны против СССР в середине 30-х годов приступил к планированию операций по овладению Северным Китаем. Один из таких планов предусматривал для проведения операций в Северном Китае сформировать специальную армию, которая включала бы японскую «гарнизонную армию в Китае», одну бригаду из Квантунской армии и три дивизии из состава японских сухопутных сил в метрополии и Корее. Выделявшимся силам намечалось овладеть Пекином и Тяньцзинем⁹⁸.

В Токио считали, что с военной точки зрения Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и легко станет ее добычей. Поэтому для операций

по овладению Китаем выделялась лишь часть вооруженных сил империи. Главные же силы армии сохранились на случай войны против СССР.

Разработанный в 1936—1937 гг. генеральным штабом армии более широкий план войны в Китае предусматривал силами пяти (в зависимости от обстановки — трех) пехотных дивизий оккупировать Северный Китай. В Центральном Китае должны были действовать пять, а в Южном Китае одна японская дивизия. В результате наступательных операций намечалось в качестве опорных пунктов захватить китайские города Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Считалось, что, овладев этими городами и прилегающими к ним районами, Япония сможет контролировать всю китайскую территорию⁹⁹. Захват всего Китая намечалось осуществить за два-три месяца¹⁰⁰.

Оккупация Японией всего Китая означала серьезное нарушение интересов западных держав в этой стране. Китайский рынок имел важное значение для экономики США, Великобритании и Франции. В Токио понимали, что обострение соперничества в борьбе за Китай создавало опасность столкновения Японии с западными державами. Готовясь к новым захватам китайской территории, японские лидеры стремились избежать такого развития событий. При этом расчет делался на то, чтобы подтолкнуть правительства США, Великобритании и Франции к продолжению политики умиротворения Японии. Основанием для такого расчета была их позиция в отношении захвата Японией в 1931 г. Маньчжурии. Тогда Японии удалось убедить западные державы в том, что оккупация Северо-Восточного Китая была необходима для создания «барьера на пути коммунизма». Умело играя на антисоветизме США, Великобритании и Франции, японцы стремились укрепить их веру в неизбежность японо-советской войны. После оккупации Маньчжурии до сведения Вашингтона, Лондона и Парижа различными методами доводились данные о подготовке Японией условий для решения «северной проблемы».

В Советском Союзе отчетливо сознавали заинтересованность западных стран в советско-японской войне. 3 марта 1933 г. зам. наркома по иностранным делам Л. М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным

выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»¹⁰¹

Одной из важных форм поощрения Японии западными державами к войне против СССР являлось увеличивавшееся снабжение ее военной промышленности и армии дефицитными военно-стратегическими материалами. Особенно важное значение имели бесперебойные поставки Японии из США бензина и другого горючего. После вторжения японской армии в Маньчжурию в больших количествах продолжало поступать в Японию из США и Великобритании военное снаряжение. Осенью 1931 и в 1932 г. только США поставили Японии товаров военного назначения на 181 млн долл.¹⁰² Эти поставки из года в год росли.

В середине 30-х годов, готовясь к вооруженной агрессии в Китае, японское руководство развернуло шумную пропагандистскую кампанию под лозунгом «борьбы с коммунистической опасностью». В Токио считали, что антикоммунистический и антисоветский характер планов расширения экспансии на Азиатском континенте, как и во времена захвата Маньчжурии, будет способствовать тому, что западные державы, в первую очередь США и Великобритания, вновь не окажут сопротивления японской агрессии, продолжая направлять ее против Советского Союза.

Однако, поскольку на сей раз речь шла об овладении Японией Центральным и Южным Китаем, где были сосредоточены основные интересы США и Великобритании, требовалась более глубокая проработка политики, обеспечивающей невмешательство в войну этих держав. Этим занимались военно-морское министерство и генеральный штаб флота, которые 16 апреля 1936 г. представили правительству документ «Предложения по вопросу о внешней политике государства». В нем формулировалась политика Японии в отношении великих держав в период «продвижения в южном направлении».

В документе рекомендовалось, «воспользовавшись сложной ситуацией в Европе и ослаблением позиций Великобритании в Азии, установить тесные связи с английскими колониями, чтобы они удерживали англичан от проведения антияпонской политики». В отношении США предлагалось «обратить самое серьезное вни-

мание на увеличение военной мощи (Японии), вынуждая Америку признать позиции Японии в Восточной Азии, а с другой стороны — установить с США дружественные отношения на основе экономической взаимозависимости»¹⁰³. Смысл этой политики состоял в том, чтобы удержать США от противодействия японской экспансии, используя заинтересованность американских монополий в торговле с Японией.

Как показали последующие события, расчеты Японии в значительной степени оправдались. Летом 1937 г. реакция США и Великобритании на новую японскую агрессию в Китае была еще более пассивной, чем во время «маньчжурского инцидента». Хотя президент США Ф. Рузвельт продолжал унаследованную от прежней администрации дальневосточную политику «непризнания» действий Японии после оккупации Маньчжурии, американское правительство заняло двойственную позицию в отношении начавшейся японо-китайской войны. Эта двойственность была проявлением противоречивости политики США. С одной стороны, США стремились не допустить монопольного владения Японией Китаем, а с другой — надеялись с помощью японцев подавить национально-освободительную борьбу китайского народа и вовлечь Японию в войну против СССР.

Аналогичной была позиция Великобритании и Франции. Не проявляя активности в вопросе организации коллективных действий против агрессии Японии в Китае, западные державы непосредственно связывали перспективы развития обстановки на Дальнем Востоке с расчетами на советско-японское столкновение. О надеждах на поворот японской агрессии с юга на север откровенно говорил 26 августа 1937 г. в беседе с послом США в Париже Буллитом министр иностранных дел Франции Дельбос. Он заявил, что, «по его мнению, японское наступление в конечном итоге направлено не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бейпина и Калгана для того, чтобы подготовить наступление на Транссибирскую железную дорогу в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии»¹⁰⁴.

Занятая западными державами позиция поощрила японских милитаристов на дальнейшие захваты. Японская армия быстро продвигалась в глубь Северного

Китая. В августе японцы открыли фронт в Центральном Китае. 13 августа японские войска при поддержке авиации и флота начали наступление на Шанхай, создали угрозу столице Китая — Нанкину.

Политика фактического попустительства западных держав агрессору создавала крайне тяжелое положение для Китая, грозившее потерей его самостоятельности. Во время многочисленных встреч с американскими и английскими дипломатами в Китае Чан Кайши убеждал их, что единственный путь остановить японскую агрессию — это совместные действия США, Великобритании и других государств. При этом он, с одной стороны, указывал на перспективу серьезного нарушения их интересов в Китае, а с другой — взывал к моральным обязательствам, которые западные державы возложили на себя, подписав Вашингтонский договор 1922 г., декларировавший «независимость» и «целостность» Китая. Чан Кайши настойчиво призывал к сотрудничеству западных держав «теперь и незамедлительно», с тем чтобы добиться прекращения японской агрессии. Однако западные державы, не желая сколько-нибудь серьезного конфликта с Японией, по существу оставляли Китай наедине с агрессором.

В начале августа министр иностранных дел Китая Ван Чунхой следующим образом характеризовал позиции западных держав в отношении японской агрессии: «1. Америка — полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции. 2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае. В Токио Англия сделала «дружественные» представления японскому правительству. Во всяком случае Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними прекращаются... 3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки»¹⁰⁵.

В обстановке предательства западными державами интересов Китая руководство этой страны обратило свои надежды на Советский Союз, который видел свой интернациональный долг в оказании помощи жертвам империалистической агрессии. 23 июля 1937 г. министр иностранных дел Китая Ван Чунхой с горечью говорил полпреду СССР в Китае Д. В. Богомолу: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению советско-китайских отношений»¹⁰⁶.

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю дипломатическую и иную поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Значение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами сторон не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было по сути дела соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими агрессорами. Как отмечают советские историки, «подписанный в самый тяжелый для Китая момент, договор нанес серьезный удар агрессивной политике Японии, рассчитывавшей на международную изоляцию Китая»¹⁰⁷.

О решимости Советского правительства воспрепятствовать японской агрессии свидетельствовала позиция, занятая СССР на состоявшемся в сентябре 1937 г. пленуме Лиги Наций. В речи советского представителя 21 сентября отмечалось: «На Азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету...»¹⁰⁸ На пленуме Лиги Наций, а затем на открывшейся 3 ноября 1937 г. в Брюсселе специальной международной конференции советские представители требовали принятия конкретных мер по пресечению японской агрессии. Советский Союз предложил в соответствии со ст. 16 Устава Лиги Наций применить против Японии коллективные санкции, вплоть до военных. Однако представители западных держав сделали все, чтобы это предложение было отклонено. Отвергнуто было и поддержанное Советским Союзом предложение Китая о применении против Японии экономических санкций. Определяющей на конференции в Брюсселе была позиция США, которая, по словам государственного секретаря США Хэлла, состояла в том, что «вопрос о методах давления на Японию не входит в задачу данной конференции»¹⁰⁹.

Отказываясь от предлагавшихся СССР коллективных мер по обузданию японских агрессоров, западные державы стремились подтолкнуть Советский Союз на самостоятельное выступление против Японии, ссылаясь на то, что он-де является соседом Китая. Во время

конференции западные представители явно в провокационной манере заявляли, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов поугатать Токио»¹¹⁰. Было очевидно, что вовлечение СССР в японо-китайскую войну рассматривалось западными державами как наилучшее развитие событий, ибо это означало отвлечение внимания Японии от Центрального и Южного Китая.

Подталкивая Японию к войне против СССР, США и другие западные державы обеспечивали ее всем необходимым для продолжения агрессии. Американский сенатор Швеленбах признавал: «Ни у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они по крайней мере посылают своих людей, которые рискуют быть убитыми. Мы не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем,— это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыли»¹¹¹.

В течение первых трех лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн т) 70 % поступило из США. В 1938 г. американские поставки военных материалов Японии составили 29 % всех использованных в Китае военных материалов¹¹². О том, что Япония широко использовала в Китае американские поставки, свидетельствовал тогдашний торговый атташе в Китае, который писал: «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией»¹¹³. По китайским подсчетам, от американского вооружения гибли 54 из каждых 100 мирных жителей Китая¹¹⁴.

Упорное нежелание западных держав принять действенные меры по обузданию японских агрессоров убеждало правительство Японии в безнаказанности его действий в Китае. 12 ноября 1937 г. силами 150-тысячной ударной группировки японцы захватили Шанхай и двинулись на столицу Китая — Нанкин. 12 декабря японские войска ворвались в Нанкин, где учинили кровавую резню его мирных жителей.

Оказавшись в крайне сложном положении, прави-

тельство Китая информировало об этом советское руководство. 13 декабря китайский министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцяо в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня так завтра перед китайским правительством станет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться»¹¹⁵. Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для борьбы с СССР и использует все ресурсы Китая, материальные и человеческие, для войны с СССР. Отчаявшись дожидаться поддержки со стороны Запада, 29 декабря Чан Кайши поставил перед Советским Союзом вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств¹¹⁶.

Верный принципам поддержки национально-освободительного движения колониальных и зависимых от империализма народов, Советский Союз принял решение оказать прямую материальную помощь китайскому народу в его борьбе с японскими захватчиками. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долл. В Китай были направлены 297 самолетов, 82 танка, 425 пушек и гаубиц, 1825 пулеметов, 400 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение¹¹⁷. Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долл.

Крупномасштабная советская помощь борющемуся китайскому народу реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов. Поэтому прекращение помощи СССР Китаю было объявлено в качестве одной из важнейших внешнеполитических задач Токио. В обстановке, когда западные державы

откровенно проводили в отношении Японии политику умиротворения, японское правительство считало, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз»¹¹⁸.

Стремление изолировать Советское государство от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японских милитаристов на обострение советско-японских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано 124¹¹⁹. Информировав временного поверенного в делах СССР в Японии К. А. Сметанина о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомонов писал 25 июня, что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью»¹²⁰. Пытаясь оказать давление на Советское правительство, японское военно-политическое руководство в середине 1938 г. стало открыто угрожать ему войной.

Однако в условиях все большего вовлечения в военные действия в Китае японское правительство опасалось открытия еще одного фронта на севере. В январе 1938 г. в ответ на запрос германского генерального штаба о сроках нападения Японии на СССР представитель японского генштаба Хомма отвечал, что подготовка к антисоветской войне ведется усиленными темпами, «ибо всякая оттяжка во времени идет на пользу СССР». Вместе с тем, разъясняя трудности войны в Китае, а также финансовые проблемы Японии, он указывал, что «для подготовки войны против Советского Союза Японии потребуется не менее года, но не более двух лет»¹²¹.

Как отмечалось выше, приступая в 1937 г. к новому этапу агрессии в Китае, японские правящие круги исходили из ее скоротечности. После захвата важнейших опорных пунктов на китайской территории планировалось переключить военные усилия на решение «северной проблемы». Об этом, в частности, свидетельствуют разработанные параллельно с программой завоевания Китая документы японского генерального штаба армии.

В августе 1936 г. второе управление генерального штаба составило документ «Основные принципы плана

по руководству войной против Советского Союза». В первом разделе этого документа под названием «Цели войны» указывалось на необходимость на первом этапе «захватить Приморье (правое побережье Уссури и Амура) и Северный Сахалин» и «заставить Советский Союз согласиться со строительством великого монгольского государства»¹²², разумеется, под эгидой Японии.

Во втором разделе, озаглавленном «Курс руководства войной», излагались стратегические задачи антисоветской войны. Они сводились к следующему: «Наиболее важно сконцентрировать все силы против СССР, в самом начале добиться большого военного успеха... С началом войны уничтожить противника на Дальнем Востоке, захватить необходимые территории, используя авиацию, а также монголов, белогвардейцев, учинить беспорядки на территории противника и принудить его к капитуляции. Необходимые войска и материалы для войны против СССР подготовить на континенте еще в мирный период»¹²³.

Далее ставились конкретные задачи армии и флоту. Сухопутные силы Японии должны были уже «в начале войны добиться таких военных успехов, которые поразят мир». Завершив наступление как можно скорее, надлежало «применением авиации и других средств создать основу для капитуляции противника». Военные мероприятия по подготовке к войне против СССР в метрополии ограничивались созданием противовоздушной обороны. Одновременно с операциями на континенте предусматривалось захватить Северный Сахалин и овладеть расположенными здесь нефтяными месторождениями. Главным в плане мероприятий по управлению захваченными территориями Советского Союза объявлялась ликвидация здесь Советской власти и экономическое ограбление оккупированных земель через «развитие промышленности».

Задачей императорского флота было уничтожение во взаимодействии с армией военно-морских баз Советского Союза на Дальнем Востоке, обеспечение беспрепятственного прохода в Корейском проливе, а также безопасности морских торговых путей в районах Южных морей. В заключение документа излагался порядок действий в случае одновременного с антисоветской войной столкновения с Китаем и США¹²⁴.

Оперативным планом войны против СССР на 1937 г., который был сохранен и на следующий год, предусмат-

ривалось наступление японских войск на советскую территорию с трех направлений — восточного, северного и западного. При этом в качестве важнейшей задачи объявлялось быстрое «разрушение Транссибирской железной дороги в районе Байкала с тем, чтобы перерезать главную транспортную артерию, связывающую европейскую часть СССР с Сибирью»¹²⁵.

В марте 1938 г. заместитель начальника штаба Квантунской армии Исихара направил в генеральный штаб документ «Политика обороны государства», в котором этот план был детализирован. Основной удар силами Квантунской и Корейской армий должен был наноситься по советскому Приморью с целью захвата Никольска-Уссурийского, Владивостока, Имана, а затем Хабаровска, Благовещенска и Куйбышевки-Восточной. В результате этого удара надлежало отсечь советские войска Особой дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем рядом последовательных ударов планировалось осуществить наступление на северном — амурском и западном — забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику.

На первом этапе войны планировалось использовать 18 дивизий, усилив Квантунскую армию шестью дивизиями, переброшенными из метрополии. По плану на Японских островах в период военных действий против СССР оставлялась лишь одна дивизия. Для осуществления плана командование Квантунской армии потребовало от центра быстрого сосредоточения у советской границы большого количества боеприпасов и военных материалов. В целях проведения рекогносцировки и изучения местности в районах предстоящих сражений планировалось направление в Квантунскую армию ответственных представителей центральных военных ведомств и учреждений¹²⁶.

Однако к концу 30-х годов Советский Союз значительно усилил свою обороноспособность на Дальнем Востоке, что создавало препятствия для реализации разработанных японским генштабом и Квантунской армией планов войны против СССР. Готовясь к антисоветской агрессии, центральное военно-политическое руководство Японии вместе с тем не могло не учитывать изменившееся соотношение сил на Дальнем Востоке. Менее авантюристично настроенные японские политики понимали, что Япония еще не готова к серьезной

войне с таким сильным противником, как Советский Союз. Соглашаясь на поддержание напряженности на советско-маньчжурской границе, они тем не менее опасались преждевременного начала войны и намеревались приступить к решению «северной проблемы», лишь будучи уверенными в военной поддержке других капиталистических государств. При этом особые надежды возлагались на объединенное выступление против СССР Германии и Японии.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом они не скрывали своего намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Азии. Это заставило США занять более определенную позицию в отношении японской экспансии. 17 марта 1938 г. государственный секретарь США Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае»¹²⁷.

Перспектива дальнейшего обострения японо-американских отношений создавала опасность осуществлению японских планов завоевания Китая. Чтобы не допустить этого, японские лидеры решили принять меры, демонстрирующие западным державам намерение Японии вступить в вооруженную борьбу с СССР. Японские представители в западных странах развернули усиленную дипломатическую работу по сколачиванию антисоветского фронта в целях ускорения войны против СССР как на Востоке, так и на Западе. Зам. наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин сообщал советским представителям в Германии, Италии, Франции, Великобритании и США, что одной из целей этой деятельности Японии было обеспечение себя «военным снаряжением, сырьем и кредитами, необходимыми для продолжения затянувшейся войны с Китаем»¹²⁸. В Токио рассчитывали, что в случае японо-советской войны поставки Японии военных материалов не только не прекратятся, но и будут возрастать.

Японское военно-политическое руководство, желая не обмануть надежды западных держав, летом 1938 г. начало искать повод для осуществления крупной военной провокации на советско-маньчжурской границе. В июне в Японии была развернута антисоветская кампания вокруг незаконных притязаний на советские территории в южной части Приморья. В японской прессе

было опубликовано провокационное сообщение о якобы имевшем место переходе границы Маньчжоу-го советскими пограничниками. 15 июля японский посол в СССР Сигэмицу в категорической форме предъявил Советскому правительству требование правительства Японии о «передаче» Японии части территории СССР близ озера Хасан в районе высоты Заозерная, овладение которой позволяло вести операции по окружению Владивостока. В ответ Советское правительство предъявило текст Хунчунского соглашения, подписанного с Китаем в 1886 г. В приложенной к соглашению карте прохождения русско-китайской границы четко обозначено, что высота Заозерная лежит на русской территории. Однако японская сторона игнорировала этот официальный документ.

Пока шли переговоры в Москве, японский военный министр Итагаки и начальник генерального штаба Каньин добивались санкции императора на проведение срочной мобилизации и вооруженный захват советской территории. Итагаки доказывал, что нанесение удара принесет успех, так как данный район «слабо подготовлен Советами к обороне»¹²⁹. 22 июля на совещании пяти ведущих министров японского правительства план нападения на советскую территорию в районе озера Хасан был одобрен императором¹³⁰.

Приказ генштаба на сосредоточение у советской границы группировки японской армии был отдан 16 июля одновременно с предъявлением территориальных притязаний Советскому правительству. 19 июля к границам советского Приморья были выдвинуты две пехотные дивизии (19-я и 20-я), пехотная бригада, три пулеметных батальона, кавалерийская бригада, отдельные танковые части и 70 самолетов¹³¹. В составе этой группировки насчитывалось более 38 тыс. человек. Им был отдан приказ изготолвиться к наступлению¹³².

29 июля японские войска вторглись на советскую территорию. 31 июля, пользуясь численным перевесом, они под покровом ночи захватили сопку Безымянную и высоту Заозерную. Советская граница в этом районе была нарушена на глубину четыре километра. Советские пограничные части были вынуждены отойти к востоку от озера Хасан. Японская 19-я дивизия готовилась к дальнейшему наступлению с целью захвата Посьетского района и создания непосредственной угрозы Владивостоку. Когда императору Японии было до-

ложено об этих действиях японской армии, он «выразил удовлетворение»¹³³.

2 августа советское командование, продвинув к озеру Хасан части 1-й (Приморской) армии, начало штурм сопок, занятых японцами. Был приведен в боевую готовность советский Тихоокеанский флот. После ожесточенных боев к 9 августа японская группировка вторжения с большими потерями была отброшена с советской территории. Однако 10 августа японские части вновь захватили высоту Заозерную, но были в тот же день выбиты советскими войсками. Начальник штаба 19-й дивизии Накамура спешно отправил начальнику штаба Квантунской армии Китано телеграмму, в которой просил «немедленно начать дипломатические переговоры», заявляя, что японская армия уже «продемонстрировала свою мощь... и, пока есть выбор, нужно остановиться»¹³⁴.

Через посольство в Москве японское правительство предложило прекратить боевые действия, соглашаясь на восстановление нарушенной границы. 11 августа 1938 г. военные действия в районе озера Хасан были прекращены. Как свидетельствуют японские источники, во время боев у озера Хасан «из семи тысяч принимавших непосредственное участие в сражениях японских военнослужащих было убито 500 и ранено 900. Потери составили 20 %. Передовые части потеряли половину своего состава и были лишены боеспособности»¹³⁵.

Бои у озера Хасан не были пограничным инцидентом. Японское нападение являлось заранее спланированной и подготовленной агрессивной акцией против СССР. Это не могут не признавать и японские историки, которые пишут: «Это были настоящие бои, где впервые за время пограничных инцидентов между Японией и СССР принимали участие войска стратегического назначения»¹³⁶.

Поражение японских войск свидетельствовало о их неспособности на равных вести вооруженную борьбу с Красной Армией, которая во время хасанских событий продемонстрировала возросшую огневую мощь, маневренность, боевую выучку. И все же японцам частично удалось добиться своих целей: они показали западным державам свое намерение продолжать конфронтацию с СССР. Это имело немаловажное значение, ибо именно в это время Япония вела переговоры с Ве-

ликобританией о разделе Китая. Обострение советско-японских отношений было использовано японцами на этих переговорах с целью побудить британское правительство не создавать для них затруднений в Китае. 20 августа посол Великобритании Р. Крейги телеграфировал в Лондон, что японский премьер-министр Коноэ лично выразил готовность сотрудничать с Великобританией в оккупированных районах Китая. 1 сентября английское правительство дало свое согласие на такое сотрудничество ¹³⁷.

О том, насколько были велики расчеты США на расширение вооруженного конфликта между Японией и СССР, свидетельствовали публикации в американской прессе, провокационный характер которых был очевиден. Так, например, 13 августа американская газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Хасанский инцидент еще не урегулирован... Инциденты могут легко возникнуть повсюду... Вдоль маньчжурской границы, вне всякого сомнения, найдутся места, которые, согласно московской карте, могут оказаться русскими, но которые заняты японцами» ¹³⁸. Отмечая, что «японские закупки нефти, производящиеся почти полностью в США, резко возросли», американская пресса давала понять, что в случае столкновения с СССР Япония может рассчитывать на еще большую материальную помощь из-за океана ¹³⁹.

Осенью 1938 г. японское правительство решило активизировать свои дипломатические переговоры с Великобританией, добиваясь от нее признания захватов Японии в Китае. К этому его подтолкнуло подписание 30 сентября 1938 г. Великобританией и Францией мюнхенского соглашения с гитлеровской Германией и фашистской Италией, результатом которого явилось расчленение Чехословакии. Совершенное в Мюнхене предательство убеждало Японию, что Великобритания может пойти на подобное соглашение и на Дальнем Востоке.

В Токио видели двойственность политики Великобритании в отношении Китая. С одной стороны, английское правительство, оберегая свои экономические интересы, не желало усиления Японии в Китае и пыталось этому противостоять, а с другой — готово было пойти на сделку с Японией за счет Китая, если японская агрессия будет повернута с юга на север, против Советского Союза. Поэтому японские лидеры стали уси-

ленно убеждать англичан в возможности японо-английского сотрудничества в оккупированных районах Китая, если Великобритания откажется от поддержки правительства Чан Кайши ¹⁴⁰.

При этом японцы продолжали разыгрывать в дипломатической игре с США и Великобританией «советскую карту». В сентябре 1938 г. японский премьер-министр Коноэ вновь выступил с призывом к усилению борьбы с «коммунистической опасностью». В Лондоне восприняли это как свидетельство сохранения в Японии планов войны против СССР.

24 сентября Китай вновь обратился в Лигу Наций за помощью в борьбе против Японии. Однако его поддержал лишь Советский Союз, который продолжал настаивать на коллективных действиях для прекращения японской агрессии. Англия же, окончательно вступив на путь умиротворения, искала возможности для сговора с Японией. 27 сентября посол Великобритании в Японии Крейги писал в Лондон: «Мы уже давно нащупываем базу для сотрудничества между английскими и японскими властями в Китае по защите английских интересов, и мы были бы готовы сделать все, что в наших силах, для укрепления сотрудничества в этой области» ¹⁴¹.

Видя проявленную в Мюнхене уступчивость западных держав, японцы сочли момент благоприятным для разворачивания наступления на юг Китая, где интересы США и Великобритании были особо велики. 22 октября японские войска захватили Кантон, а 25 — Ухань. С потерей порта Кантон Китай оказался изолированным от внешнего мира. К концу октября 1938 г. японцы оккупировали огромную территорию Китая, овладев его главными промышленными центрами.

Вслед за этим, уверившись в безнаказанности своей агрессивной политики, японское руководство заявило на весь мир о своих претензиях на Восточную Азию. 3 ноября было опубликовано «заявление императорского правительства», в котором объявлялось, что «империя ставит своей целью построение нового порядка, который должен обеспечить стабильность в Восточной Азии на вечные времена. В этом же заключается конечная цель и нынешних военных действий... Идея построения нового порядка в Восточной Азии возникла еще во времена, когда складывались основы современного японского государства. Ее осуществление яв-

ляется священным и славным долгом нынешнего поколения японского народа... Правительство заявляет о твердости этого курса империи и о своей решимости провести его в жизнь».

В «заявлении» выражалась уверенность в том, что «великие державы тоже правильно поймут наши истинные намерения и будут поступать соответственно новой ситуации, сложившейся в Восточной Азии». В целях разъяснения «истинных намерений» приводилась прежняя антикоммунистическая риторика. Империалистическая агрессия в Азии вновь прикрывалась лозунгом «обеспечения совместной борьбы против коммунизма»¹⁴².

Не вызывает сомнения, что появление этого «заявления» было одним из результатов мюнхенского сговора. Именно после проявленной Англией и Францией беспринципной уступчивости агрессорам в Европе в Токио решили, отбросив маскировку, открыто заявить о своих планах завоевания господства в Азии и на Тихом океане, вытеснения из этого региона других колониальных держав. Заявление о намерении Японии «установить новый порядок в Восточной Азии» было равнозначно объявлению об отказе японского правительства от принципа «открытых дверей» в Китае. 18 ноября правительство Японии направило американскому правительству ноту, смысл которой состоял в подтверждении того, что принцип «открытых дверей» несовместим с японским «новым порядком»¹⁴³.

Лишь после этого в США всерьез осознали, что экспансионистские планы Японии не ограничиваются отдельными районами Китая с последующим продвижением на север, против СССР. Демонстрируя свое недовольство распространением японской экспансии на юг Китая, США негативно ответили на зондаж Японии о заключении нового японо-американского торгового договора и в декабре 1938 г. одновременно с Великобританией предоставили Китаю незначительные займы. Представители американского правительства пригрозили Японии, что в случае нарушения интересов США в Китае может «прекратиться дальнейшая помощь Японии»¹⁴⁴. Были предприняты некоторые другие шаги, преследовавшие цель продемонстрировать более тесное политическое сотрудничество между США и Великобританией.

Хотя эти меры вызвали серьезные опасения япон-

ских правящих кругов, они не отказались от своих захватнических планов, рассчитывая на продолжение западными державами политики «дальневосточного Мюнхена». О намерении Японии не останавливаться на достигнутом свидетельствовала оккупация в феврале 1939 г. острова Хайнань, а в марте — островов Спратли, обладание которыми выводило японские вооруженные силы непосредственно на подступы к владениям западных держав в Юго-Восточной Азии.

Так как дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с опасностью возникновения вооруженных конфликтов с европейскими колониальными державами, а также с США, в Токио задались целью нарушить возможную коалицию западных держав против Японии. Сделать это планировалось путем достижения договоренностей с Великобританией об отказе ее от помощи Китаю. Японское правительство видело стремление Лондона не осложнять отношений с Японией, сохранять с ней «корректные дипломатические отношения». В ноябре 1938 г. Чемберлен, характеризуя политику британского правительства на Дальнем Востоке, высказал желание «поддерживать дружественные отношения с обеими странами (Японией и Китаем.— А. К.) в надежде на наступление момента, когда их разногласия будут урегулированы...»¹⁴⁵.

Главная цель Японии состояла в том, чтобы вынудить Великобританию признать «создавшуюся обстановку в Китае». В этом случае у японцев появлялась возможность принудить китайское правительство к капитуляции и сосредоточить основные усилия на подготовке к войне с великими державами на юге и на севере. Чтобы сделать английское правительство сговорчивее, 14 июля 1939 г. японские власти начали блокаду английской и французской концессий в Тяньцзине. С другой стороны, Япония стремилась воздействовать на политику Великобритании путем очередного резкого ухудшения японо-советских отношений. Это должно было убедить Великобританию и другие западные державы в наступлении долгожданного момента переключения японской агрессии с юга на север.

Весной — летом 1939 г. в Европе сложилась напряженная обстановка. Стремясь направить агрессию гитлеровской Германии против СССР, Великобритания и Франция сорвали переговоры с Советским Союзом о

создании системы коллективной безопасности с целью предотвращения мировой войны. В Токио рассчитывали, что оставшийся один на один с агрессивными государствами Советский Союз в обстановке реальной опасности германского нападения не сможет использовать крупные силы на Дальнем Востоке и в случае вооруженного столкновения с Японией будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки, в частности на прекращение помощи Китаю.

Серьезное поражение японской армии в боях в районе озера Хасан не только не убедило японские правящие круги в авантюристичности планов антисоветской войны, а, наоборот, вызвало стремление взять реванш. С осени 1938 по весну 1939 г. японский генеральный штаб спешно разрабатывал очередной оперативный план войны против Советского Союза, получивший кодированное наименование «план операции № 8»¹⁴⁶. Было составлено два варианта плана — «Ко» и «Оцу». Вариант «Ко» представлял традиционный план нанесения главного удара на восточном направлении против советских войск в Приморье. Появление плана «Оцу» было вызвано тем, что после провала агрессии в районе озера Хасан японское командование, убедившееся в прочности советской обороны на восточном направлении, искало такое место для удара, «где противник не ждал наступления»¹⁴⁷. В результате консультаций генштаба с командованием Квантунской армии было решено нанести удар с западного направления, быстро оккупировать Монгольскую Народную Республику, выйти к озеру Байкал и на Транссибирскую железную дорогу, а затем, в случае успеха, захватить обширную территорию от Иркутска до Владивостока.

Со времени захвата Маньчжурии оккупация МНР рассматривалась японскими стратегами как важное условие проведения успешной войны против СССР. Излагая «взгляды армии на проблемы внешней политики в связи с задачами Квантунской армии», военный министр Итагаки заявлял в 1936 г.: «Если посмотреть на карту Азиатского материка, то с первого взгляда станет ясно, что Внешняя Монголия занимает важное положение с точки зрения влияния Японии и Маньчжурии и является очень важным районом, прикрывающим Сибирскую железнодорожную магистраль, связывающую советский Дальний Восток с европейской частью СССР. Следовательно, если Внеш-

няя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар. В случае необходимости можно будет вытеснить влияние СССР с Дальнего Востока без борьбы. Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми необходимыми средствами, имеющимися в ее распоряжении»¹⁴⁸.

Опасность нападения Японии на Монгольскую Народную Республику становилась реальной. Верное союзническому и интернациональному долгу, Советское правительство заявило в феврале 1936 г., что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость. 12 марта 1936 г. состоялось подписание советско-монгольского протокола о взаимной помощи против агрессии¹⁴⁹. Это заставило японские правящие круги в то время отложить намечавшийся захват МНР.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японскими милитаристскими кругами крупного вооруженного конфликта в районе реки Халхин-Гол внимание уделяется в основном военным целям этой провокации¹⁵⁰. Действительно, вооруженная провокация на Халхин-Голе преследовала цель испытать мощь Квантунской армии и проверить степень боеготовности Красной Армии. Существовали у японского руководства и расчеты на то, что Германия поддержит Японию и выступит против СССР с Запада. Однако при этом необъявленная война Японии против МНР и СССР использовалась и как важный фактор поощрения западных держав не только на продолжение, но и на активизацию политики умиротворения Японии. В условиях решительного японского продвижения на юг советско-японская война предоставляла западным державам возможность отвлечь внимание Японии от их владений в Азии и на Тихом океане. Ради этого они были готовы пойти на любые уступки Японии.

Естественно, японское руководство не могло упустить такую возможность. Существует достаточно оснований считать, что при совершении халхин-гольской провокации японские лидеры рассматривали ее как важнейший козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают и ранее неизвестные японские документы. Так, в «секретном оперативном дневнике

Квантунской армии» в связи с началом халхин-гольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме Красной Армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»¹⁵¹.

Халхин-гольские события имели непосредственную связь с обострением в 1939 г. японо-американских отношений. Опасаясь расширения формировавшегося в США движения за пересмотр «закона о нейтралитете», за объявление эмбарго на вывоз в Японию военных материалов, денонсацию японо-американского торгового договора 1911 г., японское правительство стремилось использовать свои военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США Хориноути убеждал Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза¹⁵².

Поводом для начала агрессивных действий Японии в районе реки Халхин-Гол вновь, как и во время хасанских событий, были избраны территориальные притязания Японии на якобы «спорные районы» на маньчжурско-монгольской границе. Для того чтобы создать «правовую основу» для нападения, японская сторона пошла на явный подлог. Были сфабрикованы топографические карты, на которых граница Маньчжоу-го наносилась по реке Халхин-Гол. В действительности она проходила более чем на 20 км восточнее реки¹⁵³. Эти фальшивые карты военный министр Итагаки передал министру иностранных дел Японии Арита.

В условиях приближавшегося нападения японской армии на МНР Советское правительство официально заявило, что «границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную»¹⁵⁴. Однако это серьезное предупреждение не остановило японских милитаристов, уже развернувших подготовку к осуществлению агрессии против МНР и СССР согласно варианту плана «Оцу».

Японские стратеги полагали, что, действуя на рас-

стоянии 800 км от ближайшей железнодорожной станции, советские войска не смогут организовать подвоз подкреплений и материальное обеспечение частей. С другой стороны, Квантунская армия, планировавшая действия в районе, отстоявшем на 150—200 км от железной дороги, заранее подготовила базы снабжения. В докладе командования Квантунской армии генштабу заявлялось, что Советскому Союзу для ведения боевых действий в районе Халхин-Гола придется «затратить усилий в десять раз больше, чем японской армии»¹⁵⁵.

Временно стабилизировав положение на китайском фронте, японское командование перебросило часть войск из Китая в Маньчжурию для усиления подготовки к войне против Советского Союза. В марте 1939 г. из оперативного управления генштаба в Квантунскую армию были направлены полковник Тэрада и подполковник Хаттори, которым было приказано лично участвовать в подготовке операции. В районе намечавшейся операции была сосредоточена 23-я дивизия, командиры и офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной Армии»¹⁵⁶. На западных границах МНР создавалась японская 6-я армия. В случае успешного развития операции «Оцу» она должна была попытаться через территорию МНР выйти в тыл Дальневосточной армии и перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль, изолировав Дальний Восток от остальной части СССР.

В конце апреля подготовка к проведению операции была завершена. Оставалось спровоцировать начало боевых действий. Для этого 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Уэда направил командирам приграничных частей «инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать Советскую Армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-

го»¹⁵⁷. В инструкции указывалось, что «все прежние указания отменяются»¹⁵⁸.

Содержание этой провокационной инструкции вело к неизбежному столкновению японских войск с армией МНР и СССР. Получив ее, командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, 12 мая отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзума к границе с задачей «отбросить пограничные подразделения монгольской армии за реку». Естественно, монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны. На следующий день японцы ввели в бой пехотный полк, поддержанный авиацией, и, оттеснив пограничные заставы Монгольской народно-революционной армии, вышли к реке Халхин-Гол. 15 мая захватчики были выбиты с монгольской территории.

Одновременно с расширением агрессии японской военщины на западном направлении осуществлялась концентрация в Восточной Маньчжурии главных сил Квантунской армии, которая готовилась к вторжению в Уссурийскую, Хабаровскую и Амурскую области. Планировался «молниеносный захват» советских городов — Уссурийска, Владивостока, Имана, а после осуществления этой задачи — Хабаровска, Благовещенска, Куйбышевки¹⁵⁹. 19 мая 1939 г. Советское правительство заявило Японии протест против грубого нарушения границы МНР и потребовало прекратить агрессивные действия японо-маньчжурских войск. К границе направлялись советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование упорно продолжало осуществлять план операции.

28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский генеральный штаб включил в подчинение Квантунской армии 1-е авиационное соединение (180 самолетов) и запросил о дополнительных нуждах армии в войсках и военных материалах¹⁶⁰.

В ходе июньских боев японская группировка вторжения вновь была отброшена в район государственной границы МНР. В начале июля силами крупной

группировки войск (38 тыс. солдат и офицеров, 310 орудий, 135 танков, 225 самолетов) Квантунской армии была предпринята попытка захватить на западном берегу реки Халхин-Гол оперативный плацдарм для последующих действий¹⁶¹. Эта группировка превосходила советско-монгольские войска по живой силе в 3 раза, по числу артиллерийских орудий — в 3 раза, по противотанковым орудиям — в 6 раз, по кавалерии — в 4 с половиной раза, по самолетам — почти в 3 раза¹⁶². В состав группировки были введены свежие силы. Получившие приказ на проведение «решающего наступления» войсковые группы под командованием генералов Ясуока и Кобаяси должны были окружить советско-монгольские войска и уничтожить их.

Начавшееся 2 июля сражение по названию района боевых действий получило наименование Баин-Цаганское. В этом сражении проявился полководческий талант впоследствии известного советского маршала Г. К. Жукова, который командовал в ту пору дивизией. Против имевшей большое численное преимущество японской группировки были использованы части 11-й танковой бригады и бомбардировочная авиация, в результате чего ударная группа генерала Кобаяси была прижата к реке и разгромлена. Лишь за одни сутки боев потери японской армии составили три с половиной тысячи солдат и офицеров. Всего же в ходе четырехдневного Баин-Цаганского сражения японцы потеряли почти все танки, значительную часть артиллерии, 45 самолетов и около 10 тыс. человек убитыми и ранеными¹⁶³.

18 июля всеми силами 23-й дивизии, включая резервы, была предпринята попытка перейти еще раз в наступление. В бой были брошены пехота, артиллерия, танки, бронемашины, кавалерия, авиация. Однако и эта попытка окончилась провалом. За четыре дня кровопролитных боев потери японской стороны составили пять с половиной тысяч убитыми и ранеными. В ходе июльских воздушных боев было уничтожено 116 японских самолетов.

Поражение в Баин-Цаганском сражении вынудило командование Квантунской армии перейти к обороне. В то же время велась подготовка к еще одному «решающему наступлению», необходимость которого диктовалась не только военными целями, но в значи-

тельной степени и политическими соображениями. Следовало восстановить пошатнувшийся престиж Японии и ее вооруженных сил в глазах западных держав, пристально следивших за развитием халхин-гольских сражений и все больше убеждавшихся в том, что Японии вести серьезную войну против СССР один на один не под силу. Поэтому премьер-министр Японии и военный министр потребовали немедленного наступления, окружения и уничтожения противника.

В течение августа японская 6-я армия, усиленная частями, сформированными из китайцев, готовилась к наступлению. Для «генерального наступления» было сосредоточено 75 тыс. человек, 500 орудий, 182 танка, более 300 самолетов¹⁶⁴. Считалось, что, поскольку в результате проведенных мероприятий достигнуто тройное превосходство в силах над советско-монгольскими войсками, противник в этих условиях займет оборонительную позицию. Однако возглавивший группировку японских войск генерал Комацубара и его штаб не смогли определить подлинные оперативные замыслы советского командования, которые состояли в подготовке контр наступления с целью разгрома противостоящих сил противника. Для этого в тылу скрытно концентрировались подходившие из соседних военных округов крупные силы. К середине августа были сконцентрированы советско-монгольские войска, насчитывавшие около 57 тыс. человек, 498 танков, 385 бронемашин, 542 орудия и миномета, 2255 пулеметов и 515 боевых самолетов¹⁶⁵.

Наступление советско-монгольских войск началось 20 августа. К 28 августа японская группировка была подавлена и окружена. Началась ликвидация войск противника, которая к 31 августа была завершена. Общие японские потери за время боев на Халхин-Голе составили около 61 тыс. убитыми и ранеными. Кроме того, было захвачено большое количество оружия и военной техники, в том числе 660 самолетов. Общие потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили 18,5 тыс. убитыми и ранеными¹⁶⁶. Так бесславно закончилась попытка японских милитаристов осуществить вынашиваемый годами план «разгрома» Красной Армии на Дальнем Востоке и в Сибири, захвата советской территории.

В японской исторической литературе халхин-гольские события упорно именуется «инцидентом» или «по-

граничным конфликтом». Более того, официальные японские историографы задались целью, что называется, поставить все с ног на голову: представить их не как тщательно спланированную и сознательно развязанную милитаристской Японией необъявленную войну против Монгольской Народной Республики и СССР, а как результат... «советской агрессии».

В многотомной японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» вопреки фактам утверждается, что якобы «Советский Союз искал момента для нанесения удара по японской армии, чтобы лишить ее надежд на победу и сосредоточить все внимание на Европе... СССР хорошо знал, что занятое войной в Китае японское правительство придерживалось курса на недопущение расширения пограничных конфликтов»¹⁶⁷. Для «обоснования» этой лживой концепции составители «Официальной истории» прибегают к ставшим традиционными в буржуазной историографии Японии утверждениям о «чрезвычайной слабости Квантунской армии», «решительном превосходстве Красной Армии», «агрессивности коммунистической России» и так далее.

Все это не что иное, как злонамеренная фальсификация. Не нужно быть большим стратегом, чтобы прийти к очевидному выводу о том, что халхин-гольские события создавали для Советского Союза опасность вовлечения в войну на два фронта — западном и восточном. СССР последовательно проводил курс на нормализацию советско-японских отношений, недопущение вооруженных конфликтов.

Большинство современных японских историков под давлением фактов не могут полностью принять выдвинутую управлением сил самообороны Японии антисоветскую версию. Но немало среди них и таких исследователей, которые, признавая ответственность японской стороны за развязанную войну, в то же время пытаются занимать апологетическую позицию в отношении центрального военно-политического руководства Японии. На страницах исторических работ широкое распространение получили утверждения о том, что якобы «ответственность за расширение номонханского (халхин-гольского) инцидента несут вышедшие из подчинения генерального штаба в Токио генералы и офицеры Квантунской армии». Получается, что Квантунская армия в течение четырех месяцев вела ожесточен-

ные сражения вопреки приказам ставки. Это конечно же абсурд.

Квантунская армия действовала с согласия и одобрения военного министерства и генерального штаба, предоставивших ей полную свободу действий. Когда военный министр Итагаки получил информацию о расширении конфликта на реке Халхин-Гол, он заявил: «Пусть Квантунская армия действует по своему усмотрению»¹⁶⁸. По мере расширения конфликта генеральный штаб поощрял захватнические действия, направив 30 мая командованию Квантунской армии телеграмму со следующим текстом: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан (Халхин-Гол)»¹⁶⁹.

Едва ли без согласования с центром можно было пригласить в район боевых действий военных атташе Германии и Италии, а также иностранных корреспондентов. Курс Токио на расширение необъявленной войны против МНР и СССР подтверждается и тем, что вместо отдачи приказа о прекращении боевых действий в августе «ставка... планировала посылку в Квантунскую армию еще двух хорошо вооруженных дивизий и других войск. Для этого были отобраны лучшие дивизии с китайского фронта... Они сосредоточивались в районе Номонхана»¹⁷⁰.

В японской историографии есть немало работ, в которых признается спланированный характер японской агрессии в районе Халхин-Гола. Так, например, исследователь Симата Тосихико пишет: «Поскольку Советский Союз всегда был потенциальным противником Японии, она никогда не отказывалась от замыслов ведения боевых действий в Сибири. Следовательно, действия Квантунской армии в этих событиях, как и во многих других инцидентах, которые начинала эта армия, лишь опережали запланированные акции центрального руководства сухопутной армии»¹⁷¹. Существуют также неоднократные признания того, что халхин-гольские события были отнюдь не конфликтом, а самой настоящей локальной войной, или, как ее называют некоторые японские авторы, «второй японо-русской войной»¹⁷².

Военное поражение Японии на Халхин-голе сопровождалось поражением политическим. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, который привел японское ру-

ководство в сильное замешательство. 24 августа временный поверенный в делах СССР в Японии телеграфировал в Москву: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»¹⁷³

Первоначально не разобравшись в подлинных целях Германии при заключении пакта с СССР, японские лидеры сочли ее действия вероломством и предательством¹⁷⁴. Перспективу потери союзников на Западе они связывали не только с ослаблением Японии в борьбе с СССР, но и с опасностью международной изоляции, ставящей под вопрос выполнение программы завоевания господства в Восточной Азии.

* * *

Попытки военно-политического руководства Японии развязать в 30-е годы антисоветскую войну с целью ликвидации Советского Союза и захвата его восточных территорий окончились провалом. Это свидетельствовало об авантюристичности и порочности японской политики и стратегии. Было очевидно, что Японии не под силу военное противостояние с СССР. В интересах Японии было перейти от конфронтации с Советским Союзом к установлению мирных отношений, к чему неизменно проявляло политическую волю Советское правительство. Однако этого не произошло. Как показали последующие события, японские правящие круги, сохранив агрессивные планы в отношении СССР, рассчитывали осуществить их в ходе второй мировой войны.

ГЛАВА II Внешнеполитический курс Японии в отношении СССР в начале второй мировой войны

Советско-японские отношения в период «невмешательства» Японии в войну в Европе

Перспективы развития начавшейся 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу второй мировой войны были неясны. Несмотря на вступление в войну Великобритании и Франции, боевые действия в Западной Европе еще по сути дела не велись. В этой обстановке Япония сочла целесообразным временно воздержаться от вступления в войну. 4 сентября новый кабинет министров во главе с генералом в отставке Абэ выступил с заявлением о невмешательстве в войну в Европе. Вслед за этим 13 сентября был опубликован официальный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства»¹.

Цель политики временного «невмешательства» состояла в том, чтобы выиграть время, дожидаясь первых серьезных результатов начавшейся мировой войны, а затем, сделав выводы о ее перспективах, приступить к реализации собственных агрессивных планов. При этом в Токио учитывали опыт и результаты первой мировой войны, во время которой, как отмечал В. И. Ленин, Япония «выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая громадный азиатский материк»².

Хотя подписание советско-германского пакта о ненападении явилось серьезным ударом по японским планам совместного с Германией выступления против СССР, в Токио не оставляли надежды на то, что война в Европе вскоре может быть превращена в антисоветский поход империалистических государств. Готовясь

к такому развитию событий, в Японии считали необходимым «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против Советского Союза»³. В декабре 1939 г. был принят «пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». Для высвобождения необходимых для войны против СССР сил планировалось резко сократить число японских войск в Китае (с 850 тыс. до 500 тыс.)⁴. При этом предусматривалась оккупация лишь районов Северного Китая, Внутренней Монголии, а также городов Нанкина и Шанхая. Одновременно военное министерство и генеральный штаб приняли решение довести число пехотных дивизий империи до 65, авиаэскадрилий до 160, резко увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить в Маньчжурии для будущих операций против Советского Союза⁵.

Был определен срок завершения подготовки — середина 1941 г.⁶ В сентябре 1939 г. принц Коноэ заявил германскому послу Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, который показала Советская Армия в боях в районе Халхин-Гола»⁷.

Стремясь ввести Советское правительство в заблуждение по поводу своих истинных намерений и попытаться ослабить бдительность СССР на Дальнем Востоке, военно-политическое руководство Японии предприняло некоторые дипломатические шаги, призванные создать впечатление нормализации японо-советских отношений. 16 сентября было достигнуто советско-японское соглашение о прекращении военных действий в районе Халхин-Гола и создании демаркационной комиссии. 4 октября посол Японии в СССР Того передал Советскому правительству предложения об установлении режима наибольшего благоприятствования в торговле и мореплавании, а также проект торгового соглашения. 13 ноября представители японского МИДа заявили о желании Японии заключить рыболовную конвенцию и торговый договор.

Стремление нормализовать японо-советские отношения военно-политическое руководство Японии пыталось использовать в интересах окончания войны в Китае, которую планировалось завершить до нападения

на Советский Союз. В Токио активно обсуждался вопрос о том, как добиться прекращения советской помощи Китаю, что, по расчетам японского руководства, должно было привести к усилению внутри гоминьдана влияния сторонников капитуляции перед Японией и ослаблению позиций Коммунистической партии Китая, выступавшей за продолжение борьбы с японскими агрессорами. В конце концов японское руководство стало склоняться к попытке добиться прекращения советской помощи Китаю в обмен на заключение японо-советского пакта о ненападении, с предложением которого неоднократно выступало Советское правительство. Оно рассчитывало также, что более «гибкая» тактика во взаимоотношениях с СССР поможет осуществлению планов Японии по захвату колоний на юге в случае поражения англо-французской коалиции на западе. Японская газета «Мияко» писала 13 декабря 1939 г.: «...если будет необходимо, то Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств»⁸. Этот курс был определен как политика временного «превращения врага на севере в друга»⁹.

В то же время японское правительство стремилось к урегулированию существовавших между СССР и Японией нерешенных проблем на японских условиях, которые не только не учитывали интересы Советского Союза, а, наоборот, предусматривали уступки с его стороны. Это проявилось при обсуждении осенью 1939 г. вопросов о заключении между двумя странами рыболовного соглашения и торгового договора. Так, в частности, японская сторона отвергала законное требование Советского правительства об уплате «правительством» Маньчжоу-го последнего взноса за КВЖД*, отказывалась ликвидировать недоразумения, имевшиеся между японскими фирмами и советскими организациями. Главное же условие нормализации советско-японских отношений состояло в изоляции Советского Союза от Китая. В согласованном 28 декабря 1939 г. между министром иностранных дел Японии Номура, военным министром Хата и военно-морским министром Ёсида документе «Основные принципы политического курса

* В 1935 г. между СССР и Японией было достигнуто соглашение о приобретении Маньчжоу-го принадлежавшей Советскому Союзу Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю»¹⁰.

Естественно, подобная политика японских правящих кругов не могла иметь успеха. Советский Союз, занимая принципиальную позицию, продолжал оказывать помощь китайскому народу, решительно отвергая попытки японского правительства добиться изменения отношения СССР к Китаю. Из СССР в Китай к сентябрю 1939 г. была поставлена очередная партия вооружения — 250 орудий, 4400 пулеметов, 500 тыс. снарядов, 150 млн патронов¹¹. Только с июля по сентябрь в Китай было направлено 459 советских летчиков, которые принимали активное участие в сражениях с японскими захватчиками. В 1940 г. Мао Цзэдун писал: «Если Китай хочет стать независимым, то он никак не может обойтись без помощи социалистического государства и международного пролетариата... Это особенно относится к помощи Советского Союза, которая является необходимым условием завоевания окончательной победы в войне против японских захватчиков»¹².

Твердая позиция СССР вызывала раздражение японских правящих кругов, в первую очередь военщины. Японских военных не устраивала даже временная нормализация советско-японских отношений. Военный министр Хата в интервью корреспонденту газеты «Асахи» заявил в декабре 1939 г., что причиной неудач Японии является отсутствие у народа бдительности в отношении «работы красного дьявола»¹³. Несмотря на сокрушительное поражение на Халхин-Голе, командование японской армии продолжало отстаивать идею войны против Советского Союза. Антисоветски настроенная военщина сохраняла большое влияние на формирование политики в отношении СССР.

Бывший офицер императорской армии Хаяси писал после войны: «...большинство сотрудников первого (оперативного) отдела штаба Квантунской армии, которые сыграли главную роль в инциденте в районе реки Халхин-Гол и должны были нести ответственность за него, были лишь переведены на хлебные места, а спустя некоторое время почему-то очутились в центре и к тому же на важных постах... Когда сторонники позитивной

политики совершали ошибки, управление кадров смотрело на это сквозь пальцы. Если их и наказывали, то только для вида...»¹⁴

Дипломатические маневры Японии не могли скрыть истинных намерений японского военно-политического руководства, связанных с Советским Союзом. По вине японского правительства советско-японские отношения осенью — зимой 1939 г. оставались напряженными. Япония активно подключилась к поднятой в США, Великобритании и Франции шумной антисоветской кампании в связи с советско-финляндским конфликтом. Военный министр Хата прямо заявил в японском парламенте: «Понесенные потери являются действительно громадным уроком для нашей армии... Мы уже приступили к осуществлению соответствующих мероприятий... Кровь, пролитая на полях Номонхана (Халхин-Гола), никоим образом не останется напрасно пролитой кровью».

В Токио понимали, что советско-финляндский военный конфликт и последовавшие за этим мероприятия правительств Англии, Франции и США были направлены на то, чтобы вместо войны с Германией начать войну против СССР. Это усилило позиции сторонников непримиримой политики в отношении Советского Союза. Японские военные круги стали еще более активно выступать против самой идеи пакта о ненападении с СССР, заявляя, что она «подрывает идеологические основы Японии»¹⁵. В качестве платы за участие Японии в антисоветском «крестовом походе» политические и военные лидеры этой страны небезосновательно рассчитывали на дальнейшие серьезные уступки западных держав в Китае.

В Японии учитывали серьезное беспокойство правительств США и Великобритании, которое те испытывали, наблюдая за признаками улучшения советско-японских отношений. Хотя японское руководство было заинтересовано в политике шантажирования западных держав перспективой советско-японского сближения, оно в то же время стремилось поддерживать надежды западных держав на неизбежное столкновение Японии с Советским Союзом. Советско-финляндский конфликт предоставил возможность подтвердить эти надежды. Отнюдь не случайно в январе 1940 г. японский министр иностранных дел Арита вновь стал выступать с воинственными призывами к «борьбе с Коминтерном»¹⁶.

Зимой 1939 г. японское командование форсировало подготовку Квантунской армии к походу на север: росла ее численность, дивизии оснащались новейшим вооружением. Готовясь к наступлению против СССР, в целях повышения маневренности войск в условиях тайги, бездорожья и глубокого снега, командование отдало приказ о подготовке для Квантунской армии 9 тыс. саней с целью транспортировать на них тяжелые пулеметы и легкие орудия¹⁷. В результате проведенных мероприятий в течение 1940 г. число дивизий Квантунской армии увеличилось с 9 до 11, крупных отрядов вдоль границы в укрепленных районах — с 8 до 13, авиаполков (включая расположенные в Корее) — с 18 до 22¹⁸.

Японские военные историки признают, что «во время советско-финляндского конфликта японский генеральный штаб проявлял к нему большой интерес»¹⁹. В конце осени 1939 г. он разработал очередной оперативно-стратегический план войны против СССР. Цель наступательных операций состояла в «разгроме русской армии, дислоцировавшейся на Дальнем Востоке, и захвате территорий к востоку от населенного пункта Рухлово и Большого Хингана» с последующей оккупацией Забайкалья, Северного Сахалина и Камчатки²⁰.

Однако замыслам мирового империализма организовать новый вооруженный поход против СССР не суждено было осуществиться. Финляндия потерпела поражение, 12 марта 1940 г. был заключен советско-финляндский мирный договор.

Советское правительство отчетливо сознавало, что некоторая активизация советско-японских дипломатических отношений не означает отказа японских правящих кругов от агрессивных планов в отношении Советского Союза. Несмотря на свои многочисленные заверения в стремлении к урегулированию отношений с СССР, японское правительство продолжало враждебную Советскому Союзу политику. Министр иностранных дел Арита подчеркивал, что «антикоминтерновский блок» не распался, «сохранив в себе такие силы, как Япония, Италия, Маньчжурия и Испания», «да и сама Германия... не отказалась от этого союза»²¹. С трибуны сессии Верховного Совета СССР (март — апрель 1940 г.) Советское правительство сочло необходимым предупредить японских милитаристов: «В Японии должны наконец понять, что Советский Союз ни в коем слу-

чае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно»²².

Весной 1940 г. в Японии вновь активизировались силы, выступавшие за временную нормализацию отношений с СССР. Поводом для этого послужила «странная война» на Западе, когда бездействием войск англо-французской коалиции западные державы пытались склонить Гитлера к примирению и направить германские армии на Восток, против Советского Союза. Понимая нехитрую политику Англии и Франции, в Токио решили воспользоваться сложившейся ситуацией и оказать давление на западных союзников. В качестве инструмента давления вновь планировалось прибегнуть к демонстрации мнимого стремления урегулировать отношения с Советским Союзом, что должно было, по замыслам Токио, заставить Великобританию и Францию пойти на дальнейшие уступки Японии в Китае²³.

Военное поражение Франции в мае — июне 1940 г. и разгром английской армии под Дюнкерком усилили стремление японского военно-политического руководства не упустить благоприятный момент для захвата азиатских колоний западных держав. Для Японии открывалась редкая возможность, воспользовавшись трудным положением Англии и Франции в Европе, попытаться вытеснить западные державы из Азии и установить свое господство над богатыми сырьевыми ресурсами районами Юго-Восточной Азии.

Пришедший к власти в июле 1940 г. кабинет Коноэ 27 июля принял «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении», в которой формулировались основные внешнеполитические задачи Японии. Важнейшими из них объявлялись «установление нового порядка в Великой Восточной Азии» и создание «сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», т. е. построение японской колониальной империи в Азии. Для достижения поставленной цели предусматривалось «применение в удобный момент военной силы».

Внешняя политика нового кабинета была определена 19 июля на совещании в личной резиденции Коноэ, на котором присутствовали военный министр Тодзио, военно-морской министр Ёсида и министр иностранных дел Мацуока. Было решено: 1) укрепить союз государств Японии — Германии — Италии; 2) заключить с

СССР соглашение о ненападении, с тем чтобы провести такую подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение; 3) осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу «нового порядка» в Восточной Азии; 4) иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство Америки в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии²⁴. Поскольку упрочение позиций Японии в странах Азии затрудняло экономическую экспансию американского империализма на Азиатском континенте, это вело к обострению японо-американских противоречий. В этих условиях японские правящие круги вынуждены были вернуться к вопросу о некоторой нормализации отношений с другой близлежащей великой державой — Советским Союзом²⁵.

9 июня 1940 г. было подписано соглашение об уточнении границы в районе Халхин-Гола. В июле правительство Японии через своего посла в Москве С. Того сделало официальное предложение начать переговоры о заключении советско-японского пакта о ненападении.

Нормализация отношений с Японией занимала важное место во внешней политике СССР. Решительно пресекая агрессивные вылазки японских милитаристов, Советское правительство вместе с тем широко использовало политические и дипломатические меры воздействия, направленные на недопущение развязывания большой войны на Востоке. Поэтому советская сторона ответила принципиальным согласием на начало переговоров.

Японское предложение сводилось к тому, чтобы пакт о ненападении основывался на Портсмутском мирном договоре 1905 г., по которому царское правительство вследствие поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. вынуждено было передать Японии исконно русскую землю — Южный Сахалин. Подписывая с Японией в 1925 г. Конвенцию об основных принципах взаимоотношений, Советское правительство подчеркнуло, что содержащееся в документе признание Портсмутского договора носило временный характер²⁶. К тому же Портсмутский договор был грубо нарушен Японией, захватившей в 1931 г. вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Более того, при заключении пакта японское правительство стремилось вынудить Советский Союз продать Японии Северный Сахалин.

Таким образом, Советское правительство не могло согласиться с предложенным Японией вариантом пакта и отклонило его.

Активизация японской дипломатии в отношении Советского Союза, вызванная предполагаемым движением на юг, отнюдь не означала отказа японских правящих кругов от агрессивных планов на севере. Как и прежде, движение в южном направлении предусматривалось осуществить в основном силами флота. Армия же ориентировалась главным образом на будущую войну против Советского Союза. Летом 1940 г. японское правительство и командование вооруженных сил разработали два возможных варианта вступления Японии в войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР.

Однако в то время правящие круги Японии считали, что японские войска еще не готовы к единоборству с Советской Армией. К тому же складывавшаяся международная обстановка не давала оснований считать, что гитлеровская Германия может в ближайшее время напасть на Советский Союз. Поэтому решение «северной проблемы» откладывалось до начала советско-германской войны, в неизбежности которой в Токио не сомневались. В Японии продолжали верить, что «Гитлер по-прежнему придерживается восточного направления, намеченного в «Майн кампф»».

О том, что объявленная в отношении Советского Союза «дипломатия согласования» была не чем иным, как попыткой прикрыть истинные агрессивные замыслы, свидетельствует развернутая в 1940 г. активная подготовка к антисоветской войне. Продолжалось наращивание японских войск, непосредственно предназначенных для нападения на Советский Союз. Численность Квантунской армии, главной ударной силы японских сухопутных войск в планируемой войне против СССР, в 1939—1940 гг. возросла с 270 до 350 тыс. солдат и офицеров²⁷. Войска в Корее за этот период увеличились с 35,4 тыс. до 45,7 тыс. человек²⁸. Быстро росла техническая оснащенность Квантунской армии. Так, к 1941 г. по сравнению с 1937 г. число состоявших на ее вооружении орудий возросло более чем в 4 раза, танков — в 2, самолетов — в 3 раза²⁹. Были увеличены войска марионеточных режимов Маньчжоу-го и Внутренней Монголии.

Увеличивалась численность войск на севере Японии

и на Южном Сахалине. В 1939 г. директивой императорской ставки на Южном Сахалине была сформирована смешанная бригада «Карафут», состоявшая из отборных солдат и офицеров. В директиве о ее формировании указывалось, что все приготовления к использованию бригады должны быть закончены к январю 1941 г.³⁰ Происходило усиление японских гарнизонов на Курильских островах. С 1940 г. сухопутные войска впервые остались на островах на зимние квартиры. В августе 1940 г. на Хоккайдо была переброшена 7-я пехотная дивизия, а в декабре здесь создается штаб Северной армии³¹.

В целом, по заявлению начальника отдела военного министерства Японии, к 1941 г. «боевая мощь японской армии возросла более чем в 3 раза по сравнению с ее мощью до китайского инцидента... Особое значение придавалось увеличению военно-воздушных войск и механизированных частей»³². Лишь за два года, с 1939 по 1941 г., число дивизий возросло с 41 до 51 (при этом 8 вновь созданных дивизий были размещены в метрополии и Маньчжурии), а количественно почти вдвое — с 1 196 тыс. до 2 025 тыс. человек; личный состав авиации сухопутных сил возрос с 44 тыс. до 85,5 тыс. человек, а число эскадрилий — с 91 до 150³³. Продолжалась интенсивная боевая подготовка японской армии, в основу которой была положена отработка «действий на суше против советских войск». В Квантунской армии концентрировались лучшие японские войска с «высоким боевым духом»³⁴.

В течение 1940 г. генеральный штаб Японии и Квантунская армия были поглощены дальнейшей разработкой оперативного плана войны против СССР «Оцу». При этом шла подготовка к «изменению обстановки», под которым подразумевалось начало германо-советской войны. В этом случае предусматривалось, «не теряя времени, перебросить крупные соединения из Китая и собственно Японии, уничтожить советскую авиацию на Дальнем Востоке, подготовить молниеносное наступление, по возможности разгромить вооруженные силы противника в Приамурье и занять наиболее важные районы советского Дальнего Востока, Северный Сахалин и Камчатку»³⁵.

Тайно завершая подготовку к войне против СССР, японское военно-политическое руководство стремилось урегулировать взаимоотношения с США и Великобри-

танией. Однако по мере обострения противоречий Японии с западными державами в борьбе за колониальные владения в Юго-Восточной Азии и районе стран Южных морей возможности нахождения политического компромисса сокращались. Так как японский стратегический план осуществления южного варианта экспансии предусматривал захват Китая, Французского Индокитая, Филиппин, Малайи, Сингапура, Таиланда, Голландской Индии, Бирмы, Австралии и Новой Зеландии, перспектива вооруженного столкновения с западными державами становилась реальной. Обострение японо-американских отношений свидетельствовало о том, что расчеты на захваты Японией колоний в Юго-Восточной Азии и районе Южных морей не оправдываются. Поэтому с конца 1940 г. верховное командование вновь приступило к разработке плана возможных военных действий против западных держав. Сформулированная в секретном документе «Программа мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении» задача «избежать войны на два фронта» требовала от японских стратегов проведения политики, обеспечивавшей последовательное разрешение «южной» и «северной» проблем. Успешное проведение такой политики в Токио связывали с образованием военно-политического союза с гитлеровской Германией.

Агрессивные цели Тройственного пакта

Как отмечалось выше, заключенный 23 августа 1939 г. германо-советский пакт о ненападении вызвал растерянность в японских правящих кругах. Однако там быстро поняли, что он рассматривается Германией как неискренний, временный акт. Это было подтверждено правительством Германии, которое уже на второй день после заключения пакта заявило японскому послу в Берлине, что «при всех обстоятельствах, которые могут возникнуть на дипломатической арене, идеи и цели общей борьбы против коммунизма сохраняются»³⁶.

Сторонники тесных военных связей с Германией предостерегали от поспешных выводов о «предательстве» гитлеровского руководства, указывали на невозможность германо-советского сотрудничества в начавшейся войне. В сентябрьском номере влиятельного

японского журнала «Бунгэй сундзю» была помещена статья «Германо-советский пакт о ненападении и Япония», где японское правительство подвергалось критике за нерешительность в вопросе о заключении военного союза с Германией и Италией³⁷. Важность такого союза для реализации своих захватнических действий осознавало и японское правительство. 4 октября 1939 г. оно приняло документ «Актуальные мероприятия внешней политики в связи с войной в Европе», в котором заявило о «сохранении по-прежнему с Германией и Италией дружественных отношений»³⁸. Более развернуто это положение было сформулировано в японском документе от 28 декабря 1939 г. «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств». В нем было записано: «...хотя между Германией и СССР подписан пакт о ненападении, необходимо сохранять дружественные отношения с Германией и Италией, учитывая общность целей империи с целями этих государств в построении нового порядка»³⁹. Пришедший 16 января 1940 г. к власти кабинет адмирала Ионаи подтвердил эту позицию.

Хотя 26 августа 1939 г. японское правительство дало указание своему послу в Берлине Осима вручить гитлеровскому руководству протест по поводу подписания советско-германского пакта о ненападении, охарактеризовав его как «противоречащий секретному соглашению, приложенному к антикоминтерновскому пакту», японский посол счел возможным задержать его передачу. Считая, что в условиях начинавшейся второй мировой войны Японии не следовало портить отношения с Германией, Осима стремился принизить значение дипломатического демарша Токио. Сообщая лишь 18 сентября о японском протесте, он сказал статс-секретарю германского министерства иностранных дел фон Вейцзекеру: «Как вам известно, в конце августа я отказался выразить резкий протест, как мне это поручило сделать японское правительство. Но я не мог действовать наперекор этому предписанию, поэтому я только телеграфировал, что последовал приказу, и ждал конца польской кампании. Я полагал, что этот шаг тогда не будет так важен...»

Тесный военно-политический союз с наиболее агрессивными государствами Европы отвечал интересам Японии при осуществлении как «южного», так и «северного» варианта распространения агрессии. С одной сто-

роны, по расчетам японского военно-политического руководства, такой союз должен был закрепить распределение сфер господства между Японией, Германией и Италией, облегчить захват Японией азиатских колоний западных держав и удержать США от вступления в войну. С другой стороны, объединение военных усилий в целях будущего разгрома Советского Союза отвечало основным требованиям японской стратегии антисоветской войны и рассматривалось как неперемное условие решения «северной» проблемы.

В соответствии с решениями, зафиксированными в «Основных принципах политического курса в отношении иностранных государств», уже в начале 1940 г. проходили заседания представителей руководства армии, флота и министерства иностранных дел, на которых согласовывался новый документ «Предложение усиления сотрудничества между Японией, Германией и Италией». После капитуляции Франции требования союза Японии с Германией усилились. 12 июля заведующий первым отделом министерства иностранных дел Андо представил проект документа, в котором целью заключения союза откровенно называлось признание Германией политического и экономического руководства Японии в районах Южных морей в качестве ее «жизненного пространства». Одновременно признавалось политическое и экономическое руководство Германии в Европе и Африке⁴⁰. 16 июля представленный МИДом проект был принят армией и флотом.

За завоевание японского подподства в мире, за участие Японии во второй мировой войне в блоке с гитлеровской Германией и фашистской Италией активно выступили деятели, вошедшие в сформированный в июле 1940 г. второй кабинет Коноэ. Их отличал воинственный антикоммунизм, стремление решить «северную» проблему путем вооруженного разгрома Советского Союза. Ставший министром иностранных дел Мацуока заявлял в 1936 г. после заключения с Германией «антикоминтерновского пакта»: «Поскольку мы боремся против Коминтерна, деятельность которого является в настоящее время главной мировой проблемой, необходимо противостоять ему со всей решимостью. Половинчатые усилия здесь недопустимы. Мы должны вступить в сражение, поддерживая и обнимая друг друга... Нам остается только, сплотившись, идти вперед, даже если это приведет к совместному самоубийству»⁴¹.

Будучи министром иностранных дел, Мацуока делал все возможное для скорейшего заключения военного союза с Германией и Италией. В связи с этим в японских исторических работах распространилась версия о том, что Тройственный пакт был подписан якобы в результате «неразумной дипломатии Мацуока». Однако это не соответствует действительности, так как это был согласованный курс всего японского руководства.

Хотя при обсуждении пакта имели место некоторые разногласия между армией и флотом, они не носили принципиального характера. На заседании высших руководителей армии и флота 22 июля было решено, что, «если со стороны Германии и Италии будет предложено заключить военный союз, Япония рассмотрит эту возможность». Эта установка была закреплена 27 июля на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки в документе «Программа мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении»⁴².

1 августа 1940 г. Мацуока заявил германскому послу о желании Японии укрепить связи с Германией и Италией. К этому времени политическое и военное руководство Германии приняло окончательное решение о нападении на Советский Союз. «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года»⁴³, — сказал Гитлер 31 июля 1940 г. на совещании руководящего состава вооруженных сил фашистской Германии. Для Германии важно было укрепить военно-политическое сотрудничество с Италией и Японией, в которых она видела своих основных союзников в войне против СССР. Кроме того, поскольку гитлеровское руководство рассчитывало на открытие Японией второго фронта на Дальнем Востоке, Германия за это готова была «уступить» азиатскому союзнику обширные территории советской Сибири и Дальнего Востока.

В августе — сентябре 1940 г. в Токио велись переговоры о заключении германо-японского военного союза. На них специальный уполномоченный германского правительства Г. Штамер добивался от Японии обязательства проводить политику сговывания в Восточной Азии сил США, что должно было удержать их от вступления в войну в Европе. С другой стороны, германские лидеры требовали, чтобы Япония объявила войну Советскому Союзу, когда он окажется в состоянии войны с Германией⁴⁴. По сути дела предусматривалось одно-

временное нападение на Советский Союз с запада и востока. Германское руководство, подчеркивая антиамериканский характер союза, в гораздо большей степени исходило из его антисоветской направленности⁴⁵. Япония соглашалась с этим, хотя и стремилась обеспечить себе свободу действий при выборе направлений и сроков вступления во вторую мировую войну. Уже в начале переговоров о заключении пакта посол Германии в Японии генерал Отт докладывал в Берлин, что «атмосфера благоприятствует германскому плану»⁴⁶.

На протяжении многих лет японские правящие круги рассматривали военный союз с Германией как важное условие вооруженной борьбы с Советским Союзом. Такой союз полностью соответствовал военной доктрине и стратегии Японии, отвечал политическим и идеологическим целям империи. Как отмечалось выше, заключение союза затягивалось по причине того, что Япония настаивала на его исключительно антисоветской направленности, а Германия стремилась использовать его и для борьбы против западных держав, в первую очередь США и Великобритании. Характеризуя позицию Японии, Риббентроп писал своему послу в Токио 26 апреля 1939 г., что после заключения союза Япония хотела бы «вручить декларацию английскому, французскому и американскому послам следующего содержания: пакт является только развитием «антикоминтерновского пакта»; стороны рассматривают Россию как врага. Англия, Франция и Америка не должны думать, что подразумеваются они»⁴⁷.

Японское руководство не желало раньше времени открыто подчеркивать свою враждебность США и Великобритании из опасения подтолкнуть эти страны к пересмотру своей политики в отношении Японии. В Токио весьма опасались прекращения поставок американского стратегического сырья, что ставило бы под сомнение способность Японии продолжать вооруженную экспансию в Азии и на Тихом океане. В Германии же рассчитывали, что официальное оформление союза с Японией явится эффективным средством удержать США от вступления во вторую мировую войну.

Японское руководство оказалось перед дилеммой: или продолжать настаивать на исключительно антисоветской направленности союза, что могло побудить Германию заявить о своих правах на азиатские колонии поверженных ею европейских государств, на которые

в свою очередь претендовала Япония, или согласиться с требованиями Германии распространить действия союза не только против СССР, но и против США и Великобритании.

Стремясь найти выход из затруднительного положения, в июле 1940 г. японское министерство иностранных дел, командование армии и флота согласовали между собой компромиссный вариант. Они соглашались на то, чтобы в обмен на признание Германией японского контроля над Юго-Восточной Азией Япония оказала бы давление на Великобританию на Дальнем Востоке. При этом Япония не брала бы на себя обязательство вступить в войну на стороне Германии.

Однако пришедший к власти кабинет Коноэ занял более решительную позицию, считая необходимым пойти на военное сотрудничество с Германией и Италией в борьбе против Великобритании. Эту позицию поддерживала армия. Флот не мог безоговорочно согласиться с ярко выраженной антибританской направленностью союза. Тем не менее командование флота в конце концов было вынуждено поддержать мнение большинства.

Окончательное решение о заключении Тройственного пакта между Германией, Японией и Италией было принято на состоявшемся 19 сентября императорском совещании. На совещании начальник морского генерального штаба Каньин подчеркнул, что флот дает свое согласие на заключение союза с Германией и Италией при условии, что «будут приняты все мыслимые меры с целью избежать войны с Соединенными Штатами»⁴⁸. Это требование легло в основу принятого совещанием решения. Выступая с заключительным словом от имени императора, председатель Райного совета Хара заявил: «Хотя японо-американское столкновение в конце концов может стать неизбежным, я надеюсь, что будет проявлена достаточная забота о том, чтобы это не произошло в ближайшем будущем, и что не будет необдуманных действий. Я даю свое «добро», только исходя из этого»⁴⁹.

27 сентября 1940 г. в Токио между представителями Германии и Японии был подписан пакт о политическом и военно-экономическом союзе сроком на 10 лет. 30 сентября к пакту присоединилась фашистская Италия. После этого соглашение получило название Тройственный пакт. Основные статьи пакта гласили: «Ст. 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Ита-

лии в деле создания нового порядка в Европе. Ст. 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в Восточной Азии. Ст. 3. Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и китайско-японском конфликте^{50—51*}.

Таковыми неучаствовавшими державами осенью 1940 г. оставались только СССР и США. Поэтому третья статья пакта предусматривала согласованные военные действия, если одна из договаривающихся сторон окажется в состоянии войны с СССР или США. Попытка представить агрессивный Тройственный пакт как «оборонительный», заключенный на случай, «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению», едва ли могла ввести кого-либо в заблуждение. «В лексиконе японских и германских агрессоров эти слова надо понимать так: «Когда Советский Союз подвергнется нападению со стороны Японии и Германии»», — указывали японские прогрессивные историки⁵². Еще в октябре 1938 г. Муссолини писал Гитлеру: «Мы не должны заключать чисто оборонительный союз. В этом нет необходимости, ибо никто не думает нападать на тоталитарные государства. Мы должны заключить союз для того, чтобы перекроить географическую карту мира. Для этого нужно наметить цели и объекты завоеваний»⁵³.

«Тройственный пакт своим острием был направлен против СССР. Он был призван укрепить политическое, экономическое и военное сотрудничество между державами оси, поставившими уже давно своей основной целью уничтожение первого в мире социалистического государства»⁵⁴, — говорится в авторитетном советском издании, посвященном истории второй мировой войны.

В японском проекте договора было прямо сказано, что между участниками переговоров должны быть «выработаны меры на случай вступления Японии или Германии в войну с Советским Союзом»⁵⁵. В ходе переговоров о заключении пакта 7 сентября 1940 г. Мацуока говорил германскому представителю Штамеру: «Нам

* Полный текст документа см. с. 215—216.

необходимо понять, что после окончания войны в Европе Россия останется великой державой. Это будет создавать угрозу новому порядку в Восточной Азии. Япония и Германия должны быть рядом и должны выработать общую политику против России»⁵⁶. Это мнение полностью разделяли и другие участники пакта. Министр иностранных дел Германии Риббентроп, разъясняя направленность пакта трех держав, заявил: «Эта палка будет иметь два конца — против России и против Америки»⁵⁷. Итальянский министр иностранных дел Чиано вообще сомневался в целесообразности определения в качестве противника США, называя при этом антисоветскую направленность пакта «очень хорошей»⁵⁸ *.

Антисоветский характер Тройственного пакта был обстоятельно доказан в ходе Токийского процесса. Признается этот факт и объективно мыслящими японскими историками. Они указывают, что в результате заключения пакта осуществилось стремление «зажать Советский Союз с востока и запада»⁵⁹, что СССР был определен пактом в качестве «потенциального противника»⁶⁰.

С целью дезориентировать Советский Союз относительно истинных намерений создаваемой коалиции и оставить возможность для маневра в японо-советских отношениях японская сторона согласилась с предложением германской стороны включить в пакт статью 5 о том, что положения пакта «не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Советской Россией»⁶¹. Эта статья должна была замаскировать проводившуюся участниками пакта подготовку войны против СССР. Накануне подписания пакта Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов»⁶². Однако это была, безусловно, тактическая уловка с целью сосредоточить усилия на быстром захвате азиатских колоний западных держав и завершении подготовки к агрессии против СССР. 26 сентября 1940 г. Мацуока от имени правительства с удовлетворением констатировал достижение давно поставленной цели объединения с Германией в антисоветской войне. «Япония поддержит Гер-

* Запись из дневника Чиано от 19 сентября 1940 года.

манию в случае ее войны с Советским Союзом, а Германия поможет нам в случае столкновения Японии с Советским Союзом»⁶³, — заявил японский министр иностранных дел.

Маскировки антисоветской направленности пакта требовала и гитлеровская Германия. «Германское правительство, — телеграфировал 26 сентября 1940 г. в Токио японский посол в Берлине Курусу, — намеревается дать указания своей прессе о том, чтобы особо подчеркивался тот факт, что договор не предусматривает войны с Россией. Но, с другой стороны, Германия концентрирует войска в восточных районах для того, чтобы сковать Россию»⁶⁴.

В соответствии с секретным протоколом Тройственного пакта создавались объединенная военная и военно-морская комиссии, а также комиссия по экономическим вопросам. В этом протоколе было сказано, что «в случае, если одна из договаривающихся сторон вступит в войну против Советского Союза, другая сторона не должна предпринимать действий, которые могли бы облегчить его положение»⁶⁵.

Участники Тройственного пакта видели в достигнутом соглашении эффективное средство объединенной борьбы за передел мира. Германский посол в Японии О. Отт телеграфировал 4 октября 1940 г. в Берлин: «Внутренняя цель пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Англии вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средствами достижения этой цели могут служить отпор Америке и вывод из строя Советского Союза»⁶⁶.

Иными словами, Тройственный пакт был заключен в целях расширения второй мировой войны, объединения сил наиболее агрессивных в то время империалистических государств в борьбе за завоевание мирового господства. Он был направлен как против Советского Союза, так и против Соединенных Штатов с той лишь разницей, что в отношении США он преследовал цель путем оказания давления заставить американское правительство не принимать участия во второй мировой войне, а в отношении СССР предусматривал практическое объединение политических, экономических и военных усилий государств-участников в предстоящем нападении на Советский Союз, подготовка к которому уже активно проводилась.

Советско-японский пакт о нейтралитете

Осенью 1940 г. Япония фактически приступила к осуществлению южного варианта агрессии. 22 сентября был оккупирован Северный Индокитай. В связи с этим в японских правящих кругах все чаще слышались требования «нейтрализации» Советского Союза. При этом речь шла не об установлении нормальных отношений с СССР и отказе от агрессивной антисоветской политики, а об усилении политического давления на него. В Токио считали, что после заключения Тройственного пакта Советское правительство будет «весьма заинтересовано в улучшении отношений между двумя странами». Об этом прямо заявил 19 сентября 1940 г. на императорском совещании японский министр иностранных дел⁶⁷. Японское руководство надеялось на то, что в обстановке дальнейшего сближения Японии с Германией Советский Союз все же будет вынужден пойти на уступки Японии.

В представленном 30 октября 1940 г. японским правительством предложении о заключении пакта о ненападении предлагалось «отнести урегулирование всех спорных вопросов между СССР и Японией на период после заключения пакта»⁶⁸. Нетрудно понять, что смысл этого предложения состоял в том, чтобы после подписания пакта под угрозой его разрыва добиться от Советского Союза решения в пользу Японии территориального вопроса, заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения и прекращения советской помощи Китаю. Как отмечают японские историки, в конечном счете имелось в виду «добиться от Советского Союза включения Северного Сахалина и советского Приморья в сферу японского влияния»⁶⁹.

Советское правительство не согласилось с такой точкой зрения и предложило подписать одновременно с пактом о нейтралитете (а не ненападении) соглашение о ликвидации японской угольной и нефтяной концессии на Северном Сахалине*.

* Предлагая заключить пакт о нейтралитете, Советское правительство считало, что вопрос о пакте о ненападении советское общественное мнение связывает с необходимостью возвращения Советскому Союзу ранее утраченных территорий — Южного Сахалина и Курильских островов.

К началу 1941 г. высшему военно-политическому руководству Японии стало известно о подготовке Германии к войне против Советского Союза. Одним из каналов этой информации были представители правительства США на начавшихся осенью 1940 г. японо-американских переговорах об ослаблении напряженности во взаимоотношениях двух стран. Продолжая политику «подталкивания» Японии к войне против СССР, американские дипломаты поспешили поделиться с японцами полученными разведкой США данными о приближающемся нападении Германии на СССР. Государственный секретарь США Хэлл признавал впоследствии: «Имевшаяся у нас информация о подготовке Гитлера к вторжению в Россию была особенно полезна для меня на переговорах с японцами. Она исключала всякую возможность соглашения между Россией и Японией...»^{70–71}. Важным подтверждением получения Японией заблаговременной информации является стенограмма заседания военного отдела ставки от 16 января 1941 г. В докладе начальника оперативного управления Танака, в частности, отмечалось: «Советский Союз не может готовиться к войне на два фронта». На вопрос военного министра о том, сколько времени потребуются Японии на переброску войск, выделяемых для войны против СССР, Танака ответил: «Около четырех месяцев»⁷².

23 февраля 1941 г. Риббентроп дал понять японскому послу Осима, что Германия готовится к войне против СССР, и выразил пожелание ускорить вступление в войну Японии «для достижения своих целей на Дальнем Востоке»⁷³. Риббентроп не скрывал, что Германия готовит против СССР 240 дивизий. Получая такие сведения, военно-политическое руководство Японии поставило перед своей дипломатией задачу подробно выяснить дальнейшие планы и намерения гитлеровской Германии. С этой целью в Германию был направлен министр иностранных дел Мацуока.

26 марта Мацуока прибыл в Берлин, где встретился с Гитлером и Риббентропом. Руководители рейха, не раскрывая содержания плана «Барбаросса» и сроков агрессии против СССР, в форме прозрачных намеков сообщили японскому министру о своих намерениях. 27 марта в беседе с Мацуока Риббентроп заявил: «На востоке Германия держит войска, которые в любое время готовы выступить против России, и если Россия

займет позицию, враждебную Германии, то фюрер разобьет Россию. В Германии уверены, что война с Россией закончится полной победой Германии и окончательным разгромом русских армий и сокрушением государственного строя. Фюрер убежден, что в случае нападения на СССР через несколько месяцев с ним, как с великой державой, будет покончено»⁷⁴. Через день, 29 марта, он разъяснял японскому визитеру истинное состояние германо-советских отношений: «Конфликт с Россией всегда возможен... Во всяком случае, Мацуока по его возвращении не имеет основания сообщить японскому императору о том, что конфликт между Германией и Россией исключается. Наоборот, обстановка такова, что такой конфликт, если он и не окажется вероятным, может, однако, считаться возможным»⁷⁵.

Риббентроп счел возможным проинформировать Мацуока, что «большая часть германской армии уже сосредоточена на восточных границах государства»⁷⁶. Однако германское руководство не стало требовать от Японии одновременного с германским нападения на СССР. Военный успех на Западе породил в Германии веру в возможность «молниеносной войны» и против Советского Союза, что являлось недооценкой потенциальных возможностей социалистического государства. Убеждая своего японского коллегу в быстротечности германо-советской войны, Риббентроп говорил Мацуока: «В настоящее время мы сможем разгромить Советский Союз в течение трех-четырёх месяцев... Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере»⁷⁷. Мацуока заверил его в том, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции»⁷⁸.

Хотя опьяненный легкими победами на Западе Гитлер не настаивал на участии японских вооруженных сил в антисоветской войне, а стремился направить их против США и Великобритании, в ходе такой войны могло создаться положение, когда германское руководство потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту. В таком случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японские правящие круги сочтут момент наиболее благоприятным, а тогда, когда

это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. С другой стороны, японские правящие круги не могло не волновать то обстоятельство, что в случае быстрого разгрома Германией Советского Союза она не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому, стремясь обеспечить империи максимально возможную свободу действий и создать предпосылки для внезапности нападения на СССР, японское военно-политическое руководство сочло целесообразным в создавшейся обстановке активизировать переговоры о заключении японо-советского пакта о нейтралитете.

Условия заключения такого пакта были выработаны японским МИДом и изложены в документе от 12 января 1941 г. под названием «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». В нем указывалось на необходимость в случае заключения пакта с СССР добиться от Советского Союза следующих уступок: 1) осуществить при посредничестве Германии покупку Северного Сахалина; 2) в случае непринятия Советским Союзом предложения о продаже добиться взамен отказа от японских концессий на Северном Сахалине обещания советской стороны поставить в Японию в течение пяти лет 2,5 млн т нефти; 3) добиться прекращения советской помощи Китаю. 3 февраля этот документ был одобрен на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки⁷⁹.

Во время начавшихся 8 апреля переговоров Мацуока в Москве Советское правительство решительно отвергло эти домогательства, что вынудило японское правительство отказаться от необоснованных притязаний на Северный Сахалин и согласиться на ликвидацию в шестимесячный срок своих концессий на его территории.

Пакт о нейтралитете с Советским Союзом был необходим Японии лишь на период до принятия окончательного решения о нападении на СССР, которое планировалось осуществить в ходе советско-германской войны. Последующие отношения с Советским Союзом предусматривалось строить не на основе этого пакта, а исходя из положений Тройственного пакта с гитлеровской Германией и фашистской Италией. В инструк-

циях, полученных Мацуока из Токио на его запрос по поводу условий подписания пакта с Советским Союзом, подчеркивалось, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен»⁸⁰. Другими словами, пакт с Советским Союзом не должен был оказать влияния на положение Тройственного пакта о взаимной военно-политической поддержке в войне против СССР.

13 апреля 1941 г. в Москве был подписан пакт о нейтралитете между СССР и Японией. Стороны обязывались поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность. В пакте указывалось, что «в случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Срок действия пакта определялся в пять лет⁸¹.

Советское правительство исходило из искреннего желания улучшить взаимоотношения между СССР и Японией и тем самым разрядить напряженность, которую систематически нагнетали на Дальнем Востоке японские реакционные круги. Заключая пакт с Японией, Советское правительство стремилось обезопасить свои восточные границы, использовать все возможности для разрешения существовавших противоречий мирным, дипломатическим путем. «Пакт о нейтралитете и Декларация, публикуемые сегодня, — говорится в передовой «Правды», — являются документами большой политической важности, ибо они представляют собой крупный шаг по пути улучшения взаимоотношений СССР с Японией»⁸².

Иную оценку пакту давали японские руководители. В беседе с Риббентропом Мацуока заявил, что, если начнется германо-советская война, японо-советский пакт «сразу же потеряет силу». Вернувшись из Москвы в Токио, он разъяснял германскому послу: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеют заставить Японию оставаться нейтральной при возникновении конфликта между Россией и Германией. В этом случае Япония будет вынуждена в силу необходимости напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»⁸³.

На этом особенно настаивали представители командования сухопутных сил. Так, командующий Кван-

тунской армией генерал Умэдзу заявил, что «отношение Японии к пакту о нейтралитете должно измениться, как только изменятся отношения, существующие между Германией и Россией»⁸⁴. Еще более определенно высказался на этот счет военный министр Тодзио, занявший через несколько месяцев пост премьер-министра Японии. Он прямо сказал в апреле 1941 г.: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР. Необходимо постоянно оказывать давление на Советский Союз. Сейчас положение таково, что государства не останавливаются перед нарушением соглашений»⁸⁵.

Заключая пакт о нейтралитете с СССР, японские правящие круги меньше всего стремились «оставаться в стороне от германо-советской войны», как это пытаются утверждать некоторые японские историки. Не преследовали они и цель «обезопасить» северное направление, ибо никакой угрозы со стороны Советского Союза не исходило. Об истинных намерениях Японии свидетельствуют ставшие известными японские документы. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов»⁸⁶. Это объяснялось тем, что весной 1941 г. правящие круги Японии еще не сделали окончательного выбора первоначального направления агрессии.

В связи с этим весьма характерно выступление 26 апреля 1941 г. начальника штаба Квантунской армии Кимура на совещании командиров соединений, в котором он подчеркивал, что усиление и расширение подготовки к нападению на СССР следует проводить «совершенно секретно». «Необходимо,— заявил он,— с одной стороны, все более усиливать и расширять подготовку войны против СССР, а с другой — поддерживать дружественные отношения с СССР, стремиться сохранить вооруженный мир и одновременно с этим готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии»⁸⁷.

Среди высшего японского военно-политического руководства имелись три основные точки зрения на воз-

можный характер действий Японии после нападения Германии на Советский Союз. Первая заключалась в том, чтобы осуществить первоначально экспансию на юг, обеспечить экономическую независимость империи, после чего обрушиться на Советский Союз. При этом считалось, что Соединенные Штаты, напуганные японо-германским сближением, не будут оказывать Японии серьезного сопротивления.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что Япония должна, воспользовавшись советско-германской войной, немедленно приступить к осуществлению давнишних планов захвата советской территории. Японское руководство опасалось опоздать к разделу советской территории, в случае если военные действия на юге затянутся. Сторонники этой точки зрения считали, что, «если Япония не захватит в качестве буферной зоны восточную часть Советского Союза, эта территория не будет гарантирована от германской агрессии»⁸⁸. Наконец, существовала третья точка зрения, заключавшаяся в том, чтобы выжидать и готовиться к войне как на севере, так и на юге с целью принять окончательное решение с учетом складывающейся обстановки.

16 апреля посол Осима направил в Токио шифровку, в которой со всей определенностью сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР»⁸⁹. Аналогичные сообщения поступали от японских военных атташе в других европейских странах. 28 апреля, подтвердив «неизбежность» скорого германского нападения, Осима, игнорируя пакт о нейтралитете, рекомендовал центру: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР»⁹⁰.

В течение мая в генеральном штабе проходили совещания руководящего состава, на которых вырабатывалась политика в отношении Советского Союза. В это время Мацуока убеждал императора Хирохито в необходимости после начала германо-советской войны «демонтировать пакт о нейтралитете с Советским Союзом и оккупировать Сибирь вплоть до Иркутска»⁹¹. При этом он по сути дела предлагал действовать по методу Германии. Ведь еще 27 марта 1941 г. Гитлер в беседе с Мацуока цинично заявил, что «Германия заключила

несколько договоров с Россией, однако гораздо более важным является тот факт, что Германия имеет в своем распоряжении от 160 до 200 дивизий против СССР»⁹².

28 мая в ответ на запрос Мацуока Риббентроп сообщил: «Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание»⁹³. Об этом же информировал Токио Осима в телеграмме от 6 июня, в которой выражалась уверенность в том, что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава». В информации японского посла указывалось, что Гитлер дал понять о своем желании видеть Японию участником войны против Советского Союза⁹⁴.

После получения этих сообщений правительство и императорская ставка, не считаясь с недавно подписанным пактом о нейтралитете, приступили к «глубокой разработке» политики империи, в основу которой было положено обсуждение вопроса об участии в антисоветской войне. Идя на заключение пакта о нейтралитете с Советским Союзом, японское руководство стремилось использовать его, с одной стороны, как прикрытие подготовки к нападению на СССР, а с другой — как средство, обеспечивавшее Японии свободу в выборе сроков антисоветской агрессии. После подписания японо-советского пакта о нейтралитете японские правящие круги при определении политики в отношении СССР исходили прежде всего из перспективы начала германо-советской войны и участия в ней Японии.

ГЛАВА III Подготовка к нанесению удара по СССР

Выработка решения о вступлении в войну против СССР летом 1941 г.

Как отмечалось выше, нападение фашистской Германии на Советский Союз не было неожиданным для Японии. Более того, японское военно-политическое руководство ждало начала этой войны, связывая ее с собственными антисоветскими планами. В приговоре Токийского международного трибунала было установлено, что нападение Германии на СССР «безусловно стимулировало захватническую политику Японии против Советского Союза. Японские правящие круги считали победу Германии над СССР неизбежной и быстрой и полагали, что она предоставит Японии удобный случай осуществить на практике свои агрессивные планы против Советского Союза...»¹.

Уже 22 июня, в день начала фашистской агрессии против СССР, Мацуока обратился к императору с предложением напасть на Советский Союз. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию», что Япония должна совместно с Германией нанести удар по Советскому Союзу. Для этого предлагалось несколько отсрочить выступление на юге. «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться»², — заявил Мацуока. Он настаивал на том, чтобы как можно скорее принять решение об участии в войне против СССР и сообщить об этом германскому руководству.

Выражая волю так называемых новых концернов (Мангё и др.)^{*}, которые связывали свое будущее глав-

^{*} К числу «новых концернов» относились те представители монополистического капитала Японии, сферой деятельности которых в 30-е годы стали оккупированные районы Китая. Перспективы своего дальнейшего обогащения и повышения влияния на политику страны они связывали в первую очередь с эксплуатацией вновь завоеванных Японией территорий, в том числе Советского Союза. «Новые концерны» имели своих ставленников в командовании Квантунской армии и в японском правительстве.

ным образом с экспансией Японии на континенте, и пользуясь поддержкой влиятельных представителей императорской армии, Мацуока с самого начала заседаний координационного комитета правительства и императорской ставки, проходивших с 15 июня по 1 июля, настаивал на принятии политического решения в пользу немедленного выступления против СССР. При этом им приводились следующие доводы:

а) необходимо успеть вступить в войну до победы Германии, из опасения оказаться обделенными. «Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом,— заявлял со всей откровенностью японский министр иностранных дел,— мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для этого. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь...»³;

б) поскольку на принятие решения в пользу войны против СССР немаловажное влияние оказывала боязнь возможной перспективной одновременной войны против Советского Союза и США, Мацуока, пытаясь рассеять эти сомнения, убеждал японское руководство: «Если мы быстро нападём на Советы, Соединённые Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз... Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединённые Штаты в течение трех-четырех месяцев дипломатическими средствами»⁴;

в) нападение на Советский Союз должно было оказать решающее влияние на окончание войны в Китае. Японский министр иностранных дел подчеркивал: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнуть его к заключению мира с Японией»⁵.

Хотя предложение о первоначальном ударе в тыл Советскому Союзу базировалось на выводе о краткосрочном характере германской агрессии, учитывалась и возможность затяжной войны и даже поражения Германии. Считалось, что при всех обстоятельствах Японии лучше вступить в войну на севере, чем пойти на вооруженное столкновение с США и Великобританией. Сторонники этой концепции полагали, что, в случае если Великобритания, поддержанная США, в конце концов одержит победу над Германией, Японии «не будут строго судить за нападение лишь на коммунизм».

Участники заседаний не высказывали возражений против доводов Мацуока. Они соглашались с тем, что германское нападение на СССР с запада предоставляет весьма выгодную возможность реализовать вынашиваемые годами планы сокрушения Советского Союза и отторжения в пользу Японии его восточной части. Однако не все разделяли поспешные выводы сторонников незамедлительного нападения. Наиболее осторожные представители японского руководства опасались за возможные последствия опрометчивого шага. Выражая эти опасения, начальник генерального штаба генерал Сугияма предлагал несколько повременить с нападением. Его позиция сводилась к следующему: «Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с советско-германской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но, если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблем на Севере»⁶.

Это мнение поддерживали премьер-министр Коноэ, военный министр Тодзио, хранитель императорской печати Кидо, министр внутренних дел Хиранума, военно-морской министр Оикава, начальник главного морского штаба Нагано и другие высокопоставленные представители правительства и вооруженных сил. Военный министр Тодзио подчеркивал, что нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю»⁷. В конце концов большинство представителей армии и флота пришли к общему выводу, что решение империи о вооруженном выступлении Японии против СССР будет зависеть от складывающихся условий в Китае, на Севере и на Юге.

Еще до нападения Германии на СССР, 10 июня, руководство военного министерства разработало документ «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем». В нем предусматривалось: 1) воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на Юге, так и на Севере; 2) следуя духу Тройственного пакта, в любом случае решать вопрос об использовании вооруженных сил самостоятельно; 3) сохранять

нынешнее положение на континентальном фронте (в Китае)⁸. Было решено, что, если в ходе германо-советской войны складывающаяся обстановка будет выгодной для Японии, против Советского Союза будут применены вооруженные силы.

Эти положения легли в основу представленного на утверждение императора документа, известного под названием «Программа национальной политики империи в соответствии с изменениями обстановки». Документ являлся результатом компромисса между противоборствовавшими монополистическими группировками и выражавшими их интересы армией и флотом. Хотя в нем провозглашалось, что «независимо от изменений в международном положении империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», окончательный выбор первоначального направления агрессии сделан не был. Предусматривались продолжение войны в Китае и одновременное завершение подготовки к войне как против США и Великобритании, так и против Советского Союза.

«Программа национальной политики империи» была утверждена на состоявшемся 2 июля 1941 г. императорском совещании. Политика в отношении Советского Союза была сформулирована следующим образом: «Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ»⁹.

Императорским решением вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве одной из основных военных и политических целей империи. Приняв это решение, японское руководство по сути дела разорвало подписанный лишь два с половиной месяца назад советско-японский пакт о нейтралитете. В принятом документе пакт о нейтралитете даже не упоминался. Выступая от имени императора Японии, председатель Тайного совета Хара заявил на совещании 2 июля: «Я

полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Я желаю, чтобы мы напали на Советский Союз... Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз... Если же мы нападём на него, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен»¹⁰.

Лицемерие и коварство дипломатии милитаристской Японии поистине не имели пределов. Еще 1 июля японское правительство составило послание в адрес Правительства СССР, в котором лживо заявляло об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом», о «надежде на скорое окончание германо-советской войны, заинтересованности в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы». Верховное командование Японии цинично охарактеризовало это послание «дипломатической прелюдией начала войны». При этом считалось, что меры по дезинформации Советского правительства относительно подлинных планов Японии должны особо активно проводиться накануне предполагавшегося удара по СССР¹¹.

В день принятия предусматривавшего нападение на СССР документа «Программа национальной политики империи» японский министр иностранных дел заявил советскому послу К. А. Сметанину, что Япония намерена строго соблюдать пакт о нейтралитете. После этого Мацуока поспешил сообщить германскому послу Отту, что «причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась»¹².

Заверения японского правительства о сохранении в силе японо-советского пакта о нейтралитете не могли

скрыть конкретных действий, предпринимаемых японским военно-политическим руководством летом 1941 г. Как констатировал приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока, «после нападения Германии на Советский Союз Япония усилила общие приготовления к войне против СССР»¹³.

Необходимый для завершения подготовки вооруженных сил империи к вторжению в СССР период японские правящие круги стремились использовать для оказания давления на Советский Союз с целью вынудить его пойти на серьезные уступки Японии. Такой курс кроме всего прочего был направлен на то, чтобы дать Японии повод для агрессии, если Советское правительство не поддастся шантажу. Германский посол в Японии доносил в Берлин, что японское правительство намерено выдвинуть «решительные требования, которые советское правительство не сможет принять»¹⁴.

В июле японский МИД совместно с руководством сухопутной армии согласовали требования, которые предусматривалось предъявить Советскому Союзу, воспользовавшись его тяжелым положением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом 4 августа 1941 г. на заседании правительства и императорской ставки документе «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В этом документе предписывалось заставить советскую сторону прекратить помощь Китаю, передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура, добиться вывода советских войск со всей территории советского Дальнего Востока¹⁵. 5 августа новый японский министр иностранных дел Тоёда при встрече с советским послом К. А. Сметаниным, явно намекая на возможность разрыва пакта о нейтралитете, попытался выдвинуть эти требования к Советскому Союзу.

По существу правящие круги Японии требовали капитуляции Советского Союза еще до японского нападения. Перспектива захвата обширных советских территорий под угрозой нападения вполне устраивала японскую военщину, которая, помня уроки Халхин-Гола, опасалась вооруженной борьбы с Советской Армией. В июле начальник и заместитель начальника японского генерального штаба разъясняли начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут

быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательным»¹⁶.

Выработанная японским военно-политическим руководством «концепция дипломатии перед началом войны» с СССР предусматривала, что, «если в ходе непродолжительных переговоров будут достигнуты политические и стратегические цели, военные действия не будут начаты». С другой стороны, предписывалось «в случае провала переговоров осуществить вооруженное выступление»¹⁷.

Естественно, со стороны Советского Союза был дан решительный отпор наглым домогательствам японского правительства. Было твердо заявлено, что в соответствии с договоренностью Япония должна ликвидировать свои концессии на Северном Сахалине, что пакт о нейтралитете не имеет никакого отношения к вопросу о помощи Китаю. Поскольку такой ответ противоречил планам японских правящих кругов, они продолжили подготовку к нанесению удара по Советскому Союзу с Востока, ожидая скорого поражения Красной Армии в борьбе с вооруженными силами гитлеровской Германии.

В соответствии с достигнутой вскоре после начала германской агрессии против СССР секретной договоренностью между Японией и Германией японское нападение на Советский Союз должно было состояться, как только немецкие войска овладеют Киевом, Ленинградом и Москвой¹⁸. Однако упорное сопротивление Советской Армии фашистским захватчикам заставило гитлеровское руководство пересмотреть свои взгляды на участие Японии в войне. Оно стало требовать немедленного вступления Японии в войну. В инструкциях германского министра иностранных дел Риббентропа послу в Японии Отту указывалось: «Я прошу Вас продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Используйте все имеющиеся в Вашем распоряжении средства, потому что, чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы»¹⁹.

Однако в Токио ждали сообщения о «решительной победе» Германии. Это побудило германское правительство перейти на язык угроз. Берлин довел до сведе-

ния японского правительства, что, если до 25 июля оно не примет решения, предусматривающего «уважение условий тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения, и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате», Германия будет считать себя свободной в своих действиях и после победы над СССР «будет искать наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы» в своих собственных интересах²⁰. Тем самым Германия давала понять, что без участия в войне Япония не может рассчитывать на овладение советскими территориями на Дальнем Востоке и в Сибири.

Хотя это вызывало беспокойство в Токио, японское руководство продолжало ожидать наступления «наиболее благоприятного момента» для нападения, заявляя при этом германскому правительству, что Япония остается верной своим обязательствам по Тройственному пакту. В беседе с послом Оттом министр иностранных дел Тоёда 30 августа сообщал, что приготовления Японии к выступлению против СССР «в настоящее время продвигаются вперед».

Японский план подготовки войны против СССР — «Кантокуэн»

В соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 г. генеральный штаб и военное министерство Японии разработали комплекс широких мероприятий, направленных на форсирование подготовки к проведению наступательных операций против Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах он получил шифрованное наименование «Кантогун токубэцу энсю» («Особые маневры Квантунской армии») — сокращенно «Кантокуэн». 11 июля 1941 г. императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой подтверждалось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза²¹. «Кантокуэн» основывался на оперативно-стратегическом плане войны против Советского Союза, разработанном генеральным штабом сухопутных сил на 1940 г.

Опыт поражения на Халхин-Голе заставлял японское командование использовать против СССР крупную

группировку войск. К началу военных действий у границ Советского Союза планировалось следующее распределение сил:

— на восточном (приморском) направлении — 1-й (восточный) фронт в составе 19 дивизий (3-я армия — 5 дивизий, 5-я — 4 дивизии, 7-я — 3 дивизии, а также отдельные бригады с частями усиления, на основе которых предусматривалось развернуть семь дивизий для создания 2-й и 8-й армий);

— на северном (амурском) направлении — 4-я армия (3 дивизии);

— на западном (район Большого Хингана) — 6-я армия (4 дивизии).

Резерв командующего Квантунской армией, на которого возлагалось непосредственное руководство действиями войск, составлял 4 дивизии²².

Согласно стратегическому замыслу, предполагалось рядом последовательных ударов на избранных направлениях разгромить группировки Советских Вооруженных Сил в Приморье, Приамурье и Забайкалье, захватить основные коммуникации, военно-промышленные и продовольственные базы и, сломив сопротивление советских войск, принудить их к капитуляции.

Военные действия разбивались на два этапа. На первом планировалось, наступая на уссурийском направлении, нанести поражение советским войскам в Приморье. На втором — захватить опорную базу советского Тихоокеанского флота Владивосток, оккупировать Хабаровск, затем разгромить советские войска на северном и западном направлениях. Параллельно силами размещенной на о-ве Хоккайдо 7-й дивизии и смешанной бригады на Южном Сахалине намечалось захватить Северный Сахалин и Петропавловск-на-Камчатке. Предусматривалось также в зависимости от обстановки осуществить операции на противоположном Сахалину побережье СССР²³.

Особое внимание в плане уделялось широкому использованию в военных действиях японских ВВС, которые должны были «уничтожить авиацию противника до начала операции». Ставилась задача за шесть месяцев выйти к Байкалу и завершить войну²⁴.

Однако в первой половине июля 1941 г. генеральным штабом и военным министерством был определен другой замысел осуществления операции по плану «Кантокуэн», который был оформлен в документе «Проект

операций в нынешних условиях». В отличие от плана 1940—1941 гг. намечалось одновременное наступление силами двух фронтов — восточного и северного. Главный удар группировкой в 20 дивизий наносился на восточном направлении. На первом этапе операции силами трех армий и одной отдельной дивизии планировалось осуществить сходящиеся удары на населенный пункт Манзовка. Затем, будучи усиленными еще 3 дивизиями, войска восточного фронта должны были захватить Хабаровск.

На северном направлении намечалось использовать наиболее боеспособные войска, снятые с китайского фронта. Им надлежало с началом наступления на восточном направлении быстро форсировать Амур и перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль. На этом направлении должны были быть использованы 4 дивизии резерва Квантунской армии. Важной целью операции на северном направлении являлся захват и удержание железнодорожной станции Рухлово, расположенной вблизи самой северной точки советско-маньчжурской границы²⁵.

На западном направлении войска должны были занимать оборону в пограничных укрепленных районах. В случае успеха на восточном и северном направлениях предусматривалось развернуть наступление на западе и захватить советскую территорию до озера Байкал, одновременно осуществив нападение и на Монгольскую Народную Республику. Для этого планировалось привлечь силы, действующие в Китае.

В ходе операций предполагалось захватить Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку, Хабаровск, Биробиджан, Бирокан, район Рухлово, Северный Сахалин, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань и Петропавловск-на-Камчатке²⁶.

Готовясь к осуществлению плана «Кантокуэн», командование Квантунской армии требовало от центра усиления войск на северном направлении. 8 июля в Токио было сообщено: «Есть уверенность в том, что силами около 14 дивизий мы сможем разгромить противника в Приморье. Однако нет уверенности в победе на северном фронте, имея 6 дивизий в первом эшелоне и 3 — во втором»²⁷.

Важным свидетельством того, что мероприятия плана «Кантокуэн» были не чем иным, как подготовкой к нападению на СССР, является разработанный к 25 июня

японским генеральным штабом и утвержденный ставкой график завершения подготовки и ведения войны.

Принятие решения по мобилизации — 28 июня.

Издание директивы о мобилизации — 5 июля.

Начало переброски и концентрации войск — 20 июля.

Принятие решения о начале войны — 10 августа.

Начало военных действий — 29 августа.

Переброска четырех дивизий из Японии — 5 сентября.

Завершение операций — середина октября²⁸.

Как следует из этого графика, план «Кантокуэн» в какой-то мере был аналогичен немецкому плану «Барбаросса» и так же предполагал «молниеносную» войну против Советского Союза. В соответствии с графиком 5 июля была издана директива верховного командования о проведении первой очереди мобилизации, по которой осуществлялось увеличение Квантунской армии на две дивизии (51-я и 57-я). 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тыс. человек, а также судов общим водоизмещением 800 тыс. т для перевозки военных грузов в Маньчжурию²⁹.

Поскольку в решении императорского совещания особо подчеркивалось требование «скрытно» завершить военную подготовку к нападению на СССР, были приняты меры по обеспечению секретности проводимой мобилизации. Она осуществлялась под видом учебных сборов для приписного состава и именовалась «внеочередным призывом». Термин «мобилизация» во всех документах и инструкциях был заменен на «внеочередные формирования». Были строго запрещены всякие проводы и другие церемонии.

22 июля с нарушением графика лишь на двое суток началась концентрация войск у советской границы. Однако скрыть масштабы секретной мобилизации было невозможно. Ведь во время переброски и сосредоточения войск по плану только через пункты на территории Кореи в день пропускалось до 10 тыс. солдат и офицеров, 3,5 тыс. лошадей³⁰. Внимательно следившие за ходом мобилизации германский посол Отт и военный атташе Кречмер 25 июля 1941 г. сообщили в Берлин, что уже призвано 900 тыс. резервистов в возрасте от 24 до 45 лет. Отмечалось, что в японскую армию призываются лица, владеющие русским языком.

В Маньчжурию начали прибывать многочисленные приданные части и подразделения. По плану мобилиза-

ции первой и второй очередей в сформированные три фронта (восточный, северный и западный) направлялись 629 частей и подразделений, общее число которых соответствовало численности 20 дивизий³¹. Кроме того, военное министерство планировало дальнейшее усиление войск в Маньчжурии еще пятью дивизиями. Значительная часть войск перебрасывалась с китайско-японского фронта. В результате Квантунская армия была удвоена и насчитывала 700 тыс. человек³². После проведения второй очереди мобилизации по приказу № 102 от 16 июля 1941 г. на территории Маньчжурии и Кореи было сосредоточено 850 тыс. солдат и офицеров японской армии³³. Для участия в войне против СССР директивой ставки № 519 от 24 июля была сформирована так называемая Квантунская армия обороны, выполнявшая роль резерва³⁴. В боевую готовность были приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, а также воинские формирования на Курильских островах. Как было установлено на Токийском процессе, в 1941 г. для нападения на СССР верховное командование Японии создало группировку войск, общая численность которой составила около 1 млн военнослужащих³⁵.

В 1941 г. значительно увеличилось также число подготовленных для войны против СССР танков, самолетов, возросло количество артиллерии, кавалерии, инженерных, железнодорожных и тыловых частей. В Маньчжурии и Корею в больших количествах накапливались боеприпасы и горючее. В Квантунской армии были созданы запасы боеприпасов, горючего и продовольствия, необходимые для ведения военных действий в течение 2—3 месяцев³⁶. По плану «Кантокуэн» в войне против СССР должны были участвовать войска марионеточных армий Маньчжоу-го и Внутренней Монголии.

Армия Маньчжоу-го была создана после оккупации Маньчжурии. Все руководство этой армией осуществлялось штабом Квантунской армии. Непосредственное управление было возложено на многочисленных японских военных советников. С целью использования людских ресурсов Маньчжурии в подготовке к войне против СССР японцы накапливали здесь военно-обученные резервы. В 1940 г. в Маньчжоу-го был введен закон о воинской повинности. В армии были сформированы однотипные по родам войск соединения и специальные части, вооруженные японскими образцами оружия, про-

ведены мероприятия по повышению боеспособности путем укомплектования этих соединений и частей японскими офицерами и прояпонски настроенными офицерами из местных китайцев. «Все мероприятия по укреплению маньчжурской армии, а также дислокация ее на определенных операционных направлениях свидетельствовали о намерении штаба Квантунской армии использовать эту армию в войне против СССР»³⁷, — указывается в материалах Токийского процесса.

Армия оккупированной японцами Внутренней Монголии предназначалась для вторжения в составе японских войск в МНР. По плану «Кантокуэн» предусматривалось «создание обстановки, при которой произошло бы добровольное объединение Внешней Монголии с Внутренней Монголией»³⁸.

Не были забыты и бежавшие из Советской России белоэмигранты. В составленном Квантунской армией «Плане подготовки белоэмигрантской молодежи в местах специального поселения» указывалось, что такая подготовка сводится к укреплению антикоммунистического и антисоветского духа, что позволяло бы иметь надежные кадры для проведения антисоветской диверсионной работы³⁹. С 1938 г. в Маньчжурии существовали сформированные по приказу командования Квантунской армии части белогвардейцев, предназначенные для участия в составе японских войск в войне против СССР. В их задачу входило разрушение железных дорог и других коммуникаций, нанесение ударов по базам снабжения в тылу советских войск, ведение разведки, диверсий, антисоветской пропаганды. После принятия плана «Кантокуэн» приказом командующего Квантунской армией сразу же из белоэмигрантов были сформированы спецчасти для совершения диверсионных акций на советской территории⁴⁰.

Объединить белогвардейские войска в Маньчжурии должен был атаман Семенов, который зарекомендовал себя как «активный борец против большевизма». По некоторым данным, во время событий на Халхин-Голе белогвардейские войска во главе с Семеновым находились в составе японских войск и насчитывали 16 тыс. всадников⁴¹.

На Токийском процессе один из составителей плана антисоветской войны, генерал Томинага, показал: «Наш план внезапного нападения на СССР предусматривал более широкое, чем до войны, использование русских

белогвардейцев в качестве агентов для разведки против Красной Армии в пользу Японии. Русские белоэмигранты должны были состоять переводчиками и проводниками при штабах и соединениях японской армии. И наконец, они должны были привлекаться к составлению листовок антисоветского пораженческого содержания...»⁴² Русские белогвардейцы использовались и на командных постах в марионеточных армиях.

Действия сухопутных сил планировалось поддержать военно-морским флотом Японии. В его задачу входило обеспечение высадки десантов на Камчатке и Северном Сахалине, уничтожение советских военных кораблей на Дальнем Востоке, уничтожение во взаимодействии с сухопутными силами советской авиации на уссурийском направлении, захват Владивостока и других районов Дальнего Востока, внезапное нападение на корабли советского Тихоокеанского флота. 25 июля, получив санкцию императора, военно-морское командование отдало приказ о формировании специально для участия в операциях против СССР 5-го флота⁴³.

Главные силы японской авиации предполагалось использовать на восточном направлении, с тем чтобы подавить советские войска в Приморье и способствовать развитию наступления наземных войск⁴⁴.

Форсирование подготовки к выступлению против Советского Союза сопровождалось активной антисоветской пропагандой. Эта пропаганда была направлена на идеологическую подготовку населения и вооруженных сил в духе непримиримости и ненависти к Советскому Союзу. Японская печать откровенно извращала действительные причины, характер и ход германо-советской войны. Милитаристская пропаганда взяла под защиту своего союзника по Тройственному пакту, пытаясь доказать, будто Германия вовсе не является виновником войны, что она напала на СССР якобы «по необходимости», с целью предупредить возможное нападение СССР. Отсюда следовал вывод о том, что Япония должна принять участие в борьбе с «коммунистической агрессией». Для «обоснования» этого вывода органы пропаганды изображали СССР страной, стремящейся «поработить Китай и Японию».

Печать призывала к вступлению Японии в борьбу с коммунизмом, против СССР. Так, газета «Кокумин» в день принятия императорским совещанием решения о подготовке к антисоветской агрессии утверждала: «Вой-

на между Германией и СССР не является лишь войной этих двух государств, она решает также судьбу Восточной Азии»⁴⁵. Не скрывались и цели готовящегося захвата советских земель. Газета «Хоти», говоря об оккупации восточных территорий СССР, мотивировала это необходимостью содействовать созданию здесь «сферы процветания», овладеть ресурсами Сибири⁴⁶.

Для ведения военных действий против Вооруженных Сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири первоначально планировалось создать группировку в составе 34 дивизий. Поскольку к началу германо-советской войны в Маньчжурии и Корее насчитывалось лишь 14 кадровых дивизий, предусматривалось перебросить в Квантунскую армию 6 дивизий из метрополии и 14 — с китайского фронта⁴⁷. Однако против этого выступило командование японской экспедиционной армии в Китае, которое заявило, что переброска с китайского фронта на север столь большого числа дивизий «означала бы забвение китайского инцидента»⁴⁸. В конце концов центр согласился с этим доводом.

В июне 1941 г. военным министерством и генеральным штабом было принято решение сократить количество выделяемых для войны против СССР дивизий до 25. Затем в июле, когда обстановка на советско-германском фронте осложнилась, основным удар было решено наносить силами 20 дивизий. Наконец, 31 июля на встрече начальника оперативного управления генштаба Танака с военным министром Тодзио было окончательно решено о выделении для войны против СССР 24 дивизий⁴⁹. Это объяснялось тем, что Япония намеревалась добиться поставленных целей войны против СССР «малой кровью». 1 июля 1941 г. на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки заместитель начальника генерального штаба Цукада заявил: «Мы будем готовиться как следует, но намерены иметь (в Маньчжурии и Корее.— А. К.) минимум войск для ведения военных действий. Мы не собираемся выставлять излишне большое количество соединений»⁵⁰.

В действительности же в результате осуществления мобилизации первой и второй очереди для войны против СССР в Маньчжурии и Корее была создана небывало крупная группировка японских войск. Она отнюдь не ограничивалась штатной численностью подготовленных дивизий. Мобилизованные войска направлялись не во

вновь формируемые дивизии, а на увеличение существующих, а также на создание усиленных дивизий типов «А» и «А-1», которые были примерно в 2 раза сильнее дивизий обычного состава *.

Усиленные пехотные дивизии дислоцировались в Маньчжурии. Из пяти существовавших в японских сухопутных силах пехотных дивизий типа «А-1» все пять находились в Квантунской армии. А из 19 усиленных дивизий типа «А» после мобилизации в состав Квантунской армии должно было войти 12^{51—52}. Кроме того, здесь были размещены 24 из имевшихся в японской армии 58 бригад⁵³. Поскольку в результате проведения мобилизации в Маньчжурии и Корее была создана группировка японских войск в 850 тыс. человек, можно считать, что по численности это соответствовало 58—59 японским обычным дивизиям. Ведь японский генеральный штаб и командование сухопутных сил при разработке плана войны против СССР исходили из того, что на Дальнем Востоке и в Сибири было дислоцировано около 30 советских дивизий. Поэтому они и стремились к созданию необходимого для проведения наступательных операций двойного превосходства.

Летом 1941 г. Квантунская армия развернула против СССР боевые порядки шести армий и отдельной группы войск, не считая резерва. В соответствии с планом «Кантокуэн» для ведения боевых действий было сформировано три фронта: восточный в составе четырех армий и резерва, северный в составе двух армий и резерва и западный в составе двух армий⁵⁴.

К началу августа выделенная для вторжения в Советский Союз группировка была в основном подготовлена. Приближался установленный графиком срок принятия решения о начале войны — 10 августа. Однако правящие круги Японии проявляли нерешительность, ожидая поражения Советского Союза на Западе. В это время посол Отт в телеграмме в Берлин следующим образом оценивал обстановку: «В отношении японского

* Количество	Обычная дивизия	Усиленная дивизия типа «А»	Усиленная дивизия типа «А-1»
Солдат и офицеров	13 000—16 000	24 600	29 400
орудий	75	102	148
танков	—	7	81

оперативного плана ясности еще нет, однако, вероятно, они не ограничатся наступлением на район Владивостока и севернее, но одновременно будет предпринято также наступление в направлении Байкальского озера, а именно: вдоль железной дороги Маньчжурия — Чита и из района Калган через Внешнюю Монголию. Время наступления еще не ясно, но можно предположить, что подготовка к наступлению, по моим соображениям, потребует времени до середины августа. Кроме того, генерал Окамото многократно в разговоре упоминал, что Япония выступит лишь тогда, когда немецкие части достигнут Волги»⁵⁵.

Так как каждый день политики выжидания сокращал возможности проведения военной кампании в течение 1941 г. (по плану «Кантокуэн» она должна была быть завершена до наступления зимы), генеральный штаб и командование Квантунской армии решили ускорить начало японского нападения. 3 августа в военном министерстве был подготовлен проект документа «Позиция в отношении СССР», которым предписывалось «в случае советского наступления, воспользовавшись моментом, развернуть военные действия с тем, чтобы правительство приняло немедленное решение начать войну»⁵⁶. Составители документа «обосновывали» свою позицию тем, будто Советский Союз готовил «превентивный удар» по Японии. При этом использовалась составленная Квантунской армией явно провокационная «информация» о том, что войска Красной Армии на Дальнем Востоке якобы изготавились к наступлению, прекратив радиообмен.

Содержание этого документа давало возможность Квантунской армии самостоятельно спровоцировать войну с СССР, возложив при этом ответственность за ее начало на советскую сторону. Провокационная цель этой акции была столь очевидна, что даже командование флота выступило против нее. Флот потребовал исключить из проекта документа слова «начало войны». 6 августа на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки был принят документ «О мерах империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и СССР». В нем было записано: «В случае фронтального наступления Советского Союза его войска будут отброшены с тем, чтобы не упустить инициативу в результате перехода к оборонительным действиям... Позиция империи в отношении

советского нападения будет незамедлительно определена на заседании кабинета министров»⁵⁷. В тот же день этот документ был одобрен императором. После этого в Квантунскую армию была направлена директива ставки № 523, которая гласила: «При действительном нападении русской авиации и невозможности его предотвращения командующий Квантунской армией в целях выполнения стоящей задачи может осуществить силами авиации наступательные действия на русской территории»⁵⁸. По существу право начать антисоветскую войну, как и во времена Халхин-Гола, предоставлялось командованию Квантунской армии.

Едва ли стоит напоминать, что придуманная японской военщиной «теория советского превентивного удара» была насквозь лживой и провокационной. В трудный период начала Великой Отечественной войны Советский Союз был крайне заинтересован в недопущении военных действий на Востоке, стремился избежать войны на два фронта. Красная Армия на Дальнем Востоке готовилась не к «превентивному удару», а к отражению вероломного нападения милитаристской Японии, опасность которого была вполне реальной.

Программа установления на советском Дальнем Востоке и в Сибири японского оккупационного режима

К лету 1941 г. правящие круги Японии имели детально разработанный план оккупации советского Дальнего Востока и Сибири. Разработкой этого плана занимались несколько японских правительственных организаций. Кроме того, «исследовательские группы» по вопросам эксплуатации ресурсов и управления захваченными территориями существовали практически в каждом министерстве, центральных штаб-квартирах ведущих монополий и финансовых групп. Особенно активно эта деятельность проводилась в таких «новых» концернах, как «Мантэцу», «Мансю дзюко», «Нантё кайхацу», которые связывали свое будущее процветание в первую очередь с неограниченной вооруженной экспансией милитаристской Японии.

Одним из основных координирующих органов разработки методов ограбления завоеванных территорий было «Исследовательское общество по изучению политики государства», в которое входили члены японского

кабинета министров, монополисты, представители армии и флота, дипломаты и журналисты. В состав правления «общества» входили адмирал Кобаяси, генерал-лейтенант Исоя, министр внутренних дел Гото, министр торговли и промышленности Киси, генерал Такахаси, начальник юридического департамента Ямакава, председатель центрального совета предпринимательских организаций Сэнгоку, президент компании по освоению Северного Китая Цусима, президент информационного агентства «Ниссо цусин» Сигэмори, советник японского посольства в Германии Миура и др. Активное участие в работе «общества» принимал премьер-министр Тодзио. В задачу «общества» входило «исследовать актуальные военные проблемы Японии и докладывать о результатах этих исследований японскому правительству»⁵⁹.

В 1941 г. внутри «общества» был образован «специальный комитет по выработке мероприятий управления оккупированными территориями». Он занимался разработкой оккупационного режима в подлежащих захвату Японией странах Азии. В декабре 1941 г. премьер-министру, военному министру, военно-морскому министру и министру иностранных дел Японии комитетом был представлен «доклад о мерах по управлению оккупированными территориями».

Еще 1 октября 1940 г. императорским указом был создан «Институт тотальной войны», который находился в непосредственном подчинении премьер-министра. Этот «институт» объединял крайне реакционных деятелей, которые принимали активное участие в подготовке планов антисоветской войны. Директор этого «института» генерал-лейтенант Мураками впоследствии признавал: «Я получал прямые указания премьер-министра Тодзио, касающиеся будущего административного режима на оккупированных территориях в районах Великой Восточной Азии. Проекты составленных в институте планов направлялись премьер-министру и в соответствующие министерства для осуществления на практике»⁶⁰.

Наиболее подробно колониалистские замыслы японского империализма были изложены в подготовленных «обществом» и «институтом» документах «Проект мероприятий по строительству Великой Восточно-азиатской сферы процветания» и «Первоначальный проект создания сферы процветания Великой Восточной Азии».

Будущая колониальная империя Японии очерчивалась границами Тихого океана, Центральной Азии и Индийского океана. Все страны этого обширного региона, земли, их народы и ресурсы должны были быть объединены под управлением Японии. Колониальная империя делилась на две основные зоны — центральную и периферийную. В центральную зону включались Маньчжурия, Северный Китай, районы нижнего течения реки Янцзы и Приморская область СССР. К периферийной относились Восточная Сибирь, остальной Китай, Индокитай, районы Южных морей, а также Австралия, Индия и острова Тихого океана. Японские империалисты не скрывали своих планов. Так, в газете «Тайо дай ниппон» от 5 января 1942 г. открыто излагались замыслы колонизаторов: «Хочется думать, что сфера Великой Восточной Азии будет включать в себя следующие страны: Япония, Маньчжурия, Китай, Дальний Восток СССР, Французский Индокитай, Бирма, Малайя, Голландская Индия, Британская Восточная Индия, Индия, Афганистан, Австралия, Новая Зеландия, Гавайи, Филиппины, острова Тихого и Индийского океанов... Территории народов, которые не в состоянии пользоваться независимостью, и территории, важные в военном отношении, становятся полностью нашими владениями»⁶¹. В действительности в результате войны против СССР в состав японской империи должны были войти не только его дальневосточные территории, но и вся восточная часть Советского Союза, включая озеро Байкал. Об этом прямо говорилось в постановлении японского правительства от 7 декабря 1940 г.⁶²

Японские правящие круги опасались, что гитлеровское руководство и германские монополисты могут после захвата европейской части СССР двинуться дальше на восток. В связи с этим ставилась задача во что бы то ни стало добиться согласия Германии на включение советского Дальнего Востока и Сибири в состав японской империи. В документе «План административного управления районами Великой Восточной Азии» от декабря 1941 г. указывалось: «Будущее советских территорий следует определить на основе японо-германского соглашения... Однако Приморская область будет присоединена к территории империи, а районы, граничащие с маньчжурской империей, должны находиться под ее влиянием. Управление сибирской железной дорогой будет полностью подчинено Японии и Германии. Пунктом

разграничения зон управления намечается Омск»⁶³.

Завоеванную в результате агрессий колониальную империю японские милитаристы намеревались сохранить «на века». В документах в связи с этим указывалось: «...главные меры по увековечению руководящего положения Японии можно свести к двум основным пунктам: это, во-первых, различные мероприятия, призванные обеспечить экономическое и моральное превосходство японского народа, и, во-вторых, мероприятия по консолидации под руководством японского народа включенных в «сферу процветания» наций...»⁶⁴

В японских документах нашли проявление алчные устремления правящих кругов, которые рассматривали создаваемую «сферу процветания» и входящие в нее страны как объект нещадной эксплуатации. При этом в них особо оговаривалось: «Восточная Сибирь относится к той части земель, которые, естественно, должны быть включены в сферу Великой Восточной Азии по геополитическим соображениям... Кроме того, существуют глубокие экономические доводы относительно восточной части СССР»⁶⁵. Так, в отношении намеченных к захвату советских территорий в «Программе тотальной войны первого периода. Строительство Восточной Азии» (раздел «Оккупированные районы и их важнейшие пункты») предусматривалось «удерживать позиции стратегического превосходства и принять безошибочные меры для овладения стратегическими ресурсами». Документ имел «приложение № 3», в котором перечислялись «важные пункты оккупации Восточной Сибири»:

1. Приморская область:

а) Владивосток, Маринск, Николаевск, Петропавловск и другие важные районы;

б) стратегическое сырье: Тетюхэ (железные руды), Оха и Эхаби (нефть), Советская Гавань, Артем, Тавричанка, Ворошилов (уголь).

2. Хабаровская область:

а) Хабаровск, Благовещенск, Рухлово и другие районы;

б) стратегическое сырье: Умарита (молибденовые руды), Кивда, Райчихинск, Сахалин (уголь).

3. Читинская область:

а) Чита, Карымская, Рухлово и другие районы;

б) стратегическое сырье: Халекинск (железные руды), Дарасун (свинцовые и цинковые руды), Гутай

(молибденовые руды), Букачача, Терновский, Тарбога, Арбагар (уголь).

4. Бурят-Монгольская область:

а) Улан-Удэ и другие стратегические пункты⁶⁶.

В начале военных действий против СССР главной целью будущей военной администрации объявлялось «обеспечение бесперебойности снабжения армии». Затем предусматривалось «реорганизовать прежнюю плановую экономику, сделать упор на разработку естественных ресурсов, особенно добычу необходимых металлов и получение продовольственных ресурсов, переселить в оккупированные районы японцев, корейцев и маньчжуров, осуществив принудительное выселение местных жителей на Север»⁶⁷.

Особое внимание уделялось борьбе с коммунистической идеологией. Ставилась задача наряду с оккупацией «упразднить коммунистическую систему, восстановить частную собственность, полностью искоренить коммунистическую политическую систему, запретить все политические организации и политические движения», а также «все коммунистические издания, спектакли, кино, песни и прочее». Предусматривалось повсеместное распространение православия и ламаизма, «внеся в эти религиозные системы соответствующие изменения». Политическая деятельность религиозных объединений не допускалась⁶⁸.

В ходе осуществления подготовки и реализации плана «Кантокуэн» по приказу военного министерства в штабе Квантунской армии был создан отдел по управлению оккупированными советскими территориями. Сначала этот отдел назывался «отделом Хата» по фамилии его начальника генерал-майора Хата. Затем он был переименован в 5-й отдел штаба Квантунской армии и просуществовал до 1943 г.⁶⁹ Он состоял из сотрудников «отдела Советского Союза» японского правительственного «Института Восточной Азии», представителей правительства Маньчжоу-го, сотрудников японского концерна в Маньчжурии «Мантэцу», руководителей существовавших в Маньчжурии «специальных компаний». В обязанности этого отдела входила «разработка принципов управления захваченными территориями и подготовка кадров для органов оккупационного управления»⁷⁰. Результаты «исследовательской деятельности» отдела направлялись в Японию, где они обобщались.

Основные принципы японского оккупационного ре-

жима на территории Советского Союза были изложены в секретном документе «Сводные исследовательские записки за 1943 год» в разделе «Мероприятия по управлению Сибирью». С самого начала войны в оккупированных районах СССР предусматривалось установить военную администрацию, в обязанность которой входило «создание благоприятных условий для действий оперативных войск». Тем самым намечалось «заложить предварительные основы для управления этими районами как частью сферы взаимного процветания». Затем, указывалось в документе, «ликвидируется коммунистическая идеология и коммунистические организации, вместо них вводятся идеи нового порядка в Восточной Азии... Объявляются полностью недействительными прежние законы — это делается простым и сильным военным приказом... местные жители не допускаются к участию в политике»⁷¹.

В ходе оккупации намечалось массовое уничтожение советских людей, превращение оставшихся в живых в подневольную рабочую силу. Предписывалось «пользоваться строгой реальной силой, не опускаясь до так называемого принципа умеренности». При этом прямо ставилась задача «устранить коммунистов и прочих лиц, которые составляли в прошлом руководящий строй...», использовать труд советских людей главным образом на тяжелых работах в рудниках⁷².

Планы оккупационного режима имели ярко выраженную расистскую окраску. В одном из документов выдвигалось требование провести «мероприятия по воспрепятствованию концентрации в Сибири славян, изгоняемых из европейской части России». Подчеркивалась важность пропаганды среди населения оккупированных районов идей исключительности и превосходства японской нации, ее права на руководство поработощенными народами. Для этого намечалось «ликвидировать прежние антияпонские взгляды и внедрить в сознание идеи и реальные факты сферы сопроцветания Великой Восточной Азии, в центре которой находится Япония»⁷³.

В то же время, учитывая, что советское население на Дальнем Востоке и в Сибири с ненавистью относилось к японским захватчикам, и опасаясь «восстаний коммунистической партии», правящие круги Японии рассчитывали создать, если удастся, видимость самоуправления на оккупированных советских территориях. С этой целью планировалось «провести подготовку рус-

ской белоэмиграции с административным уклоном и тем самым выковать из сферы белоэмиграции кадры для различных правительственных органов, местной администрации и для создания различных экономических органов, особенно местных должностных лиц, непосредственно связанных с народом, так, чтобы они успешно справились с работой»⁷⁴.

Японские стратеги с целью утверждения своего господства, а также из опасения начала партизанской войны советского народа в своих планах допускали на оккупированных территориях «местное самоуправление в низовых организациях», а также «учреждения, основанные на старых национальных обычаях». На роль марионетки был избран Семенов, который после ареста Красной Армией в 1945 г. признавал: «В 1936 году я встретился с начальником штаба Квантунской армии генералом Окамура. От него я выяснил, что японский план вторжения предусматривает присоединить Уссурийский край к Маньчжоу-Го и создать буферное государство от Байкала на Восток, сделав меня главой правительства...»⁷⁵

О том, что «самоуправление» на подлежащих оккупации советских территориях в действительности было лишь пропагандистским маневром, свидетельствует и намерение установить в захваченных районах японские генерал-губернаторства. На советский Дальний Восток и в Сибирь намечалось послать вооруженных японских колонистов, которые должны были занять все высшие административные посты для надзора за советским населением⁷⁶.

Содержание планов установления оккупационного режима на советской территории со всей очевидностью показывает, что японские правящие круги планировали отнюдь не «оборонительную войну против большевизма», как об этом твердила японская пропаганда, а империалистическую агрессию, являвшуюся важнейшей составной частью обширной программы борьбы японского империализма за господство в мире.

ГЛАВА IV Причины изменения сроков японского нападения на СССР

Срыв германского плана «молниеносной войны»

Политика и стратегия Японии в отношении Советского Союза после 22 июня 1941 г., как известно, строились на основе концепции вступления в войну против СССР в момент «наиболее благоприятный» для империи. Японские лидеры прямо заявляли на секретных заседаниях правительства и императорской ставки: «Мы выступим, если почувствуем, что условия особо благоприятны, и не выступим, если они будут неблагоприятны». Под «благоприятным моментом» понималась ситуация, когда терпящий поражение от гитлеровских войск Советский Союз не сможет оказать должного сопротивления Японии на Дальнем Востоке.

Германским планом «Барбаросса» война против СССР намечалась как скоротечная кампания. Предусматривалось в ходе летне-осенних операций нанести мощный удар по основным силам Красной Армии, быстро уничтожить их и, стремительно продвигаясь в глубь Советского Союза, занять его важнейшие политические и экономические центры. Особое значение придавалось захвату Москвы и Ленинграда. При этом возможность остановить наступление из-за сопротивления Красной Армии исключалась.

Разработанный японским командованием график проведения антисоветской войны на Востоке увязывался с германским планом «Барбаросса» и также предполагал завершение военных действий против СССР осенью 1941 г. Как германский план «Барбаросса», так и японский план «Кантокуэн» были авантюристичны и порочны в своей основе, являлись следствием переоценки сил и возможностей стран-агрессоров и недооценки мощи СССР — его экономического и политического потенциала, морального духа советского народа и боеспособности его Вооруженных Сил.

В Японии рассматривали советско-германскую войну как редчайшую возможность осуществить вынаши-

ваемые годами замыслы антисоветской агрессии, наиболее активные сторонники войны против СССР требовали не упустить эту возможность. Прибывший из Европы генерал Ямасита в день отдачи приказа о первой очереди мобилизации по плану «Кантокуэн» 7 июля докладывал военному министру Тодзио: «Мощь германской дивизии вдвое превосходит боевые возможности стрелковой дивизии Советского Союза. По сухопутным силам Германия более чем в два с половиной раза превосходит СССР. По самолетам преимущество в три — четыре раза. В результате внезапного нападения существует большая вероятность уничтожения Красной Армии и быстрого завершения войны»¹. Генерал Ямасита предупреждал о том, что после окончания войны в европейской части Советского Союза Гитлер может двинуться в Сибирь и на Дальний Восток. Он убеждал Тодзио отказаться от теории «спелой хурмы» и захватить восточные районы СССР до окончания германо-советской войны. «Время теории «спелой хурмы» уже прошло, — говорил Ямасита. — Выжидание может ускорить объединение США с СССР. Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева»².

Это мнение разделял и японский посол в Москве Татэкава, который 5 июля сообщил в Токио, что якобы «Красная Армия потеряла веру в победу, и падение Москвы является лишь вопросом времени». Он рекомендовал «самостоятельно решить вопрос о Дальнем Востоке»³. Однако в Токио решили следовать разработанному графику проведения антисоветской войны, ожидая, когда «Россия, как спелая хурма, сама упадет в руки». Несмотря на то что германские войска смогли продвигаться в глубь территории Советского Союза и создали угрозу Москве и Ленинграду, в Токио не спешили с выводами о скорой победе Германии. Японское руководство внимательно следило за начавшимся в середине июля Смоленским сражением, в результате которого, как признают японские историки, «советские войска упорным сопротивлением задержали продвижение немецкой армии, чем было выиграно время для обороны Москвы»⁴.

Ценой огромных усилий и жертв Красная Армия к середине июля не только задержала противника, но и смогла на некоторое время на основных направлениях стабилизировать фронт. Так, на западном направлении в июле темп продвижения германских

войск составлял 6—7 км в сутки против 30 км в первые дни войны ⁵.

Героическое сопротивление советского народа срывало планы как гитлеровского, так и японского руководства. Замедление темпов наступления немецко-фашистских войск свидетельствовало о том, что «наиболее благоприятный момент» еще не наступил.

Во второй половине июля, когда подготовка Японии к нападению на СССР осуществлялась полным ходом, среди японского генералитета появились первые признаки сомнений в успехе германского «блицкрига». 16 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, в котором оценивались события и обстановка на фронтах второй мировой войны, была сделана запись: «На германо-советском фронте не отмечается активных действий, тихо». Затем, 21 июля: «В развитии обстановки на германо-советском фронте нет определенности. Похоже на не прекращающийся несколько дней токийский дождь» ⁶.

Японские стратеги стали серьезнее анализировать перспективы Германии в войне против СССР. «Театр военных действий в России,— заявляли они,— огромен и его нельзя сравнивать с Фландрией. Равнинный характер театра войны в России хотя и дает возможность быстрого продвижения для Германии, но, с другой стороны, он способствует правильному отступлению, на что и рассчитывает СССР. Ликвидировать советские войска в этом случае будет не так-то легко. Партизанская война также значительно усиливает обороноспособность СССР» ⁷.

Поскольку приближалась запланированная дата принятия окончательного решения о начале военных операций против СССР, японское руководство попыталось выяснить у германского правительства новые сроки завершения войны. Во время Токийского процесса посол Осима свидетельствовал: «В июле — начале августа стало известно, что темпы наступления германской армии замедлились. Москва и Ленинград не были захвачены в намеченные сроки. В связи с этим я встретился с Риббентропом, чтобы получить разъяснения. Он пригласил на встречу генерал-фельдмаршала Кейтеля, который заявил, что замедление темпов наступления германской армии объясняется большой протяженностью коммуникаций, в результате чего отстают тыловые части. Поэтому наступление задерживается на три недели» ⁸.

Подобное разъяснение лишь усилило сомнения японского руководства в способности Германии завершить войну в короткий срок. О трудностях свидетельствовали и участвовавшие требования германских руководителей как можно скорее открыть «второй фронт» на Востоке. Они все более откровенно давали понять японскому руководству, что Японии не удастся воспользоваться плодами германской победы, если для этого ничего не будет сделано.

Однако японские правящие круги, выжидая «благоприятный момент», заявили о «необходимости длительной подготовки». В действительности же они боялись преждевременного выступления против Советского Союза. 29 июля в «Секретном дневнике войны» было записано: «На германо-советском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие десять дней войны должны определить историю»⁹. Имелось в виду время, оставшееся до принятия Японией решения о нападении на Советский Союз.

Ввиду того что «молниеносная война» не состоялась, в Токио стали с большим вниманием относиться к оценке внутривосточного положения СССР. Еще до начала войны некоторые японские специалисты по Советскому Союзу высказывали сомнения по поводу быстрой капитуляции СССР. Так, например, один из сотрудников японского посольства в Москве, Ёситани, в сентябре 1940 г. предупреждал: «Полным абсурдом является мнение, будто Россия развалится изнутри, когда начнется война»¹⁰. 22 июля 1941 г. японские генералы вынуждены были признать в «Секретном дневнике войны»: «С начала войны прошел ровно месяц. Хотя операции германской армии продолжаются, сталинский режим, вопреки ожиданиям, оказался прочным»¹¹.

Особенно тщательно анализировал данные о внутривосточном положении и внешнеполитической деятельности Советского Союза 5-й отдел разведуправления генштаба. Сюда стекались самые разнообразные документы — информация агентурной разведки, разведдонесения Квантунской армии, данные радиоперехвата, шифровки военных атташе, доклады и аналитические справки посольств, разработки исследовательского отдела компании «Мантэцу» и другие материалы.

К началу августа отделом был подготовлен и пред-

ставлен руководству военного министерства документ под названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Он состоял из четырех разделов: 1. Оценка государственной структуры Советского Союза (политика государства, прочность государственного строя, особенности русской нации, наличие ресурсов, распределение населения по районам). 2. Дипломатическая стратегия (в частности, отношения с США и Великобританией). 3. Военные вопросы (военная мощь Красной Армии, ее боеспособность на Дальнем Востоке, сравнение Красной Армии с армиями Германии и Японии). 4. Анализ способности Советского Союза вести войну с Германией, общая оценка развития международной обстановки.

Хотя составители доклада продолжали верить в конечную победу Германии, они не могли не считаться с реальной действительностью. В главном выводе доклада указывалось: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодным для германской стороны»¹². Комментируя содержание этого вывода, японские исследователи указывают: «В начале августа 5-й отдел разведуправления пришел к выводу, что в течение 1941 г. германская армия не сможет покорить Советский Союз, да и на будущий год перспективы для Германии не самые лучшие. Все говорило о том, что война затянется»¹³.

Хотя этот доклад не был определяющим в решении вопроса о начале войны, тем не менее он заставил японское руководство более трезво оценивать перспективы германо-советской войны и участия в ней Японии. «Мы должны осознать сложность оценки обстановки», — гласила одна из записей «Секретного дневника войны».

В обстановке провала германского плана «молниеносной войны» правящие круги Японии решили на время вернуться к отброшенному пакту о нейтралитете с Советским Союзом и дожидаться «благоприятного момента» под его прикрытием. При этом продолжались попытки шантажировать Советский Союз угрозой его разрыва в случае сближения СССР с США.

Армия в это время продолжала активную подготовку к осуществлению плана «Кантокуэн». Генеральный штаб и военное министерство выступили против включенного в документ «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» положения о

том, что германо-советская война затягивается. Начальник генерального штаба Сугияма и военный министр Тодзио заявили: «Существует большая вероятность того, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно продолжать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением»¹⁴. С этим согласился и военно-морской министр. Поэтому на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки 4 августа было подтверждено, что пакт о нейтралитете будет соблюдаться лишь временно, что «с точки зрения международных отношений на первом месте по значению стоит Тройственный пакт, а пакт о нейтралитете — вторичен»¹⁵.

Японские милитаристы не желали упускать «золотую возможность» обрушиться совместно с Германией на Советский Союз и сокрушить его. Особое нетерпение проявляла Квантунская армия. Ее командующий Умэдзу передавал в центр: «Благоприятный момент обязательно наступит... Именно сейчас представился редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в отношении Советского Союза. Необходимо ухватиться за это... Если будет приказ начать боевые действия, хотелось бы, чтобы руководство операциями было предоставлено Квантунской армии... Еще раз повторяю, что главным является не упустить момент для осуществления политики государства»¹⁶.

Представители командования Квантунской армии, не желая считаться с реальным положением, требовали от центра немедленного выступления. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Есимото убеждал начальника оперативного управления генштаба Танака: «Начало германо-советской войны является ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию «спелой хурмы» и самим создать благоприятный момент... Даже если подготовка недостаточна, выступив этой осенью, можно рассчитывать на успех»¹⁷.

Однако последующие события на советско-германском фронте не оправдали надежд японского командования.

Обещание Риббентропа и Кейтеля захватить Москву с задержкой лишь на три недели осталось невыполненным, что не позволило японскому руководству начать в

запланированные сроки военные действия против Советского Союза. 28 августа в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому, что уж говорить о нашем разведуправлении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь...»¹⁸

Красная Армия, хотя и несла большие потери, не была разгромлена. КПСС и Советское правительство сумели в кратчайший срок осуществить перевод народного хозяйства на военные рельсы, передислоцировать индустриальную базу страны в тыл, наладить производство большого количества боевой техники и вооружения, прежде всего танков и самолетов. Важное значение имело развертывание на захваченных гитлеровской армией территориях широкого партизанского движения. На фронтах и в тылу весь советский народ демонстрировал твердую решимость вести борьбу до победы.

К началу сентября высшее военно-политическое руководство Японии пришло к выводу о невозможности быстрой и эффективной войны против СССР в течение 1941 г. Имея опыт интервенции против Советской Республики в 1918—1922 гг., когда не подготовленные к ведению войны, особенно в сложных условиях сибирской зимы, японские войска несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции, командование японской армии во всех антисоветских планах и вооруженных провокациях исходило из необходимости избегать войны против СССР зимой. Это подтвердил на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки начальник генерального штаба Сугияма, который заявил, что «военные операции крупного масштаба на Севере в условиях зимы очень затруднительны»¹⁹. В сентябре 1941 г. посол Японии в Германии Осима разъяснял фашистскому руководству: «В это время года (имелись в виду осень и зима.— А. К.) военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах. Вероятно, будет не слишком трудно занять северную (русскую) часть острова Сахалин. Ввиду того, что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, их, вероятно, также можно оттеснить от границы. Однако нападение на Владивосток, а также любое

продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны»²⁰.

3 сентября на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки был сделан окончательный выбор первоначального направления распространения агрессии. Участники совещания пришли к выводу, что, «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на Севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на Юге»²¹. Этот курс был официально закреплен в документе «Программа осуществления государственной политики империи», принятом 6 сентября на императорском совещании.

Таким образом, основной и определяющей причиной нарушения установленных сроков нападения Японии на Советский Союз в 1941 г. явился провал германского плана «молниеносной войны». Японские правящие круги не осмелились вступить в антисоветскую войну до окончательного выяснения перспектив войны на Западе и продолжали ожидать поражения Советского Союза.

Порочность теории «спелой хурмы»

Японское командование считало важным условием осуществления плана «Кантокуэн» значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири. В июне 1941 г. японский военный министр Тодзио заявил, что Япония выступит тогда, когда «можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны русской армии».

В Японии рассчитывали, что в критический для Советского Союза момент войны против Германии советское руководство будет вынуждено перебросить большую часть дислоцированных на востоке войск на запад. В этом случае задача японской армии должна была состоять в осуществлении операций против оставшихся регулярных войск и партизан и оккупации советских территорий. Расчет строился на том, что после победы Германии Гитлеру будет трудно «переварить» всю территорию Советского Союза и он не сможет препятствовать оккупации Японией советского Дальнего Востока и Восточной Сибири даже в случае, если японская оккупация произойдет после поражения советских войск на западе. В этом состояла суть

теории «спелой хурмы», ожидания «наиболее благоприятного момента».

По замыслу японского генерального штаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских, кавалерийских, инженерных, железнодорожных и других частей — на две трети²². Считалось, что в результате укомплектования японских дивизий в Маньчжурии и Корее по штатам военного времени и придания им частей и подразделений непосредственного подчинения мощь японской дивизии будет на 25 % превосходить силу советской дивизии. Отсюда делался вывод, что, например, 11 японских дивизий будут соответствовать 15 советским дивизиям, а намеченные для антисоветской войны 24 дивизии будут более чем вдвое превышать мощь советских войск.

Однако масштабы переброски советских войск с Дальнего Востока в европейскую часть СССР летом 1941 г. далеко не соответствовали ожиданиям японского командования. По данным разведуправления японского генерального штаба от 12 июля 1941 г., за три недели после начала германо-советской войны с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17 % советских дивизий, а механизированных частей — около одной трети²³. При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. В докладе обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на запад в основном войска Забайкальского военного округа, а на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней.

Это не позволяло японскому командованию рассчитывать на успех наступления силами лишь 24 дивизий. Поэтому на заседаниях руководства генштаба и военного министерства Японии обсуждался вопрос о выделении для войны против СССР дополнительного числа дивизий. 11 июля была издана директива секции сухопутных сил императорской ставки № 506 об усилении подготовки к войне против России²⁴. 16 июля японский генштаб заявил, что, «даже если переброска советской дальневосточной армии не будет осуществлена в запланированные сроки, наступление

на СССР должно быть начато»²⁵. Ставилась задача быть готовыми к началу войны против СССР в любой момент. Для этого намечалось еще большее увеличение войск в Маньчжурии и Корее. Активно обсуждался вопрос об использовании в войне против Советского Союза 30 дивизий общей численностью 1 200 тыс. человек²⁶.

В 1941 г. в японской армии была 51 дивизия, из которых 27 вели боевые действия в Китае. По новому плану в случае войны с Советским Союзом предусматривалась переброска шести дивизий с китайского фронта. Этому решительно воспротивилось командование экспедиционной армии в Китае. Ее командующий Хата заявил, что такое сокращение войск на японо-китайском фронте весьма рискованно и неизбежно приведет к дальнейшему затягиванию войны. В конце концов с этим пришлось согласиться, ибо и без того за годы войны японские войска в Китае были весьма ослаблены. 31 июля от плана использования против СССР 30 дивизий отказались²⁷ в расчете на сокращение советских войск, на то, что рано или поздно Советский Союз все же будет вынужден приступить к крупномасштабной переброске войск на запад.

Сдерживающее воздействие на решение о начале войны против СССР оказывало сохранение на Дальнем Востоке большого количества советской авиации. К середине июля японский генеральный штаб имел сведения о том, что на запад переброшено лишь 30 советских авиационных эскадрилий. Особое беспокойство вызывало наличие в восточных районах СССР значительного числа самолетов бомбардировочной авиации. Считалось, что в случае нападения Японии на Советский Союз создавалась реальная опасность массированных авиационных бомбовых ударов непосредственно на японской территории. Как выяснилось на Токийском процессе, генеральный штаб располагал разведанными о наличии в 1941 г. на советском Дальнем Востоке 60 тяжелых бомбардировщиков, 80 бомбардировщиков дальнего действия, 330 легких бомбардировщиков, 450 истребителей, 60 штурмовиков и 200 самолетов морской авиации²⁸. В докладе начальника отдела ставки по проблемам обороны метрополии от 26 июня указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов

в ночное время десятью, а в дневное — двадцатью — тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище»²⁹.

Японское командование не могло не учитывать и советский опыт материального снабжения войск. Начальник оперативного управления генштаба Танака заявил на Токийском процессе: «Исходя из того факта, что в русско-финляндскую войну зимой 1939 года русская армия проводила операции, поддерживая линию коммуникаций протяженностью более 200 км при температуре 50 градусов ниже нуля, а также исходя из эффективности русского снабжения во время номонханского (халхин-гольского) инцидента, нельзя было недооценивать способности армии Советского Союза снабжать операции»³⁰.

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским агрессорам. Японская военщина помнила сокрушительное поражение на Халхин-Голе, когда она на собственном опыте испытала военную мощь Советского Союза. И хотя, как показали события, японские милитаристы не сделали должного вывода из халхин-гольского поражения, при всем своем авантюризме они не могли игнорировать силу и боевые возможности Красной Армии. 4 сентября посол Отт доносил Риббентропу, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии». «Разгром японских войск на Халхин-Голе научил даже чванливых, возомнивших о божественной роли Японии японских генералов уважать мощь Советского Союза»³¹, — отмечали прогрессивные японские историки.

В Токио понимали, что одно дело нанести удар в спину терпящему поражение противнику и совсем другое — вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз. Оценивая группировку советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири, японская печать подчеркивала: «Эти войска остаются совершенно безупречными как в смысле обеспечения их новейшим вооружением, так и в смысле великолепной подготовки...»³² Газета «Мияко» писала в конце лета 1941 г.: «Дело еще не дошло до фатального удара по армии Советского Союза. Поэтому нельзя

считать безосновательным вывод о том, что Советский Союз — силен»³³.

Это признавало и германское посольство в Японии, которое внимательно следило за соотношением японских и советских сил. Оценивая военно-стратегическую ситуацию с точки зрения перспектив японского нападения на СССР, германский посол Отт сообщал в Берлин: «Красная Армия на Дальнем Востоке по-прежнему сохраняет высокую боеспособность, поэтому нельзя ожидать начала военных действий Японии раньше весны. Упорство, которое проявляет Советский Союз в борьбе с Германией, показывает, что даже нападением Японии в августе или сентябре нельзя открыть дорогу в Сибирь в этом году»³⁴.

На Дальнем Востоке и в Сибири сохранялась группировка советских войск, мощь которой не позволяла рассчитывать на успех японского нападения. Это вынудило японское военно-политическое руководство на время отложить принятие решения о вооруженном выступлении против СССР. 9 августа был принят документ верховного командования сухопутных сил «Программа операций императорской сухопутной армии», в котором предусматривалось:

1. Имея в Маньчжурии и Корее 16 дивизий, быть в готовности выступить против СССР.

2. Продолжать проведение операций в Китае.

3. Завершить к концу ноября подготовку к войне на юге³⁵.

Это был совершенно секретный документ, о содержании которого знал строго ограниченный круг японских руководителей, а именно военный министр, заместитель военного министра, начальник управления по делам армии, а также начальник генерального штаба и начальник оперативного отдела генштаба. Когда через месяц это решение было официально утверждено на императорском совещании, начальник генерального штаба Сугияма отдал следующее распоряжение: «Отменяется лишь выступление (против СССР) в нынешнем году. Ранней весной следующего года после завершения наступления на юге возможно нанесение удара на севере. Для этого по-прежнему нужно продолжать подготовку. Не следует болтать об отмене плана. Надо держать это в секрете. Об этом должны знать лишь немногие в министерствах армии и флота»³⁶.

Одной из причин такого распоряжения было стремление не допустить ослабления подготовки к нападению на Советский Союз. Демонстрация готовности Японии в любой момент обрушиться на СССР должна была быть использована в дипломатических контактах с СССР с целью добиваться от Советского Союза серьезных политических и территориальных уступок. Неохотно соглашаясь с отсрочкой нападения, командование Квантунской армии настаивало, чтобы дипломатические переговоры с СССР велись решительно, японские требования тесно увязывались с обстановкой на германо-советском фронте и выдвигались не по частям, а полностью.

Принятое 6 сентября на императорском совещании решение отнюдь не означало отказа от плана «Кантокуэн», а лишь откладывало срок начала его осуществления. Решением предусматривалось, что «в случае выгодного для нашей империи развития германо-советской войны... северный вопрос будет решен вооруженным путем в ходе или даже до использования силы на юге»³⁷. Японское командование продолжало внимательно анализировать изменения в группировке советских войск на Дальнем Востоке. 12 сентября начальник генерального штаба Сугияма докладывал императору: «Пока особого ослабления не отмечается, напротив, в ряде районов наблюдается усиление военной подготовки». 26 сентября начальник 2-го отдела генерального штаба Окамото был вынужден доложить японскому командованию: «Германский план провести решающее сражение в короткие сроки полностью провалился»³⁸. При этом он на конкретных цифрах показал, что СССР имеет достаточно сил и боевой техники для продолжения войны.

Было еще одно обстоятельство, заставлявшее японские правящие круги не торопиться с началом наступления на СССР. Готовясь ко вступлению во вторую мировую войну, они с беспокойством следили за ходом формирования летом 1941 г. коалиции трех держав — СССР, США и Великобритании, которые, несмотря на существовавшие противоречия, преследовали общие интересы борьбы с фашистскими агрессорами. Перед японской дипломатией была поставлена задача по возможности воспрепятствовать созданию такого союза, ибо он затруднял осуществление японской агрессии как на северном, так и на южном направле-

нии. Японский министр иностранных дел Тоёда стал убеждать советских представителей в Токио в том, что Япония будет «строго соблюдать пакт о нейтралитете», если СССР воздержится от каких-либо соглашений с третьими странами. При этом японский министр на встречах с советским послом К. А. Сметаниным без стеснения лгал, заявляя, будто «военные приготовления в Маньчжурии не направлены против СССР»³⁹. В то же время он объяснял германскому послу Отту: «Наша подготовка является первым шагом к будущим операциям против Советов. Я считаю, что это соответствует духу Тройственного пакта»⁴⁰.

Между тем к концу сентября 1941 г. положение на германо-советском фронте осложнилось. Немецко-фашистские войска блокировали Ленинград, вскоре началась великая битва под Москвой. Обстановка настоятельно требовала использования сил из восточных районов страны. Однако советское руководство отчетливо сознавало, что это связано с риском японского нападения. Поэтому на Запад были переброшены лишь несколько сибирских дивизий. Важное значение имели также сведения, переданные в Москву советским военным разведчиком Рихардом Зорге в конце сентября о решении императорского совещания временно воздержаться от вступления в войну против СССР⁴¹.

Главные силы дальневосточной группировки Красной Армии продолжали занимать оборонительные позиции вдоль протяженной советско-маньчжурской границы, бдительно охраняя восточные рубежи Советского государства. «Советский Союз, ведя оборонительную войну против Германии, не ослабил свои военные силы на Востоке, сохранив группировку, равную Квантунской армии. Таким образом, Советскому Союзу удалось достичь цели — оборона на Востоке, избежав войны»⁴², — вынуждены признать официальные японские историографы. «Главным фактором являлось то, что Советский Союз, обладая огромной территорией и многочисленным населением, за годы предвоенных пятилеток превратился в мощную экономическую и военную державу»⁴³, — пишут они.

Наличие на восточных рубежах Советского Союза мощной группировки войск Советской Армии, которая не была ослаблена даже в самый трудный период

Великой Отечественной войны, не позволяло японскому военно-политическому руководству осмелиться на вооруженное выступление против СССР.

Выбор «южного варианта» войны

В соответствии с решением императорского совещания от 2 июля 1941 г. параллельно с активной подготовкой к нападению на Советский Союз японское руководство предприняло действия по овладению колониями западноевропейских государств на юге. В Токио сознавали, что это может привести к вооруженному столкновению с США и Великобританией, и готовились к войне с этими государствами. Цели борьбы с ними в первую очередь диктовались экономическими интересами. Взаимоотношения Японии с западными державами представляли типичную картину межимпериалистической борьбы за источники сырья, рынки сбыта и дешевую рабочую силу. Планируя войну на юге, правящие круги Японии стремились захватить богатые сырьевыми ресурсами страны Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана, обеспечивая таким образом рост прибылей японских монополий и экономической мощи Японии.

23 июля японское правительство вынудило вишистское руководство Франции подписать соглашение о размещении японских вооруженных сил в Южном Индокитае. Вслед за этим Южный Индокитай был оккупирован японскими войсками, которые в результате этого вышли на подступы к Малайе, Сингапуру, Голландской Индии и Филиппинам. Это создавало прямую угрозу планам американского империализма добиться монопольного господства в азиатском регионе.

Стратегия Соединенных Штатов состояла в том, чтобы избежать прямого участия во второй мировой войне. Летом 1941 г. правительство США занимало выжидательную позицию, рассчитывая на то, что в войне Советского Союза против Германии силы противоборствующих сторон будут истощены и США смогут не только сохранить, но и даже укрепить свои мировые позиции. Широко известно заявление будущего президента США Г. Трумэна, который открыто говорил в июне 1941 г.: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, нам следует помогать России, а если вы-

игрывать будет Россия, нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше...»⁴⁴

По сути дела такая же политика проводилась и на Востоке, где США ожидали скорого нападения Японии на СССР. Американское правительство придерживалось высказанной госдепартаментом следующей точки зрения: «С началом германо-советской войны у Японии открываются два направления агрессии: южное и северное. Однако южное направление сопряжено с опасностью войны с Соединенными Штатами. А войны с Америкой Япония страшится. Поэтому для Японии предпочтительнее порвать пакт о нейтралитете и двинуться на север»⁴⁵. Это мнение разделяло и высшее руководство США. «Я думаю,— писал 15 октября Ф. Рузвельт У. Черчиллю,— что они направятся на север». Английский премьер согласился с ним⁴⁶.

Однако многолетняя американская и английская политика направления японской агрессии против СССР не способствовала разрешению глубоких межимпериалистических противоречий с Японией. Захват Французского Индокитая со всей определенностью свидетельствовал о том, что Япония приступила к осуществлению программы создания огромной колониальной империи, в которую замышлялось включить не только весь Китай и восточную часть Советского Союза, но и все территории стран Юго-Восточной Азии и Тихого океана. При этом японские правящие круги, стремясь к мировому господству, вынашивали в отношении Соединенных Штатов далеко идущие планы решительного устранения США как соперника в империалистической борьбе. Командующий объединенным флотом Японии адмирал И. Ямамото следующим образом формулировал политические и стратегические цели империи в отношении США: «Для нас недостаточно захватить Гуам и Филиппины или даже Гавайи и Сан-Франциско. Мы должны вступить в Вашингтон и подписать договор в Белом доме»⁴⁷.

Поскольку политика умиротворения Японии приносила обратные ожидаемым результаты, правительство США приняло ответные меры. 25 июля 1941 г. США ввели эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозили все японские активы в США. Такие же решения приняли Великобритания и Голландия. 1 ав-

густа вступил в силу американский запрет на вывоз в Японию всех важнейших стратегических материалов. Торговля с Японией практически прекратилась. Эти экономические меры еще больше обострили японо-американские и японо-английские отношения, ускорили принятие японским руководством решения о вооруженном захвате богатых сырьевыми ресурсами районов на юге.

Принятые США и Великобританией меры были использованы японскими лидерами для возбуждения в Японии антиамериканских и антианглийских настроений. 8 августа пресс-секретарь кабинета министров Японии Исии сделал публичное заявление о том, что «США, Великобритания, Китай и Голландия создают вокруг Японии военную, экономическую и политическую блокаду»⁴⁸.

16 августа японский посол в США Номура сообщил в Токио, что Японии «не удастся достичь соглашения с Соединенными Штатами»⁴⁹. Тем не менее японское руководство с целью дезинформации американцев решило продолжать японо-американские переговоры о нормализации отношений. 28 ноября министр иностранных дел Того телеграфировал в Вашингтон послу Номура: «Мы хотим, чтобы Вы пока не давали правительству США понять, что переговоры прекращаются»⁵⁰.

Как отмечалось выше, к началу сентября 1941 г. японское военно-политическое руководство вынуждено было отложить на время нападение на Советский Союз. Альтернативой выступления на севере было дальнейшее расширение экспансии в южном направлении. В согласованном на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки от 3 сентября проекте документа «Программа осуществления государственной политики империи» указывалось: «В случае отсутствия перспектив принятия наших требований до первой декады октября мы незамедлительно примем решение о начале войны против Соединенных Штатов и Великобритании»⁵¹.

Затем на императорском совещании 6 сентября политика Японии в отношении США, Великобритании и Голландии была определена следующим образом: «Принимая во внимание чрезвычайно напряженную обстановку, сложившуюся в настоящее время, и в особенности действия, предпринятые в отношении Япо-

нии Америкой, Англией, Голландией и другими государствами, а также положение Советского Союза, степень возможного использования государственной мощи империи, мы осуществим предусмотренный «Основными принципами политики империи в связи с изменением обстановки» курс». Было решено не останавливаться перед войной с Америкой, Англией и Голландией, для чего ориентировочно к концу октября закончить все военные приготовления⁵².

Принятое решение о первоначальном выступлении на юге отнюдь не означало отказа от плана нападения на Советский Союз. Японское руководство по-прежнему исходило из стремления добиться своих целей как на севере, т. е. за счет Советского Союза, так и в борьбе за колониальные владения на юге. Было бы неверным считать, что выбор того или иного варианта войны осуществлялся ценой отказа от других агрессивных планов Японии в Азии и бассейне Тихого океана. С точки зрения стратегических целей и экономических интересов правящие круги Японии считали захваты на севере и на юге в равной степени необходимыми для утверждения своего господства в Азии и на Тихом океане. На заседании координационного комитета правительства и императорской ставки 26 июня 1941 г. начальник генерального штаба Сугияма и его заместитель Цукада предельно четко высказались по этому поводу: «Север и юг не подразделяются по важности»⁵³. В японской прессе также подчеркивалось, что «движение на юг и движение на север составляют одно неразрывное целое»⁵⁴.

Следует иметь в виду, что с политической и идеологической точек зрения Советский Союз неизменно рассматривался правящими кругами Японии как основной противник. В связи с этим нельзя не согласиться с принципиально важным выводом советских ученых, которые подчеркивают: «Нападение Японии на США и Великобританию не означало, что межимпериалистические противоречия оказались более сильными, чем классовые»⁵⁵.

Вооруженное выступление на юге тесно увязывалось с планами последующей агрессии против СССР. Готовясь к антисоветской войне, японское военно-политическое руководство считало необходимым обеспечить империю запасами горючего, в первую очередь нефтью, а также другим стратегическим сырьем. Началь-

ник отдела ставки полковник Цудзи писал после войны: «В начале августа в военном министерстве пришли к выводу о том, что в случае операций против Советского Союза в течение полугода-года будут израсходованы все запасы нефти... Поэтому, что касается нефти, то, кроме движения на юг, выхода не было»⁵⁶. Ведь только в Голландской Индии ежегодно добывалось около 8 млн т нефти, что примерно в 20 раз превышало добычу нефти в Японии. Быстрая оккупация и длительное удержание богатых сырьем территорий на юге рассматривались японским командованием как залог успеха Японии во второй мировой войне.

Существенной причиной решения о первоначальном нанесении удара на юге было и то, что войну против США и Великобритании предусматривалось провести в основном силами военно-морского флота, который к 1941 г. был значительно усилен. Подготовленный к действиям на юге японский императорский флот состоял из 230 боевых кораблей основных классов, в том числе 10 линкоров, 10 авианосцев, 38 крейсеров, 112 эсминцев, 65 подводных лодок. США имели на Тихом океане 172 боевых корабля (9 линкоров, 3 авианосца, 24 крейсера, 80 эсминцев, 56 подводных лодок)⁵⁷.

В конце июля 1941 г. военный министр Тодзио заявил, что за годы войны в Китае флот потерял 10 % своего состава, в то время как потери армии составляли 40 %⁵⁸. Выступление на юг, по замыслам японского командования, можно было провести, не ослабляя нацеленной на Советский Союз группировки японских войск. Для войны на юге выделялось лишь 10 пехотных дивизий⁵⁹.

Учитывалось также, что сложившаяся осенью 1941 г. обстановка позволяла рассчитывать на успех войны с западными державами. Хотя в целом вооруженные силы США, Великобритании и Голландии обладали значительной мощностью, они не были подготовлены к организованному отпору Японии. Состоявшие в основном из колониальных войск вооруженные силы западных держав на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана не имели единого командования, были разбросаны, придерживались сугубо оборонительной стратегии. Так, например, оперативный план Тихоокеанского флота США, утвержденный 21 июля 1941 г.,

не предусматривал серьезных сражений с японским флотом, исходя из неизбежности советско-японской войны⁶⁰. В представленном японскому командованию 30 июля 1941 г. специальной исследовательской группой «Часть 82» предварительном плане войны на юге вскрывалась слабость обороны Малайи, серьезные недостатки в позиции США на Филиппинах и незначительные возможности сопротивления в голландской Восточной Индии⁶¹.

18 октября 1941 г. к власти пришел кабинет генерала Тодзио, который твердо взял курс на войну с США и Великобританией, готовясь при этом к нападению на СССР в «удобный момент». Отличавшийся крайней враждебностью к СССР Тодзио продолжал надеяться на реализацию выдвинутой им теории «спелой хурмы» на севере.

5 ноября императорское совещание приняло документ «Принципы осуществления государственной политики империи», в котором «в целях построения нового порядка в Великой Восточной Азии» закреплялось решение о начале войны против США, Великобритании и Голландии. В главном пункте документа предписывалось «начать военные действия в начале декабря; к этому времени армии и военно-морскому флоту полностью закончить приготовления к развёртыванию операций»⁶².

Накануне императорского совещания, выступая на заседании Высшего военного совета Японии, начальник генерального штаба Сугияма особо подчеркивал: «Мероприятия против СССР и стратегия в китайском вопросе должны оставаться прежними... Жизненно необходимо закончить как можно скорее операции на юге и подготовиться на случай каких-либо событий на севере»⁶³. Он заверял императора в том, что «операции в южной части Тихого океана будут проведены в течение трех месяцев»⁶⁴.

После завершения подготовки 15 ноября императорская ставка и правительство Японии приняли документ «Основные принципы ведения войны против США, Англии и Голландии». В нем были определены цели войны, районы захвата, формы установления в этих районах оккупационного режима, методы ведения психологической и экономической войны и т. д. Вслед за этим началось развёртывание сил японского флота. 26 ноября при соблюдении строжайших мер секретности

авиационное соединение японского императорского флота взяло курс на Пёрл-Харбор. 30 ноября император Японии отдал секретный приказ о начале войны⁶⁵.

7 декабря (8 декабря по японскому времени) 1941 г. нападением на основные базы США и Великобритании в бассейне Тихого океана и Юго-Восточной Азии Япония вступила во вторую мировую войну.

8 декабря в Японии был опубликован императорский эдикт об объявлении войны Соединенным Штатам Америки и Великобритании. В нем провозглашалось: «Мы, Император Японии, восседающий по воле неба на престоле, занимаемом единой династией с незапамятных времен, сим объявляем всем нашим верным и храбрым подданным: мы объявляем войну Соединенным Штатам Америки и Британской Империи». В эдикте в качестве обоснования начала войны выдвигался разрыв США и Великобританией экономических отношений с Японией, что, как указывалось, создало «серьезную угрозу самому существованию нашей Империи». Представляя развязанную войну как «самооборону», император заявил, что у империи «нет другого выхода, как прибегнуть к оружию и уничтожить все препятствия, стоящие на ее пути»⁶⁶.

В действительности же межимпериалистическая война на Тихом океане была начата японскими правящими кругами в стремлении не упустить столь желанный и давно ожидаемый «благоприятный момент» для установления своего господства в Азии и тихоокеанском регионе. Участники императорской конференции 6 сентября пришли к единодушному выводу о том, что для выступления на юге «лучший момент никогда не наступит»⁶⁷.

Выбор «южного варианта» войны был продиктован в первую очередь стремлением японского военнополитического руководства обеспечить экономическую базу для продолжения второй мировой войны, основной целью которой оставался разгром Советского Союза.

ГЛАВА V Враждебная политика Японии в отношении СССР в ходе второй мировой войны

Продолжение подготовки удара на север

Приняв решение о первоначальном наступлении против США и Великобритании на юге, японское военно-политическое руководство не отказалось от замысла напасть на Советский Союз еще в 1941 г. Война на юге, которую планировалось провести в основном силами военно-морского флота, не должна была оказать серьезного влияния на продолжение военных действий в Китае и подготовку армии к антисоветской агрессии. При наступлении «благоприятного момента» на севере японское командование не исключало возможности войны на два фронта. В этом случае считалось, что главным будет не южное, а северное направление агрессии¹.

В генеральном штабе Японии был разработан вариант плана «Кантокуэн», который надлежало осуществить после ожидаемого падения Москвы и резкого изменения в пользу Японии соотношения сил на Дальнем Востоке. Учитывая сложность проведения в осенне-зимний период наступательных операций на всех фронтах, генштаб предусматривал нанесение первоначального удара на восточном направлении. После вторжения в Приморье войска восточного фронта должны были наступать на Хабаровск и захватить его до наступления холодов. В это время войскам северного и западного фронтов надлежало закрепиться соответственно в районах Малого и Большого Хингана и ожидать наступления весны. С началом таяния льда планировалось форсировать Амур и развивать наступление на запад из района Рухлово — Большой Хинган в направлении озера Байкал. В развитие этого замысла командование Квантунской армии предлагало с началом наступления на восточном фронте силами двух- трех дивизий еще осенью форсировать Амур в районе Хабаровска, чтобы облегчить захват города². Операции по захвату Северного Сахалина, Камчатки

и других районов, а также оккупацию МНР предусматривалось осуществить в соответствии с прежним замыслом плана «Кантокуэн».

Несмотря на подготовку к ведению военных действий на юге, военно-морской флот сохранял созданную специально для войны против СССР группировку сил. Они были сведены в 5-й флот, который базировался в районе северного порта Оминато³.

Выделенные для войны против СССР японские войска не включались в планы войны на юге и готовились к действиям на севере. В официальных японских источниках указывается, что в обстановке начала войны против США и Великобритании, продолжая военные действия в Китае, Япония сохраняла для войны против СССР до 40 % дивизий в Маньчжурии, Корее и метрополии⁴. По имевшимся в распоряжении Токийского трибунала сведениям, к 5 декабря 1941 г. для нападения на Советский Союз было подготовлено около 50 % пехотных дивизий, 75—80 % кавалерийских частей, около 65 % танковых полков, половина артиллерии и авиации сухопутных сил⁵.

Наиболее антисоветски настроенные политические и военные деятели Японии считали, что империя уже готова к тому, чтобы обрушиться на Советский Союз с востока. Они продолжали призывать к немедленному выступлению, открыто заявляя в прессе, что «Япония должна сыграть свою роль в деле окончания германосоветской войны»⁶. Влиятельный японский журнал «Кайдзо» поместил в ноябрьском номере статью «Новый этап советско-германской войны и Япония», в которой говорилось: «Япония радуется победам своего союзника — Германии и желает ей дальнейших успехов. Япония, несомненно, должна использовать международную обстановку, сложившуюся благодаря победам Германии, в целях выполнения своего собственного великого дела...»⁷

Хотя к концу ноября ценой огромных усилий гитлеровские войска приблизились к Москве, вопреки ожиданиям японского командования даже в этот критический период Советская Армия на Дальнем Востоке не была ослаблена. После тщательного анализа обстановки японское руководство пришло к выводу о целесообразности перенести срок выступления против СССР на весну 1942 г. 3 декабря императорская ставка направила в Квантунскую армию приказ № 578, в ко-

тором указывалось: «Для обеспечения империи ресурсами и создания нового порядка в Великой Восточной Азии принято решение начать войну с США, Англией и Голландией. Предусматривается быстро провести наступление в важных районах на юге и одновременно разрешить китайский инцидент; в это время не допускать войны с Россией»⁸. К приказу была приложена директива ставки № 1048, в которой ставилась задача Квантунской армии: «В соответствии со складывающейся обстановкой осуществить усиление подготовки к операциям против России. Быть в готовности начать боевые действия весной 1942 года»⁹. Командованию Квантунской армии приказывалось представить свои соображения относительно выполнения директивы ставки.

Мнение командования Квантунской армии сводилось к тому, чтобы начать операции против СССР в середине 1942 г. Но сказывалась и озабоченность незавершенностью войны в Китае. Командующий армией генерал Умэдзу, подчеркивая важность «решения китайского вопроса», в то же время считал, что с точки зрения «войны в целом вслед за операциями на юге целесообразно осуществить наступление против СССР»¹⁰. Среди японского руководства сохранялась надежда на то, что гитлеровской Германии все же удастся захватить Москву еще зимой. В этом случае японское выступление могло начаться до наступления весны. Поэтому 3 декабря ставкой был отдан также приказ № 575 командующему экспедиционной армией в Китае о возможной переброске войск на север. Зная о возражениях командования этой армии против ослабления китайского фронта, ставка заявляла о необходимости подготовки войск на севере «на случай вступления России в войну», хотя в действительности такая возможность центральным японским руководством исключалась. Еще в секретном оперативном приказе командующего объединенным флотом Японии И. Ямамото от 1 ноября 1941 г. указывалось: «...если империя не нападет на Советский Союз, то мы уверены, что Советский Союз не начнет военных действий»¹¹. Это мнение разделяли и другие японские высшие руководители, включая премьер-министра Японии Тодзио.

Приказом № 575 предписывалось в начале военных действий против Советского Союза в первую очередь

захватить район Уссури, а в случае успеха начать наступление и на северном фронте. Для этого было решено перебросить из Китая в Квантунскую армию шесть дивизий и готовить эти дивизии к операциям против Советской Армии¹². Для прорыва советской линии обороны зимой 1941/42 г. и форсирования Амура, Уссури и других водных преград в Квантунскую армию направлялись дополнительные артиллерийские и инженерные части. 10 января 1942 г. генеральный штаб армии издал директиву № 1073, предписывавшую командованию сухопутных войск направлять на «северный фронт» части, высвобождающиеся после операций на юге¹³.

В Квантунской армии понимали, что решение о переносе нападения на весну 1942 г. носило общий характер, и продолжали активно готовиться к ожидавшемуся «переломному моменту» в Великой Отечественной войне, когда захват Москвы должен был стать сигналом для начала японской агрессии на Дальнем Востоке. После получения приказа от 3 декабря начальник штаба Квантунской армии на совещании командиров соединений дал следующие указания: «Для завершения проводимой подготовки к операциям против Советского Союза каждая армия и соединение первой линии должны прилагать все усилия к тому, чтобы, наблюдая за постоянно происходящими изменениями военного положения Советского Союза и Монголии, иметь возможность в любой момент установить истинное положение. Это особенно относится к настоящим условиям, когда все более и более возникает необходимость установить признаки переломного момента в обстановке»¹⁴.

Однако наступивший в декабре 1941 г. перелом в войне был совершенно иного содержания, нежели представлялось это японским милитаристам. Развернувшееся в декабре контрнаступление Красной Армии завершилось разгромом рвавшихся к Москве немецко-фашистских войск. Тем самым было ознаменовано начало коренного поворота в войне. Результаты битвы под Москвой продемонстрировали всему миру, что стратегия «молниеносной войны» потерпела окончательный крах. Был развеян миф о «непобедимости» германской армии.

Разгром гитлеровских войск под Москвой явился серьезным ударом и по японским планам вероломного нападения на СССР. Провал плана «Барбаросса» был

убедительным свидетельством того, что Советский Союз обладал значительной мощью для продолжения войны, а Красная Армия способна наносить сокрушительные удары по агрессорам как на западе, так и на востоке. Это пугало японские правящие круги, заставляло их с большей осторожностью оценивать перспективы развития второй мировой войны, в особенности положение на германо-советском фронте.

15 января 1942 г. император Японии потребовал от начальника генерального штаба Сугияма доклад о результатах советского контрнаступления под Москвой. В своем докладе Сугияма, дав оценку положения Советского Союза, особо подчеркнул: «СССР, сохранив около 40 % своей промышленной мощи, последовательно восстанавливает производство, и мы не должны недооценивать его»¹⁵. Затем, 22 января, отвечая на вопрос императора о сроках проведения операции против СССР, Сугияма заявил, что, по его мнению, «в настоящее время, до лета сего года нецелесообразно проводить наступательную операцию на севере»¹⁶.

Составители многотомной японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» отмечают прямую связь результатов победы Советской Армии под Москвой с вынужденным решением руководителей милитаристской Японии пересматривать сроки нападения Японии на Советский Союз. Они пишут: «Сплочение Красной Армии с населением под руководством Сталина для защиты родины было весьма прочным. Москва и Ленинград упорно удерживались, Красная Армия сохраняла высокий боевой дух, не наблюдалось никаких признаков внутреннего развала. Ожидавшийся нами момент для решения вопроса о Советском Союзе с течением времени отдалялся... Провал зимней кампании германской армии определил крах большой стратегии Германии в борьбе против СССР. В результате зимнего контрнаступления Красная Армия добилась перелома в ходе войны»¹⁷.

К началу 1942 г. в Японии стали сознавать, что одновременное ведение войны на юге и на севере чревато опасными последствиями. Было подтверждено решение на время операций на юге «поддерживать спокойствие на севере». Тем не менее план «Кантокуэн» отменен не был.

Достигнутые в первом периоде операций против вооруженных сил США и Великобритании военные

успехи породили у японских милитаристов уверенность в скором завершении войны на юге. В первые месяцы 1942 г. японское руководство пришло к выводу, что в результате захвата источников стратегического сырья Япония сможет вести против Советского Союза длительную войну. 18 февраля 1942 г. японский «институт тотальной войны» представил правительству стратегическую программу такой войны. «В случае войны с Советским Союзом,— говорилось в ней,— использовать стратегическую обстановку на главных театрах войны противника и отдаленность от основных оперативных баз, нанести максимально сильный первый удар, быстро уничтожить наличные силы и части усиления противника, стремясь к разрешению военного конфликта в короткий срок, и затем, захватив важные районы, вести затяжную войну»¹⁸.

Одновременно японским генеральным штабом был составлен оперативный план наступательных операций на 1942 г., который оставался действительным вплоть до 1944 г. Являвшийся с 1940 по 1944 г. офицером оперативного управления генштаба подполковник Сэдзима давал на Токийском процессе показания: «Как и предыдущие оперативные планы, план 1942 года был наступательным. Операции должны были начаться внезапно. По плану в Маньчжурии намечалось сосредоточить около 30 дивизий. Первый фронт состоял из 2, 3, 5 и 20-й армий и имел задачу нанести главный удар в направлении Ворошилова. Эти четыре армии должны были одновременно провести решающее сражение в окрестностях Ворошилова. Во второй фронт входили 4-я и 8-я армии. Его задача состояла в наступлении на направлении Свободный — Куйбышевка с целью разгромить советские войска и перерезать железную дорогу»¹⁹.

На основе этого плана, направленного в Квантунскую армию, продолжалась подготовка к наступательным операциям против СССР. Об этом свидетельствовал заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацумура: «Генеральный штаб дал указание командованию Квантунской армии составить план операций против СССР с общей целью оккупировать советское Приморье и уничтожить там авиационные базы. Направлением главного удара был определен Ворошилов. В указаниях генштаба Квантунской армии предписывалось вслед за оккупацией

Приморья быть готовой к проведению последующих операций»²⁰.

Штаб Квантунской армии разработал график проведения операций против СССР весной 1942 г.:

- начало сосредоточения и развертывания войск — день x минус 5 дней;
- завершение развертывания — день x минус 2 дня;
- переход границы — день x ;
- выход на южный берег реки Суйфыньхэ (Пограничная) — день x плюс 8—10 дней;
- завершение первого этапа наступления — день x плюс 21²¹.

По плану генштаба решение о начале войны должно было быть принято в марте, а начало боевых действий — в мае 1942 г.²² Для осуществления такого графика перед войсками Квантунской армии ставилась задача «опередить противника в подготовке к войне и создать положение, позволявшее по своему усмотрению нанести первыми удар в момент, благоприятный для разрешения северной проблемы»²³.

Однако к весне 1942 г. ожидавшегося японским командованием значительного сокращения численности советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири не произошло. В феврале разведуправление генерального штаба армии представило данные, согласно которым «переброска советских войск с Востока на Запад не вела к ослаблению группировки Красной Армии, пополнявшейся за счет местных резервов»²⁴.

В связи с этим командование армии обратилось к императору с рекомендацией приостановить военные действия на юге, закрепиться в оккупированных районах, с тем чтобы перебросить на север четыре дивизии²⁵. Вокруг этого предложения возникли споры. Сторонники продолжения операций на юге требовали увеличения численности сухопутных сил для ведения военных действий на островах Тихого океана и на подступах к Австралии с целью нарушить коммуникации между США и Австралией. В конце концов было достигнуто согласие армейского и военно-морского командования провести на юге ряд операций по захвату островов Самоа, Фиджи, Новой Каледонии, что не требовало значительного количества сухопутных сил²⁶.

По планам японского генерального штаба предусматривалось оставить на южном направлении только

такое количество войск, которое обеспечивало бы поддержание общественного порядка и проведение операций на внешних рубежах. Высвобождавшиеся войска, как того требовала директива № 1073, должны были быть переброшены в Маньчжурию и Китай, а также частично в метрополию. Весной 1942 г. Квантунская армия была вновь усилена (сюда были направлены дополнительно две дивизии), достигнув своей максимальной численности²⁷.

Увеличение войск на севере было непосредственно связано с планами выступления Японии против СССР в ходе ожидавшейся летней военной кампании гитлеровской Германии, на которую сторонники войны против СССР возлагали большие надежды. В середине июля развернулось наступление германской армии на южном участке советско-германского фронта с целью прорваться к Волге в районе Сталинграда, захватить этот важный стратегический пункт и крупнейший промышленный район и тем самым отрезать центр СССР от Кавказа.

Успех немецкого наступления должен был явиться сигналом к началу японского выступления против СССР с Востока. Для этого генеральный штаб сухопутных сил разработал план «Операция № 51», согласно которому против советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось использовать 16 пехотных дивизий Квантунской армии, а также три пехотные дивизии, дислоцировавшиеся в Корее. Кроме того, намечалось перебросить в Маньчжурию семь пехотных дивизий из Японии и четыре из Китая. В первом периоде операции из 30 выделявшихся дивизий планировалось использовать 24: на восточном направлении — 17, на северном — шесть, на западном — одну. В наступлении должна была принять участие 1-я танковая армия в составе трех танковых дивизий²⁸.

Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, силами 1-го фронта (три полевые армии) прорвать линию обороны советских войск на восточном направлении — южнее и севернее озера Ханка и захватить Приморье. Одновременно силами 2-го фронта (две полевые армии) следовало форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск на северном направлении — западнее и восточнее Бла-

говещенска и, овладев железной дорогой на участке Свободный — Завитинск, не допустить подхода подкреплений с запада. Осуществить операцию предполагалось в течение двух месяцев²⁹.

Однако наличие этого плана не означало, что в японском руководстве было единодушное мнение о вступлении в войну с Советским Союзом. Серьезное поражение японцев в июне 1942 г. в сражении за о-в Мидуэй свидетельствовало о том, что война на юге против США и Великобритании потребует концентрации всех сил империи. 20 июля 1942 г. начальник оперативного управления генерального штаба Танака записал в своем дневнике: «В настоящее время необходимо решить вопрос о принципах руководства войной в целом. Видимо, в 1942—1943 гг. целесообразно будет избегать решающих сражений, вести затяжную войну. Операцию против Советского Союза в настоящее время проводить нецелесообразно»³⁰. Не рекомендовал выступать на севере и посол Японии в СССР Татэкава.

Сталинградская битва завершилась сокрушительным поражением германских войск. С ноября 1942 по конец марта 1943 г. Советская Армия разгромила 100 германских дивизий, или более 40 % всех сил, действовавших против СССР. Общие потери Германии и ее союзников на советско-германском фронте составили около 1,7 млн человек, более 3500 танков, 24 тыс. орудий и 4300 самолетов³¹. Разгром гитлеровских войск под Сталинградом означал начало коренного перелома в ходе второй мировой войны. После Сталинградской битвы правящие круги Японии были вынуждены в очередной раз отложить свои планы активных действий против Советского Союза. Подтвердились предсказания разведуправления японского генштаба о том, что Советский Союз не покорится и в 1942 г. стратегия «спелой хурмы» не даст своих плодов³².

Тем не менее в Японии продолжали надеяться на приход «благоприятного момента» для развязывания войны против СССР. Планом операций против советских войск на Дальнем Востоке на 1943 г. предусматривалось наступление из района Маньчжурии основными силами (17 пехотных дивизий) на восточном направлении и частью сил (пять пехотных и две танковые дивизии) — на северном³³.

Не менялись и установки на подготовку к войне против СССР военно-морского флота. В директиве начальника морского генерального штаба № 209 от 25 марта 1943 г. предписывалось: «1. Объединенному флоту в самом начале войны силами авиации, флота, используя часть самолетов наземного базирования, подавить вражескую авиацию в районе Камчатки и южной части Сихотэ-Алиня... 2. Силы флота, основу которых составляет 5-й флот, должны во взаимодействии с армией внезапно захватить в самом начале войны порты Оха и Петропавловск»³⁴.

Однако после разгрома германских войск под Москвой и Сталинградом шансов на осуществление этих агрессивных планов оставалось все меньше. В обстановке поражений гитлеровской Германии на германосоветском фронте, затягивания войны на юге и продолжения военных действий в Китае японские правящие круги уже в 1942 г. стали склоняться к мысли о том, что «до окончания войны против США и Великобритании выступление на севере опасно»³⁵. Разведуправление генерального штаба было вынуждено признать, что «момент созревания «спелой хурмы» уже прошел»³⁶.

Полный крах германского плана «молниеносной войны» убеждал правящие круги Японии в том, что японский план «Кантокуэн» в случае попытки его осуществления постигнет та же участь. Видя, что вопреки ожиданиям предстоит длительная война, они решили отложить срок «разрешения северной проблемы» на более отдаленный период, когда перспективы второй мировой войны окончательно определятся. 24 апреля 1942 г. генеральным штабом был подготовлен документ «Основной курс разрешения северной проблемы». В нем говорилось: «Сохраняя высокую бдительность и готовясь к созданию обстановки, позволяющей ответить на изменение положения в любой момент, ускорить подготовку к операциям для самостоятельного разрешения проблемы на севере в 1944 году»³⁷.

Последние надежды на успех в войне стран-участниц Тройственного пакта в Токио связывали с генеральным наступлением германских войск летом 1943 г. В это время японский генералитет еще не исключал возможности оказания Японией помощи Германии. Начальник генштаба армии Сугияма в докладе императору заявил: «Положение Германии может резко

изменить к лучшему нападение Японии на СССР»³⁸.

Курская битва, результаты которой продемонстрировали военное, экономическое и политическое превосходство Советского Союза, его народа и армии над фашистской Германией и ее союзниками, завершила коренной перелом в ходе второй мировой войны. Победа Советских Вооруженных Сил в Курской битве была одним из величайших событий войны. Она решительно изменила соотношение сил в пользу Советского Союза.

Японские правящие круги после этого вынуждены были окончательно признать, что их агрессивным планам сокрушения Советского Союза не суждено осуществиться. Генеральный штаб Японии впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом.

Активное сотрудничество с фашистской Германией

Откладывая в силу указанных выше причин подготовленное прямое вооруженное выступление против Советского Союза, милитаристская Япония делала все возможное, чтобы способствовать агрессии гитлеровской Германии.

В своем отношении к Великой Отечественной войне японские правящие круги неизменно исходили из положений Тройственного пакта. 11 декабря 1941 г. между Японией, Германией и Италией было подписано соглашение о совместном ведении войны. В нем предусматривалось, что страны будут вести войну «всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, до полной победы». При этом имелось в виду достижение «полной победы» как над США и Великобританией, так и над Советским Союзом. В соглашении подчеркивалось также, что стороны будут сотрудничать «в деле установления нового порядка в духе Тройственного пакта, подписанного 27 сентября 1940 года».

Земли, на которых замышлялось установить «новый порядок», включали практически всю территорию Советского Союза. Рассчитывая на совместную победу над Советским Союзом, германские, итальянские и японские империалисты в договорном порядке «раз-

делили» между собой территорию СССР, заключив 18 января 1942 г. специальное соглашение на этот счет. В преамбуле этого совершенно секретного документа говорилось: «В духе Тройственного пакта от 27 сентября 1940 г. и в связи с соглашением от 11 декабря 1941 г. вооруженные силы Германии и Италии, а также армия и флот Японии заключают военное соглашение для обеспечения сотрудничества в операциях и сокрушения как можно быстрее военной мощи противника».

В соответствии с соглашением зоной военных действий вооруженных сил Японии объявлялась часть Азиатского континента восточнее 70° восточной долготы, т. е. захвату японской армией подлежали обширные районы Западной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. По существу это было подтверждением ранее согласованного расчленения территории Советского Союза на «германскую» и «японскую» зоны оккупации с прохождением линии раздела по меридиану Омска. В соглашении закреплялась договоренность осуществлять «взаимные контакты для согласования важных вопросов планирования операций»³⁹.

Сосредоточив у советских границ миллионную Квантунскую армию, японские правящие круги вынуждали Советское правительство и командование даже в самые тяжелые периоды вооруженной борьбы с гитлеровскими захватчиками держать на Дальнем Востоке и в Сибири крупные силы и средства. Тем самым оказывалась серьезная помощь германской армии. Этот факт не могут отрицать японские официальные историографы. Они пишут: «В основе отношений между Японией и Германией лежала общая цель — сокрушить Советский Союз... В военном министерстве считали, что Япония должна способствовать военным успехам германской армии... Под верностью Тройственному пакту понималось стремление не уступать Англии и США, обуздать их силы в Восточной Азии, сковать Советскую Армию на Дальнем Востоке и, воспользовавшись удобным моментом, разгромить ее»⁴⁰.

В готовности к отражению японского нападения, которое могло начаться в любой момент, из 5 493 тыс. человек общего состава Вооруженных Сил Советского Союза на Дальнем Востоке и у южных границ находилось 1 568 тыс., или свыше 28 %. Из 4495 танков, имевшихся на вооружении Советской Армии в то время,

на Дальнем Востоке и у южных границ СССР находился 2541 танк, из 5274 самолетов там же оставался 2951 самолет⁴¹. Угроза войны со стороны милитаристской Японии вынуждала Советское правительство держать на Дальнем Востоке и в Сибири войска, которые были крайне необходимы на советско-германском фронте.

Проводимая в военные годы антисоветская политика и стратегия милитаристской Японии вели к затягиванию Великой Отечественной и второй мировой войны в целом, увеличению жертв советского и других народов. Свидетельством того, что эта политика и стратегия расценивались гитлеровской Германией как важный военный вклад в антисоветскую войну, является содержание одной из телеграмм германского посла в Токио Отта Риббентропу. «Я имею удовольствие заявить,— писал Отт,— что Япония готовится ко всякого рода случайностям в отношении СССР для того, чтобы объединить свои силы с Германией... Я думаю, что вряд ли есть необходимость добавлять, что японское правительство всегда имеет в виду расширение военных приготовлений, наряду с другими мероприятиями, для осуществления этой цели, а также для того, чтобы связать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в войне с Германией...»⁴²

Задача сковывания Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке выполнялась Японией на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. В телеграмме японского министерства иностранных дел от 30 ноября 1941 г. послу Осима предписывалось заверить гитлеровское руководство в том, что, «двигаясь на юг, Япония вовсе не имеет в виду ослабление давления на Советский Союз»⁴³.

Гитлеровское руководство высоко оценивало косвенное участие Японии в войне против СССР, признавало важность оказываемой помощи. Министр иностранных дел Германии Риббентроп в телеграмме японскому правительству от 15 мая 1942 г., подчеркивая эффективность японской политики сковывания советских войск на Дальнем Востоке, отмечал, что «Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского столкновения»⁴⁴.

Заверяя Советское правительство в стремлении «поддерживать спокойствие в японо-советских отноше-

ниях», японское милитаристское руководство в действительности сознательно нагнетало напряженность на дальневосточных рубежах СССР. В годы войны вооруженные вылазки японской военщины, несмотря на наличие пакта о нейтралитете, не только не сократились, а, наоборот, их число возросло. В общей сложности части и соединения Квантунской армии во время войны 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторгались в воздушное пространство Советского Союза. Советская территория нередко подвергалась обстрелу, совершались другие враждебные акты.

Враждебные акты Японии по отношению к СССР в 1942—1943 гг.⁴⁵

	1942 г.	1943 г.
Нарушение границы японскими военнослужащими (подразделениями, группами и в одиночку)	229	414
Нарушение территориальных вод СССР японскими судами	64	123
Задержание советских судов	36	39
Нарушение границы СССР японскими самолетами	82	119
Заброска шпионов на территорию СССР (всего задержано)	222	140
Переброска банд на территорию СССР	—	2
Обстрелы территории СССР, граждан, пограничников, судов	24	24

Это были целенаправленные провокационные действия. Свидетельством того является данное японским генеральным штабом летом 1941 г. обещание германскому командованию «проводить подрывную деятельность на Дальнем Востоке против Советского Союза, особенно со стороны Монголии и со стороны Маньчжоу-го, в первую очередь в районе, прилегающем к озеру Байкал»⁴⁶. Обязательство о сотрудничестве в проведении подрывной деятельности военного характера было закреплено в военном соглашении Японии, Германии и Италии от 18 января 1942 г.⁴⁷ Это было подтверждено японским послом в Берлине Осима, который показал на Токийском процессе, что между генеральными штабами этих стран существовало соглашение о таком сотрудничестве. Осима признал также,

что во время пребывания в Берлине он систематически обсуждал с Гиммлером мероприятия по проведению тайной подрывной деятельности против Советского государства и его руководителей⁴⁸.

Соглашением предусматривалось и «сотрудничество в сборе и оценке важной для проведения операций информации». Японский дипломатический аппарат в СССР всемерно использовался для добывания секретных сведений о военно-промышленном потенциале и Вооруженных Силах Советского Союза. Эти данные регулярно поступали из Токио в Берлин. В одной из телеграмм Риббентроп благодарил японское правительство за ценную информацию и высказывал желание систематически «получать таким образом еще больше сведений из России»⁴⁹.

Японская военная разведка активно добывала шпионские сведения для германской армии. Это было подтверждено на Токийском процессе генерал-майором Мацумура, который с октября 1941 по август 1943 г. был начальником русского отдела разведуправления японского генерального штаба. В своих показаниях он заявил: «Мною... систематически передавались... для полковника Кречмера (военный атташе германского посольства в Токио) сведения о силах Красной Армии, о дислокации ее частей на Дальнем Востоке, о военном потенциале СССР. Для Кречмера мною передавались сведения об уходе советских дивизий с Дальнего Востока на запад, о передвижении соединений Советской Армии внутри страны, о развертывании эвакуированной советской военной промышленности. Все эти сведения составлялись на основании донесений, поступавших в японский генеральный штаб от японского военного атташе в Москве и из других источников»⁵⁰.

В мае 1945 г. в Берлине был задержан сотрудник японского посольства Нохара, у которого оказались документы, содержавшие секретные сведения о численности и дислокации частей Советской Армии, а также данные о состоянии военной промышленности СССР. В своих показаниях Нохара сообщил, что такого рода сведения в течение 1941—1945 гг. регулярно поступали в германское министерство иностранных дел от японских послов в Москве Татэкава и Сато⁵¹. После войны представители германской армии также признавали, что поступавшие из Японии данные широко исполь-

зовались ими в военных операциях против Советского Союза.

Явным нарушением пакта о нейтралитете с СССР были многочисленные случаи нападения японских вооруженных сил на советские торговые суда, причем не только в прилегающих к Японии водах, но и в нейтральных портах и даже в территориальных водах СССР. Это являлось согласованными с гитлеровским командованием военными акциями японских милитаристов. В одном из пунктов военного соглашения Германии, Японии и Италии закреплялась договоренность о «совместном планировании войны на море против кораблей противника». В этих целях предусматривалось взаимодействие путем предоставления военно-морских баз, взаимного обеспечения военных кораблей договаривающихся государств материальными средствами, продовольствием, выделения мест отдыха для команд, доков для ремонта кораблей и т. д.⁵²

Военно-морские базы Японии использовались действовавшими против советского флота германскими рейдерами, которые с началом войны находились в прилегающих к Японскому морю водах. По данным командования Военно-Морского Флота СССР, в японских водах и портах находилось 15 немецких, 9 итальянских и один финский корабль, которые могли быть использованы в качестве рейдеров⁵³.

По существу Япония вела на море против СССР необъявленную войну. Еще 6 декабря 1941 г. министерство иностранных дел Японии дало указание послу в Берлине сообщить об этом гитлеровскому правительству. В телеграмме говорилось: «Объясните, что в случае возникновения войны с Соединенными Штатами мы будем захватывать все американские суда, предназначенные для Советской России. Если Риббентроп будет настаивать (на вступлении Японии в войну против СССР.— А. К.), сделайте заявление о том, что Япония не допустит транспортировки военных материалов из США в СССР через японские воды...»⁵⁴ Впоследствии японское правительство докладывало германскому министерству иностранных дел о каждой враждебной акции Японии в отношении СССР на море.

С целью осложнить морские перевозки необходимого для советского населения продовольствия и сырья для промышленности правительство Японии закрыло Сангарский пролив, что вынудило советские торговые

суда пользоваться более опасными морскими путями. Японский императорский флот блокировал Владивосток и другие советские порты на Дальнем Востоке. «Чинимые советскому судоходству препятствия были совершенно сознательными и запланированными действиями в целях осложнить положение Советского Союза в войне с Германией... Это было не чем иным, как прямыми агрессивными действиями против СССР»⁵⁵, — указывают японские источники.

Незаконное задержание советских судов, их потопление, захват и содержание под арестом команд, несмотря на неоднократные протесты Советского правительства, продолжались до конца войны. Это было грубым нарушением не только пакта о нейтралитете и Портсмутского договора 1905 г., но и общепризнанных норм международного права. Подводными лодками Японии были потоплены такие крупные советские суда, как «Ангарстрой», «Кола», «Ильмень», «Перекоп», «Майкоп» и др.

Приведем лишь некоторые факты.

14 декабря 1941 г. советские пароходы «Кречет», «Свирьстрой», «Сергей Лазо», «Симферополь», находясь в Гонконге на ремонте, подверглись японскому вооруженному нападению. Эти суда имели советские опознавательные знаки, на них были Государственные флаги СССР. В результате обстрела судов с берега «Кречет» был затоплен, а другие получили серьезные повреждения. Захватив советские суда, японцы вывесили на них японские флаги.

17—18 декабря 1941 г. японским военным самолетом был потоплен пароход «Перекоп». Это было невооруженное судно с лесом на борту. Нападение было совершено ясным днем. Команда, захваченная японскими военными служащими, задерживалась в течение полутора лет.

17 апреля 1942 г. советский пароход «Киров» был задержан японской подводной лодкой и насильно приведен в Токийский залив. На пароходе было продовольствие.

29 апреля 1943 г. был задержан и приведен в японский порт Оминато пароход «Ингуль». Команде не позволяли вернуться на родину в течение двух месяцев.

20 июля 1943 г. у мыса Соя был захвачен советский пароход «Двина», который задерживался в

Японии 35 дней. Команда была подвергнута различного рода издевательствам и физическому насилию.

Всего за период с июня 1941 по 1945 г. японский военно-морской флот задержал 178 и потопил 18 торговых советских судов, нанеся убытки советскому судоходству на сумму 637 млн руб.⁵⁶ Вызывают лишь удивление утверждения некоторых японских авторов о том, что эти суда были потоплены... самолетами ВВС США⁵⁷.

В то же время на протяжении всей войны Япония регулярно снабжала Германию крайне дефицитными стратегическими материалами из захваченных на юге районов. В Германию до последних дней войны поступали на японских кораблях и подводных лодках вольфрам, натуральный каучук, цветные металлы. 20 января 1943 г. между Японией, Германией и Италией было подписано дополнительное соглашение об экономическом сотрудничестве и торговле, в котором стороны обязались оказывать друг другу помощь «всеми имеющимися экономическими мерами». Предусматривались обмен товарами, промышленным оборудованием, а также финансовая взаимопомощь⁵⁸. На основе существовавших соглашений в Токио, Берлине и Риме во время войны работали военные и экономические комиссии.

После капитуляции фашистской Италии 30 сентября 1943 г. японо-германские связи еще более упрочились. Участники императорского совещания заявили: «Империя должна еще сильнее укрепить блок с Германией и энергично двигаться вперед к завершению совместной войны»⁵⁹. 15 ноября 1943 г. в Токио состоялась конференция представителей Японии и Германии, на которой были приняты решения о координации стратегических планов. В апреле 1944 г. в Токио проходили заседания японо-германской смешанной комиссии, где обсуждались вопросы укрепления военного союза с Германией.

Сменивший на посту премьера Тодзио генерал Коисо заявил 23 июля 1944 г., что «Япония будет продолжать укреплять свои связи с Германией для достижения общих военных целей». В январе 1945 г. министр иностранных дел Японии Сигэмицу в выступлении на сессии парламента подчеркнул, что «японское правительство намерено вести войну вместе со своими союзниками до конца и любой ценой»⁶⁰.

Подготовка к бактериологической и химической войне против СССР

В агрессивной войне против Советского Союза японские милитаристы замыслили широкое применение средств массового уничтожения — бактериологического и химического оружия. При этом они сознательно шли на грубое нарушение Женевского протокола от 17 июня 1925 г. «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств». Один из идеологов бактериологической войны, генерал-лейтенант медицинской службы Исии, заявлял: «Лица, пораженные стрелковым или артиллерийским оружием или подвергшиеся авиационной бомбардировке, после соответствующего лечения могут вернуться в строй. Что касается бактериологического оружия, то оно передается заразу от человека к человеку, проникает с пищей и водой в организм человека, дает значительно больший эффект, чем стрелковое, артиллерийское или авиационное оружие, выводит из строя массу людей, не поддается лечению и гарантирует, что объект нападения больше в строй не вернется»⁶¹.

Японскую военщину не ошанзивляло, что в результате применения преступного бактериологического оружия на смерть обрекались миллионы людей не только среди населения воюющих стран, но и среди населения нейтральных государств.

Центры разработки и испытания бактериологического оружия были созданы в 1936 г. по указу императора Японии. Они были размещены на территории оккупированной Маньчжурии, в приближенных к границам Советского Союза районах. Как заявляли японские генералы, из этих районов в войне против СССР использовать бактериологические средства будет «легче и удобнее». Бывший командующий Квантунской армией генерал Ямада признавал: «...отряд № 731 был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая»⁶².

Секретные лаборатории были замаскированы под названиями «управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «иппоэпизоотическое управление Квантунской армии». Впослед-

ствии эти военные формирования получили шифрованные наименования «отряд № 731» и «отряд № 100», которые возглавили соответственно генерал-лейтенант медицинской службы Исии и генерал-майор ветеринарной службы Вакамацу. Обе крупные части, насчитывавшие три тысячи человек, были приданы Квантунской армии.

В «отрядах» в огромных количествах выращивались возбудители чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, брюшного тифа и других болезней. О масштабах деятельности японской фабрики смерти говорит лишь один факт: здесь были подготовлены производственные мощности для изготовления в течение одного месяца до 300 кг бактерий чумы⁶³. В «отряде № 731» и его филиалах в массовых масштабах выращивались блохи для последующего заражения их бактериями. Количество предназначенных для использования в качестве бактериологического оружия блох исчислялось десятками миллионов и измерялось килограммами. Генерал Ямада признавал, что один только «отряд № 731» «в необходимых случаях мог бы обеспечить своим оружием японскую армию для ведения бактериологической войны»⁶⁴. В этом отряде в течение одного «производственного» цикла вырабатывались миллионы миллиардов микробов.

Для разработки наиболее смертоносных средств бактериологической войны в отрядах «№ 731 и № 100» систематически проводились чудовищные по своей жестокости эксперименты над живыми людьми, которых называли «бревнами». С конца 1937 и до лета 1945 г. в лабораториях генерала Исии были умерщвлены более 4 тыс. человек, в том числе русских людей⁶⁵.

Бактериологическое оружие применялось против СССР и МНР во время спровоцированной японской военщиной необъявленной войны на Халхин-Голе. В ходе военных действий японскими войсками использовались как боевые средства бактерии брюшного тифа, паратифа, дизентерии путем заражения реки Халхин-Гол⁶⁶.

В 1939—1940 гг. по специальному секретному указу императора «отряд № 731» был реорганизован и расширен. На стратегических направлениях, выводящих к границе СССР, создавались четыре филиала в городах Хайларе, Сунью, станциях Хайлин и Линькоу. Ос-

новная задача филиалов состояла в подготовке к широкому применению бактериологического оружия. С мая 1940 г. Квантунская армия приступила к применению бактериологического оружия против китайских войск и мирного населения Китая. Существуют данные о том, что в 1941—1942 гг. в результате бактериологических атак в Китае неоднократно возникали эпидемии чумы. Их жертвами стали сотни людей.

Подготовка к ведению бактериологической войны еще больше усилилась после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Как свидетельствуют «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия», «в 1941 г., после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР, японские милитаристы, выжидая удобный момент для вступления в войну против Советского Союза, деятельно форсировали развертывание и подготовку в Маньчжурии бактериологических отрядов и их филиалов, созданных для ведения бактериологической войны»⁶⁷.

В соответствии с планом «Кантокуэн» была организована специальная подготовка кадров офицеров и унтер-офицеров по освоению и применению бактериологического оружия. Бывший начальник ветеринарной службы Квантунской армии генерал-лейтенант Такахаши показал на судебном процессе: «После выхода в свет оперативного плана «Кан-Току Эн» при штабе каждой армии, находившейся в Маньчжурии, были созданы «эпизоотические» отряды. Начальниками этих отрядов были врачи специалисты бактериологи, направленные из отряда № 100... Инициатором создания таких отрядов являлось первое оперативное управление генерального штаба японской армии... Задачами эпизоотических отрядов являлись подготовка и ведение бактериологической войны и диверсий против Советского Союза...»⁶⁸

Генерал Исии разъяснял сотрудникам «отряда № 731», что «мероприятия по расширению производства бактериологического оружия необходимы в связи с изменившейся международной обстановкой, т. е. началом войны Германии против Советского Союза и введением в Квантунской армии плана «Кан-Току Эн»»⁶⁹.

Летом 1941 г. начальник генерального штаба направил в Квантунскую армию приказ, который требовал форсировать работы по исследованию бакте-

рий чумы как основного средства бактериологической войны. В приказе особо отмечалась необходимость массового выращивания блох — переносчиков чумных болезней. Один из командиров «отряда № 731», Ниси, следующим образом характеризовал готовность Японии к бактериологической войне против СССР: «К моменту нападения Германии в 1941 году на Советский Союз и сосредоточения Квантунской армии в Маньчжурии на границе Советского Союза, в отряде № 731 научно-исследовательские работы по созданию эффективных средств бактериологического нападения были в основном решены и дальнейшая деятельность отряда шла по линии усовершенствования процесса массового производства бактерий и способов их распространения. Было установлено, что наиболее эффективным средством нападения являются бактерии чумы»⁷⁰. Были утверждены и приняты на вооружение три основных метода применения бактериологического оружия, а именно распыление бактерий с самолетов, сбрасывание бактериологических бомб и метод диверсий. С началом войны предусматривалось распространять на фронте и в тылу противника в больших количествах смертоносные бактерии чумы, холеры, тифа, сапа, сибирской язвы и других заболеваний, заражая населенные пункты, водоемы, колодцы, посевы и скот. Применение бактериологического оружия намечалось на основных стратегических направлениях, соответствующих направлениям главных ударов, намеченных японским планом войны против СССР⁷¹.

Токийским судебным процессом было установлено, что в 1942 г. отрядами «№ 731 и № 100» активно велась специальная разведка пограничных районов Советского Союза с целью подготовки к бактериологической войне. В годы войны в диверсионных целях на границе с СССР заражались пограничные водоемы в районе Трехречья. На специальном полигоне на станции Аньда проходили «маневры бактериологической войны», в ходе которых использовались специальные аппараты и самолеты. В этих маневрах принимали участие представители штаба Квантунской армии.

Летом 1942 г. на встрече с корреспондентами ведущих японских газет заместитель начальника харбинского отделения спецслужбы полковник Асаока заявлял: «Стратегия Квантунской армии в отношении СССР не изменилась ни на йоту... У меня нет ни малейшего

намерения говорить абстрактно... Квантунская армия имеет реальную гарантию того, что война против СССР закончится успешно. Мы уже давно занимаемся разработкой нового оружия с целью применения его в военных действиях против СССР, и вот в последнее время, наконец, производство его налажено и в количественном отношении. Так что мы можем быть вполне удовлетворены... Теперь остается совершенствовать качество, но это вопрос времени»⁷².

В ожидании приказа о начале нападения на Советский Союз были размножены географические карты советских дальневосточных городов с указанием населенных пунктов, водоемов и других объектов бактериологического нападения. Бактериологическое оружие планировалось применять в первую очередь в районе Хабаровска, Благовещенска, Уссурийска, Читы⁷³. Летом 1942 г. в целях отработки методов ведения бактериологической войны против Советского Союза многократно заражались пограничные с Советским Союзом реки, в частности река Аргунь. «Фактически это была необъявленная бактериологическая война против СССР, которая велась под видом эксперимента,— пишет японский публицист Моримура.— Подобного рода эксперименты — и более крупные, и более мелкие по масштабу — проводились «отрядом № 100» постоянно»⁷⁴.

Приготовления к бактериологической войне еще более активизировались в 1944 г., когда японские милитаристы рассчитывали с помощью этого преступного оружия добиться «перелома в войне в пользу Японии». В Квантунскую армию из японского генерального штаба были направлены дополнительные указания о форсировании подготовки к бактериологическому нападению. Понимая, что применением обычных средств ведения войны одержать верх над Красной Армией будет трудно, японские стратеги намеревались пустить в ход бактериологическое оружие. Штабом Квантунской армии была поставлена задача: «Если в начале военных действий против СССР японской армии в силу сложившейся обстановки необходимо будет отступить в район Большого Хингана, то на оставляемой территории все реки, водоемы, колодцы должны быть заражены бактериями или сильнодействующими ядами, все посевы уничтожены, скот истреблен»⁷⁵.

В мае 1945 г. генерал Исии отдал распоряжение подчиненному командному составу, в котором говорилось:

«Война между Японией и СССР неизбежна... Отряд должен мобилизовать все силы и в короткий срок увеличить производство бактерий, блох и крыс». Ставилась задача ожидать день начала бактериологической войны — «день X»⁷⁶. Это распоряжение было выполнено. По признанию бывшего служащего отряда, в конце войны «готовых к употреблению» бактерий в «отряде № 731» хранилось столько, что, «если бы они при идеальных условиях были рассеяны по земному шару, этого хватило бы, чтобы уничтожить все человечество»⁷⁷. Против СССР планировалось применить миллиард зараженных чумой блох. «Если бы одновременно применить этих блох против советских войск,— свидетельствовал он,— а также обрушить их на города — последствия были бы весьма значительные. Это мы все понимали»⁷⁸.

Японская армия имела на вооружении различные виды химического оружия, которое разрабатывалось в военных научно-исследовательских институтах. Методы применения этих видов запрещенного оружия разрабатывались в «отряде № 516 химического управления Квантунской армии». В распоряжении японской армии имелись следующие ядовитые газы: «желтый» № 1 (иприт), «желтый» № 2 (люизит), «чай» (цианистый водород), «синий» (фосгеноксин), «красный» (дифенилцианарсин). Обнаруженные в последнее время документы японской армии свидетельствуют о том, что химическое оружие широко применялось в войне в Китае. Известно о 375 случаях использования этого оружия. Наиболее массированно оно было применено летом 1938 г. во время одной из самых крупных операций японской армии в районе китайского города Ухань. Целью операции было завершение войны в Китае и сосредоточение внимания на подготовке к нападению на СССР. В ходе этой операции было использовано 40 тыс. канистр и боеприпасов с газом дифенилцианарсин, что привело к гибели большого числа людей⁷⁹.

В японской армии были созданы многочисленные склады химического оружия, велась подготовка военнослужащих к его массовому применению по специально разработанным уставам и наставлениям. Химическое оружие планировалось использовать в ходе войны против Советского Союза.

Планы ведения бактериологической и химической войны сохранялись в японской армии вплоть до ее капи-

туляции. Эти человеконенавистнические замыслы были сорваны в результате вступления в войну против Японии Советского Союза, который избавил народы от ужасов бактериологического уничтожения. Генерал Ямада признал на судебном процессе: «Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение Советской Армии в глубь Маньчжурии лишило нас возможности применять бактериологическое оружие против СССР и других стран»⁸⁰.

Замыслы применения против Советского Союза бактериологического и химического оружия свидетельствуют о том, что милитаристская Япония, так же как и гитлеровская Германия, стремилась вести против СССР тотальную войну с целью массового уничтожения советских людей.

ГЛАВА VI Участие Советского Союза в войне с Японией

«Мирная» дипломатия Японии

Предпринимавшиеся японским правительством в годы войны действия грубо нарушали условия японо-советского пакта о нейтралитете 1941 г., свидетельствовали о том, что Япония не считала себя связанной предусмотренными пактом обязательствами. Советское правительство имело все основания отказаться от пакта как фактически потерявшего силу.

Японское руководство не могло не учитывать, что после победы над гитлеровской Германией Советский Союз вправе прийти на помощь союзникам по антифашистской коалиции и в целях скорейшего завершения войны выступить против Японии. В этом случае у Японии не оставалось другого выхода, кроме безоговорочной капитуляции.

Стремясь во что бы то ни стало избежать такого развития событий, японское правительство прибегло к активной дипломатии в отношении Советского Союза, с тем чтобы не допустить его участия в войне. Дипломатическое маневрирование осуществлялось по двум направлениям. Одним из них был зондаж с целью выяснения позиции Советского Союза по поводу какого-либо нового соглашения взамен нарушенного Японией пакта о нейтралитете. С другой стороны, японское руководство осуществляло план привлечения Советского Союза в качестве посредника для завершения войны на Тихом океане на выгодных Японии условиях.

Ухудшение в 1944 г. военной обстановки на Тихом океане, перспектива разгрома Германии побуждали японское руководство искать выход из создавшегося опасного положения. Попытки Японии достичь договоренности о заключении компромиссного мира с США и Китаем не увенчались успехом, после чего на первый план выдвинулась идея привлечь к переговорам об окончании войны Советский Союз. По мнению японского правительства, сам факт участия СССР в таких

переговорах исключал бы его вступление в войну против Японии. Министр иностранных дел Сигэмицу рекомендовал правительству «в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира... не теряя времени, предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз»¹.

Однако в Токио понимали, что проводившаяся Японией на протяжении всей войны враждебная антисоветская политика едва ли позволит ей использовать СССР для достижения почетного мира. Поэтому японская дипломатия пыталась создать видимость якобы искреннего желания Токио «открыть новую страницу» в советско-японских отношениях. С этой целью в сентябре 1944 г. Сигэмицу разработал «проект предварительного плана для советско-японских переговоров». Главной целью переговоров было добиться подтверждения Советским Союзом обязательств, предусмотренных пактом о нейтралитете. Такое подтверждение предполагалось оформить либо продлением срока действия пакта, либо заключением нового соглашения, желательно о ненападении.

Готовясь к переговорам в Москве, японский МИД составил перечень уступок, на которые могла пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета. Японская дипломатия пыталась применить к СССР принципы империалистического торга, успешно применявшиеся ею во взаимоотношениях с западными державами в период проведения ими политики «дальневосточного Мюнхена». Япония была готова пойти на следующие уступки Советскому Союзу:

«1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару.

2. Заключение между Японией, Маньчжоу-го и Советским Союзом соглашения о торговле.

3. Расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания».

4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.

5. Использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги.

6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.

7. Отказ Японии от договора о рыболовстве.

8. Уступка Южного Сахалина.

9. Уступка Курильских островов.

10. Отмена «антикоминтерновского пакта».

11. Отмена Тройственного пакта»².

Согласие на те или иные уступки предусматривалось в зависимости от хода советско-японских переговоров. Так, отказ от Южного Сахалина и Курильских островов допускался лишь в крайнем случае, а именно «при резком ухудшении советско-японских отношений и возникновении опасности вступления Советского Союза в войну против Японии»³. Поскольку перспективу участия СССР в войне в Токио связывали с неминуемым поражением Японии, для предотвращения этого японским МИДом предлагалось принять «все требования Советского Союза»⁴. Хотя часть японского руководства сочла эти уступки, особенно территориальные, чрезмерными, в действительности речь шла о том, чтобы «откупиться» от СССР его же землями, которые были ранее отторгнуты Японией от России.

С февраля 1945 г. японское правительство неоднократно предпринимало дипломатические шаги, с тем чтобы как можно скорее втянуть СССР в отдельные переговоры о достижении перемирия между Японией, с одной стороны, и США и Великобританией — с другой.

Это был коварный план, преследовавший цель посорить Советский Союз с Соединенными Штатами и Великобританией, нарушить их союз. По замыслам японского правительства, сам факт советско-японских дипломатических контактов по вопросу о «перемирии» мог быть истолкован западными державами как односторонняя закулисная деятельность Советского Союза для сговора с Японией за спиной США и Великобритании. В принятом 20 апреля 1945 г. Высшим советом по руководству войной * документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Англию и СССР и подорвать решимость США и Англии вести войну»⁵.

В действительности японские милитаристы не желали перемирия и окончания войны. «Нейтрализовав»

* Высший совет по руководству войной был создан в августе 1944 г. В его состав входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и военно-морской министры, начальники генеральных штабов армии и флота, а также заместители начальников генеральных штабов.

СССР, они намеревались сосредоточить все силы для борьбы с США и Великобританией «до победного конца». 23 апреля новый министр иностранных дел Японии Того заявил представителям ставки: «Если Японии удастся одержать победу на Окинаве, Советский Союз убедится, что у нас все еще имеются значительные резервы. Поэтому, воспользовавшись подобной ситуацией, можно будет построить фундамент для деятельности нашей дипломатии»⁶.

Советское правительство, разгадав замыслы японского руководства, решительно отказалось от каких-либо переговоров с правительством Японии и своевременно информировало руководителей союзных держав о подозрительных маневрах японских дипломатов. Переговоры с японским правительством были исключены и потому, что к весне 1945 г. Советский Союз принял обязательство о вступлении в войну с Японией. Как известно, вопрос об участии СССР в войне против милитаристской Японии был решен на Ялтинской конференции трех великих держав — СССР, США и Великобритании, которая проходила с участием И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля с 4 по 11 февраля 1945 г. Наряду с другими важными вопросами, как-то: завершение войны против фашистской Германии, послевоенное устройство Европы и учреждение Организации Объединенных Наций, на конференции были определены сроки вступления Советского Союза в войну с Японией. Руководители союзных держав договорились, что Советский Союз вступит в войну через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе.

Верный данным обязательствам, СССР вскоре начал осуществлять переброску своих вооруженных сил на Дальний Восток. Это не осталось незамеченным японским руководством, которое получало информацию о передислокации советских войск по разведывательным каналам. В середине апреля сотрудники военного аппарата японского посольства в Москве докладывали в Токио: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца»⁷. Об этом же сообщал и штаб Квантунской армии.

Хотя по понятным причинам решения Ялтинской

конференции не были обнародованы, готовясь к войне с Японией, Советский Союз действовал в строгом соответствии с нормами международного права. 5 апреля 1945 г. Советское правительство официально заявило о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В заявлении указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным...

В соответствии со статьей 3 упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года»⁸.

Денонсировав пакт о нейтралитете, Советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне против Японии с целью скорейшего завершения второй мировой войны. Это было серьезное предупреждение японским милитаристам. Оно давало возможность правительству Японии осознать бесполезность сопротивления и принять решение о капитуляции. В таком случае Советский Союз мог воздержаться от вступления в войну.

Однако японское руководство не пожелало считаться с реальностью и продолжало войну, принося на ее алтарь все новые жертвы. Вопреки принципиальной позиции Советского Союза, стремившегося к завершению войны в возможно короткие сроки, японские правящие круги полагали возможным «выторговать» у СССР его невмешательство. 20 апреля японский министр иностранных дел Того высказал послу СССР в Японии Я. А. Малику пожелание о встрече с В. М. Молотовым. Того все еще пытался «заинтересовать» Советское правительство «набором уступок», который составил его предшественник на посту министра иностранных дел.

Попытки «договориться» с Советским Союзом еще

более активизировались после капитуляции фашистской Германии, когда Япония осталась одна перед коалицией союзных держав. В то же время японское командование, потерпев поражение на Окинаве, начало спешно готовиться к «сражению за метрополию». А для этого необходимо было сохранить Квантунскую армию, которую при резком осложнении положения планировалось перебросить на территорию собственно Японии⁹. Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, командование сухопутной армии и генеральный штаб Японии требовали от правительства сделать все возможное, чтобы разрешить все связанные с Советским Союзом вопросы дипломатическими средствами. С такой же просьбой обращалось к правительству и командование флота.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала советско-японских переговоров. Для этого считалось необходимым демонстрировать Советскому Союзу «позитивный характер» политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях¹⁰. Вслед за этим японское руководство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические шаги японского правительства в отношении СССР. Премьер-министр Судзуки и министр иностранных дел Того все еще считали, что не поздно «добиться благожелательного отношения Советского Союза».

В то же время данная 6 июня на очередном заседании Высшего совета оценка реального положения не вселяла оптимизма. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода»¹¹.

Однако у японского правительства оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совещания с нескрываемым удовлетворением отмечали, что

«после окончания войны против Германии сотрудничество между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, ослабевает». Империалистическая логика японских правителей сводилась к тому, что в конце концов советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и США и Великобританией, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача продолжать поиски какой-либо договоренности с Советским Союзом.

Осуществление дипломатических контактов с советскими представителями было возложено на бывшего премьер-министра Х. Хирота, который 3 июня 1945 г. на встрече с послом Я. А. Маликом заявил о желании японского правительства достигнуть с СССР взаимопонимания «для сохранения стабильности на Дальнем Востоке». После того как советский посол отказался вести неофициальные переговоры, Хирота 24 июня вновь посетил советское посольство и передал от имени правительства конкретные предложения, в частности по вопросу о поставках в СССР некоторых стратегических материалов в обмен на экспорт в Японию советской нефти. Он пытался также предложить заключение между Японией и СССР соглашения об «оказании друг другу поддержки в сохранении мира в Восточной Азии» и двустороннего соглашения о ненападении. Одновременно были даны указания японскому послу в Москве Сато обратиться с этими предложениями непосредственно к Советскому правительству¹².

Было очевидно, что «мирная» дипломатия Японии в отношении Советского Союза преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране милитаристский режим и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. В день капитуляции Германии, 9 мая 1945 г., премьер-министр Судзуки заявил, что Япония вместе с союзниками по восточно-азиатскому блоку будет продолжать войну. На заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня этот курс был подтвержден: «Империя должна твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну»¹³. В Токио все еще рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных

условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

В представленных Советскому правительству предложениях вопрос о прекращении военных действий даже не затрагивался. При таких условиях Советское правительство, естественно, не могло согласиться на переговоры, и японские предложения были отклонены.

Не увенчалась успехом и попытка японского правительства направить в июле 1945 г. в Москву в качестве специального эмиссара князя Коноэ. 12 июля заместителю министра иностранных дел СССР С. А. Лозовскому было передано послание императора Хирохито, в котором говорилось о его желании «положить конец войне». Однако при этом в послании вновь был обойден вопрос об условиях завершения войны. Поэтому 18 июля Лозовский информировал японского посла Сато, что «Советское правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу послания императора Японии, а также миссии князя Коноэ...»¹⁴.

26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация. Накануне ее текст был передан по радио и стал известен в Японии. Главы находившихся в состоянии войны с Японией государств (США, Великобритания и Китай) приняли важный документ, в котором предусматривались уничтожение в Японии власти и влияния милитаристов, оккупация японской территории в течение периода, необходимого для ликвидации последствий милитаристской политики, ограничение суверенитета Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку, разоружение японской армии, наказание военных преступников, устранение всех препятствий к возрождению и укреплению в стране демократических тенденций. Декларация разрешала Японии иметь только мирную промышленность. Она призывала японское правительство немедленно провозгласить безоговорочную капитуляцию и предупреждала, что «иначе Японию ждет быстрый и полный разгром»¹⁵.

Хотя Потсдамская декларация была выработана без непосредственного участия СССР, Советское правительство, учитывая ее антимилитаристский, демократический характер, присоединилось к ней. В то же время оно сочло целесообразным официально объявить об этом несколько позже.

Отсутствие подписи Советского Союза под Потсдамской декларацией породило у японского руководства

надежду на возможность продолжения войны, ибо в Японии неизбежность поражения связывали лишь с вступлением в нее СССР. После опубликования декларации и обсуждения ее текста на совещании Высшего совета по руководству войной министр иностранных дел Того телеграфировал 27 июля послу в Москве Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши действия...»¹⁶

В первом пункте Потсдамской декларации было заявлено, что «Японии дается возможность окончить эту войну». Милитаристское руководство Японии не пожелало воспользоваться этой возможностью. 28 июля на пресс-конференции премьер-министр Судзуки заявил по поводу Потсдамской декларации: «Мы игнорируем ее. Мы будем неотступно идти вперед и вести войну до конца»¹⁷. Занятая японским правительством позиция затягивала окончание второй мировой войны, вела к новым жертвам и лишениям народов.

Поскольку быстрое окончание войны было возможно лишь при вступлении в нее Вооруженных Сил Советского Союза, правительство СССР 8 августа объявило Японии войну. В сообщении ТАСС в связи с этим говорилось: «После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение Японского Правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому Правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское Правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское Правительство считает, что... его полити-

ка является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»¹⁸.

Отказ милитаристской Японии от капитуляции и общее развитие событий сделали вступление СССР в войну на Дальнем Востоке неизбежным. Главной целью при этом было стремление как можно скорее добиться окончания второй мировой войны и восстановить всеобщий мир.

Капитуляция Японии

Утром 9 августа японский министр иностранных дел Того заявил премьер-министру Судзуки, что вступление Советского Союза в войну не оставляет для Японии другого выхода, кроме принятия условий Потсдамской декларации. Министр — хранитель императорской печати Кидо доложил императору о необходимости немедленно прекратить войну.

На открывшемся в тот же день экстренном совещании Высшего совета по руководству войной развернулась ожесточенная полемика по вопросу о том, закончить ли войну, приняв Потсдамскую декларацию, или вести ее до конца. Сторонники окончания войны, среди которых был премьер-министр Судзуки, министр иностранных дел Того, министр-хранитель печати Кидо, военно-морской министр Ионаи и некоторые другие члены кабинета, выступили с предложением принять Потсдамскую декларацию с единственной оговоркой о сохранении в Японии после капитуляции императорского государственного строя. Выдвижение этого условия было вызвано опасением того, что поражение в войне может подтолкнуть народные массы к революции. Стремясь избежать этого, политическое руководство страны и окружение императора считали необходимым капитулировать как можно скорее перед американцами и англичанами и не допустить высадки на Японские острова Советской Армии.

О предпочтительности такого развития событий бывший премьер-министр Коноэ информировал императора еще в начале 1945 г. В личном обращении к императору 14 февраля он подчеркивал, что «общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя», а значит, только в результате военного поражения можно избежать ликвидации императорской системы правления. Запугивая императора «серьезной опасностью вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии», он рекомендовал ему скорее завершить войну, предотвратив тем самым «коммунистическую революцию»¹⁹.

В оппозиции сторонникам незамедлительного окончания войны находилось командование императорской армии, которое, страшась ответственности за совершенные преступления, не соглашалось с условиями Потсдамской декларации, прежде всего с требованием о наказании японских военных преступников. Их позиция сводилась к тому, чтобы оговорить капитуляцию Японии четырьмя условиями, а именно сохранение существующего государственного строя, наказание военных преступников самими японцами, самостоятельное разрушение, недопущение оккупации Японии союзниками, а если оккупация неизбежна, то она должна быть непродолжительной, осуществляться небольшими силами, не затрагивая города Токио²⁰.

В случае отказа союзников принять эти условия высшее командование армии готово было продолжать бессмысленное сопротивление, вести войну «до последнего японца». На последовавшем за совещанием Высшего совета заседании кабинета министров 9 августа военный министр Анами и начальник генерального штаба Умэдзу пытались убедить правительство в том, что Япония якобы еще в состоянии дать «решающее сражение». «Условия безоговорочной капитуляции невыносимы,— заявлял Анами.— Конечно, если учитывать такие факторы, как наличие у противника атомной бомбы и вступление СССР в войну, нам трудно надеяться на победу. Но пока великая японская нация продолжает бороться за свое достоинство, у нее есть кое-какие шансы. Нельзя допустить разоружения японской армии. Фактически у нас нет другого выхода, кроме как продолжать войну...»²¹

Противники окончания войны утверждали, что, если

четыре условия не будут выдвинуты, Япония окажется в совершенно безвыходном положении, при котором нельзя гарантировать сохранение государственного строя.

При голосовании предложения министра иностранных дел Того о принятии Потсдамской декларации лишь с одним условием — сохранение в Японии императорской системы правления — военный министр Анами выступил против него. Военно-морской министр, министры юстиции, сельского хозяйства и торговли, вооружения, транспорта и связи, просвещения и министр без портфеля поддержали Анами. Остальные пять членов кабинета воздержались. Поскольку за предложение Того проголосовали лишь шесть из четырнадцати министров, окончательное решение не было принято²².

Понимая, что каждый день, прошедший после вступления в войну Советского Союза, усиливает его право голоса в вопросах, касающихся будущего Японии, сторонники немедленной капитуляции решили прибегнуть к авторитету императора.

В ночь с 9 на 10 августа в бомбоубежище императорского дворца спешно было созвано совещание в присутствии императора, на котором премьер-министр зачитал заранее заготовленный проект заявления: «Японское правительство принимает условия, выдвинутые совместной декларацией трех держав от 26 июля, понимая их в том смысле, что они не содержат требований, затрагивающих суверенитет императора в управлении страной»²³.

Разъясняя необходимость скорейшего опубликования этого заявления, Того говорил: «Еще недавно это предложение было бы неприемлемо, однако при сложившейся на сегодняшний день обстановке кабинет министров пришел к выводу, что принятие его неизбежно...

Учитывая тот факт, что Советский Союз не обратил внимания на предложенные нами условия и вступил в войну, я считаю, что мы не можем сейчас выдвигать слишком много условий.

А именно: если говорить о свободном отводе японских войск, находящихся за границей, то у нас может быть подходящий момент добиться этого при переговорах о прекращении военных действий; трудно согласиться и с требованием о военных преступниках, тем не менее этот вопрос не является для нас абсолютно необходимым условием...

Вопрос же об императорском доме является принципиальным как основа будущего развития нации»²⁴.

Так как в предложенном проекте отвергались требования командования армии о выдвижении дополнительных условий, военный министр и начальник генерального штаба категорически выступили против него. Анами заявил, что по крайней мере, если принимать условия декларации, то необходимо подготовить четыре наших условия. Необходимо выполнить наш долг перед императором, даже если вся наша нация погибнет. Не может быть сомнения в том, что мы должны вести войну до последней возможности и что мы еще имеем достаточно сил воевать. Умэдзу полностью согласился с мнением военного министра. Он говорил, что «проведена подготовка к решающему сражению на территории собственно Японии. Хотя вступление Советского Союза в войну создало для нас невыгодную обстановку, все же не следует отказываться от благоприятного случая для нанесения последнего удара по Соединенным Штатам и Англии. Души наших павших героев не простят нам безоговорочной капитуляции. Как минимум должны быть выдвинуты четыре условия...»²⁵

За продолжение военных действий выступил также начальник морского генерального штаба Тоёда. Однако большинство участников совещания склонялись к принятию предложенного премьер-министром проекта заявления. Решающим явилось мнение императора, который сказал: «Хотя невыносимо тяжело вынуть оружие из рук военных, являющихся нашей опорой, и передать наших подданных в качестве лиц, ответственных за войну... мы, вынеся невыносимое, порешили так во имя спасения народа от катастрофы...»²⁶

Хотя совещание завершилось словами императора о том, что он «принял решение прекратить эту войну»²⁷, командование армии не спешило довести это решение до армии, а также народа. Оно все еще надеялось, прибегнув к ожесточенному сопротивлению, выторговать у союзников ослабление требований Потсдамской декларации, в частности по вопросу о наказании японских военных преступников. Вопреки решению императора 10 августа ставка отдала директиву следующего содержания:

«1. Ставка намерена по-прежнему вести основные военные действия против Соединенных Штатов и одновременно повсеместно развернуть действия с целью по-

следующего разгрома Советского Союза, чтобы сохранить государственный строй и защитить землю императора.

2. Главкомандующему Квантунской армией сосредоточить основные усилия против Советского Союза, разбить противника и защитить Корею»²⁸.

Для выполнения этой директивы был отдан приказ о переброске в Маньчжурию и Корею части сил и военных материалов из состава японских войск в Китае. Одновременно военный министр Анами выступил с воинственным обращением к генералам, офицерам и солдатам армии, призывая бороться до последней капли крови... продолжать решительную «священную войну в защиту нашей святой земли»²⁹.

После императорского совещания японское правительство передало по телеграфу правительствам Швеции и Швейцарии уведомление о согласии Японии принять условия Потсдамской декларации. Одновременно министр иностранных дел Того сообщил об этом советскому послу в Японии Я. А. Малику³⁰. Узнав об этом из радиопередачи из Токио на английском языке, командование японской армии в Китае направило подчиненным ему войскам предупреждение: «Иностранные телеграфные агентства сообщают, что Япония якобы приняла условия Потсдамской декларации. К этим сообщениям следует относиться с недоверием и рассматривать их как политическую диверсию со стороны противника»³¹. Получив 11 августа подтверждение ставки о том, что мирные переговоры действительно начаты, но «японские солдаты должны быть по-прежнему готовы с честью умереть за нашу родину и императора», командующие японскими войсками за рубежом информировали военного министра и начальника генерального штаба о твердом намерении продолжать войну.

Главкомандующий японскими войсками в Китае Окамура телеграфировал 12 августа в Токио: «Тяжело переживать создавшуюся угрозу государственному строю и территории империи. Понимаем, что вступление в войну Советского Союза еще более ухудшило положение. Однако, имея на территории собственно Японии армию до 7 млн человек и экспедиционную армию на материке до 1 млн человек, боевой дух которых по-прежнему высок, готовы к решительному разгрому противника. Именно теперь сухопутная армия стала главной опорой империи. Твердо уверены, что, несмотря на

успешное наступление противника и внутренние трудности внутри страны, вся армия готова с честью погибнуть в бою, но добиться достижения целей войны этой осенью.

Судьба императорской Японии решается в Маньчжурии. Будучи горячо преданным родине, осмеливаюсь доложить свое мнение и надеюсь, что будут приняты твердые решения»³².

Иными словами, признавалось, что именно вступление в войну Советского Союза поставило Японию на грань поражения. Красная Армия лишила японское командование надежд на то, что, «когда начнется решительное сражение на территории собственно Японии, совершенно нетронутые силы сухопутной армии, находящиеся на материке, позволят Японии продержаться в течение длительного времени»³³.

Между тем, выполняя союзнический долг, советские войска продолжали наступление. В течение 9—14 августа 1-й и 2-й Дальневосточные и Забайкальский фронты при участии Монгольской народно-революционной армии и поддержке Тихоокеанского флота и Амурской флотилии прорвали японскую линию обороны, расчленили Квантунскую армию и нанесли ей тяжелые потери, что создало условия для ее разгрома³⁴.

14 августа, несмотря на продолжавшееся сопротивление военного министра и начальников генерального и морского генерального штабов, было объявлено о решении императора Японии прекратить войну. Текст адресованного правительствам США, Великобритании, СССР и Китая извещения императорского правительства гласил:

«1. Его Величество император издал императорский рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской декларации.

2. Его Величество император готов санкционировать и обеспечить подписание его правительством и ставкой необходимых условий для выполнения положений Потсдамской декларации. Его Величество также готов дать от себя приказы всем военным, военно-морским и авиационным властям Японии и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам, где бы они ни находились, прекратить боевые действия и сдать оружие, а также дать такие же другие приказы, которые может потребовать Верховный главнокомандующий

союзных вооруженных сил в целях осуществления вышеуказанных условий»³⁵.

В тот же день японский генеральный штаб направил командующему Квантунской армией приказ с требованием уничтожить знамена, портреты императора, императорские указы и важные секретные документы. Однако приказ прекратить сопротивление не последовало³⁶.

Хотя сторонники продолжения войны во главе с военным министром вынуждены были согласиться с решением императора, офицеры военного министерства готовили заговор с целью помешать осуществлению капитуляции. Они намеревались захватить запись выступления императора по радио с объявлением о капитуляции и призвать армию к продолжению войны. Несмотря на то, что заговорщикам удалось прорваться в императорский дворец, 15 августа путч был подавлен.

Так как сопротивление японских войск продолжалось, Генеральный штаб Советской Армии сделал следующее разъяснение:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии»³⁷.

После получения 18 августа приказа главнокомандующего Квантунской армией генерала Ямада о капитуляции его войска начали складывать оружие. Однако значительная часть армии не прекратила сопротивление, а на ряде участков фронта японские войска даже переходили в контрнаступление. Поэтому Советской Армии приходилось продолжать наступление в глубь Маньчжурии. В то же время японские войска, следуя приказам своих командиров, в должном поряд-

ке проводили капитуляцию перед американской и английской армиями.

Оценивая причины такого положения на советско-японском фронте, японские историки указывают: «Командование Квантунской армии, настроенное исключительно враждебно к Советской Армии, продолжало оказывать отчаянное сопротивление даже после разгрома штабов и дезорганизации системы управления. Разрозненные бои продолжались еще сорок дней после решения о капитуляции. В связи с этим японская армия понесла громадные потери. Так как в Японии не могли разобраться в создавшейся обстановке, то погибших в этих боях рассматривали как пропавших без вести. После войны, когда возник вопрос о репатриации, это послужило материалом для антисоветской пропаганды»³⁸.

Разгром советскими войсками Квантунской армии, которую планировалось использовать для «решающего сражения за метрополию», лишил Японию возможности продолжать войну.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии, одновременно явившегося и завершающим актом второй мировой войны.

Роль СССР в разгроме милитаристской Японии

Вступление СССР в войну против милитаристской Японии явилось справедливым актом, отвечавшим интересам не только Советского Союза, но и народов Азии, всех стремившихся к восстановлению мира людей земли. Причины, которые лежали в основе такого решения Советского правительства, состояли в следующем: обеспечение безопасности дальневосточных рубежей СССР, выполнение союзнических обязательств, взятых на Ялтинской конференции, стремление приблизить окончание второй мировой войны, которая продолжала приносить народам неисчислимые страдания, желание оказать помощь трудящимся Восточной и Юго-Восточной Азии в их освободительной борьбе, восстановление исторических прав Советского Союза на территории, ранее незаконно отторгнутые Японией³⁹.

Принятие Советским Союзом решения о вступлении в войну на Дальнем Востоке являлось высшим прояв-

лением интернационализма социалистического государства и его народа. Вынеся главную тяжесть войны с фашистской Германией и ее союзниками и сыграв решающую роль в победе, СССР заплатил за нее дорогую цену. Понесенные Советским Союзом жертвы были поистине огромны: в годы войны погибло свыше 20 млн советских людей. Огромны были и материальные разрушения. Немецко-фашистские захватчики разрушили и сожгли 1110 городов и более 70 тыс. сел и деревень, лишили крова 25 млн человек. Гитлеровской армией были разрушены 31 850 промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожной колеи и 4100 железнодорожных станций. Причиненный Советскому Союзу фашистской Германией и ее союзниками ущерб достигал колоссальной суммы — 2 569 млрд руб.⁴⁰ Война против Японии означала новые дополнительные жертвы, на которые СССР шел для достижения окончательной победы в Великой Отечественной войне и второй мировой войне в целом.

Народы и правительства стран мира с большим воодушевлением восприняли известие о вступлении Советского Союза в войну на Дальнем Востоке, видя в этом важное условие скорейшего завершения кровопролитной схватки, освобождения населения азиатских стран от японских захватчиков.

8 августа командование войск, руководимых Коммунистической партией Китая, направило Председателю Совета Министров СССР И. В. Сталину телеграмму следующего содержания: «От имени китайского народа мы горячо приветствуем объявление Советским правительством войны Японии.

Стоимиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных японских захватчиков»⁴¹. В телеграмме от 9 августа президент Китайской республики Чан Кайши писал И. В. Сталину: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления.

От имени Правительства, народа и армии Китая имею честь выразить Вам, а также Правительству и героическому народу и армии Советского Союза искреннее и радостное восхищение»⁴².

«Свободу и независимость, которых жаждал корей-

ский народ, — отмечал Ким Ир Сен, — смогла принести ему только армия первого в мире государства победившего социализма. День освобождения Кореи великой Советской Армией — 15 августа 1945 года ознаменовал собой коренной перелом в истории Кореи. Советская Армия не только освободила Корею, но и защитила интересы корейского народа, чтобы плоды освобождения стали действительно его достоянием»⁴³.

Индийская газета «Лидер» писала 10 августа 1945 г.: «Сообщение о том, что Советский Союз решил проводить ту политическую линию, которая соответствует его собственным интересам и интересам угнетенных народов Азии, будет тепло встречено всеми азиатскими народами, которые верят в то, что русский народ свободен от расовых предрассудков. Вступление России в тихоокеанскую войну оправдывает надежду, которую питали зависимые страны Азии»⁴⁴.

Справедливость целей и важность вступления СССР в войну признавали и руководители США и Великобритании. В день объявления войны было сделано специальное заявление английского правительства, в котором, в частности, говорилось: «Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира. Мы приветствуем это великое решение Советской России»⁴⁵.

Влиятельная американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» 10 августа 1945 г. в передовой статье отмечала: «Вряд ли можно сомневаться, что вступление Советского Союза в войну окажется решающим в военном отношении». Без участия Советского Союза война против милитаристской Японии могла затянуться на продолжительный период.

В первой половине 1945 г. в Японии развернулась широкая подготовка к «сражению за метрополию». Она осуществлялась на основе принятого ставкой 20 января плана «Общий курс подготовки к решительным операциям». Для обороны Японских островов предусматривалось мобилизовать 3 150 тыс. человек⁴⁶. К августу этот план был в значительной степени выполнен.

В сухопутных войсках насчитывалось 53 дивизии, 22 специальные бригады, 2 танковые дивизии и 7 отдельных танковых бригад. На вооружении авиационных

частей было 10 тыс. самолетов. Военно-морской флот имел свыше 3300 кораблей и 3200 самолетов⁴⁷. Японское командование готовило эти войска к затяжным действиям, считая, что в результате упорного «сражения за метрополию» удастся изменить ход войны в пользу Японии.

Правительства и военные командования США и Англии признавали, что если Советский Союз не выступит против Японии, то для вторжения на Японские острова им потребуется 7-миллионная армия, а война с Японией затянется еще на полтора года⁴⁸.

План высадки на Японские острова был утвержден американским Комитетом начальников штабов 29 марта 1945 г. Он разбивался на два этапа. Сначала предусматривалась высадка в южной части острова Кюсю (операция «Олимпик»), а затем на остров Хонсю (операция «Коронет»). Начало операции «Олимпик» намечалось на 1 ноября 1945 г. В случае ее успеха 1 марта 1946 г. планировалось перейти к осуществлению операции «Коронет». Оценивая перспективы предстоявших сражений, военный министр США Стимсон признавал: «...по нашим подсчетам, в случае если бы мы были вынуждены довести этот план до завершения, главные бои должны были бы закончиться самое раннее в конце 1946 г. Мне было известно, что такие операции будут стоить нам более 1 млн жертв, если говорить только об американских войсках. Наши союзники также могли понести большие потери...»⁴⁹ В связи с этим Стимсон писал в памятной записке Г. Трумэну от 2 июля 1945 г.: «Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию...»⁵⁰

Военное и политическое руководство США отмечало, что, даже если разработанный план высадки был бы осуществлен, не было уверенности, что «могущественная Квантунская армия, находясь почти на полном самообеспечении, не будет продолжать борьбу»⁵¹. Американский генерал Маршалл указывал: «Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать»⁵².

Это мнение разделял и генерал Макартур, считавший, что американские войска «не должны высаживать-

ся на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии»⁵³. Даже занимавший откровенно антисоветские позиции президент США Трумэн вынужден был признавать: «Мы очень желали, чтобы русские вступили в войну против Японии...» В своих мемуарах он отмечал, что «вступление России в войну становилось все более необходимым для спасения сотен тысяч американцев»⁵⁴.

Противоречат истине утверждения о том, будто «конец второй мировой войне был положен атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки». Не отвергая важного значения атомных бомбардировок, приблизивших капитуляцию Японии, нельзя согласиться с тем, что именно они определили исход войны. Это признавалось видными политическими деятелями Запада. Так, У. Черчилль заявлял: «Было бы ошибочным полагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой»⁵⁵.

Факты свидетельствуют о том, что атомная бомбардировка не привела Японию к капитуляции. Японское руководство скрыло от народа сообщение о применении американцами атомного оружия и продолжало готовиться к решительному сражению на своей территории. Вопрос о бомбардировке Хиросимы не был даже обсужден на заседании Высшего совета по руководству войной. Предупреждение Трумэна от 7 августа по американскому радио о готовности США нанести новые атомные удары было расценено как «пропаганда союзников»⁵⁶. Японское военное командование продолжало подготовку армии и страны к решающему сражению за Японские острова.

США не смогли добиться капитуляции Японии лишь в результате атомных бомбардировок. По расчетам американских штабов, для обеспечения высадки десантов на Японские острова требовалось по меньшей мере 9 атомных бомб⁵⁷. А как стало известно потом, после уничтожения Хиросимы и Нагасаки у Соединенных Штатов больше не было готовых атомных бомб, производство же новых требовало длительного времени. «Эти бомбы, сброшенные нами,— свидетельствовал Стимсон,— были единственными, которыми мы располагали, а темпы производства их в то время были весьма низкими»⁵⁸.

Американские атомные бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки не были вызваны военной

необходимостью. 28 мая 1945 г. личный представитель президента США Г. Гопкинс, находившийся в Москве, передал в Вашингтон, что И. В. Сталин лично сообщил ему и американскому послу Гарриману следующее: «Советская Армия будет полностью развернута на маньчжурских позициях до 8 августа»⁵⁹. Кроме того, в США и Англии считали, что «вступление Советского Союза в войну окончательно убедит Японию в неизбежности ее полного разгрома»⁶⁰. Применяв против беззащитного населения Хиросимы и Нагасаки атомное оружие и уничтожив в ядерном огне сотни тысяч людей, правительство и военщина США совершили варварское преступление в момент, когда поражение и капитуляция Японии были уже predetermined.

Принимая решение об использовании атомного оружия, американское руководство нацеливало его не против военных объектов, а против мирных жителей японских городов. Об этом неопровержимо свидетельствуют документы. Так, в отданном 2 августа оперативном приказе № 13 американского командования указывалось: «День атаки — 6 августа. Цель атаки — центр и промышленный район города Хиросима. Вторая резервная цель — арсенал и центр города Кокура. Третья резервная цель — центр города Нагасаки»⁶¹.

Нанося атомные удары по густонаселенным центральным районам Хиросимы и Нагасаки, американские правительство и командование стремились достичь прежде всего психологического эффекта, уничтожив для этого множество людей. Трумэн лично одобрил предложение своего ближайшего советника Бирнса о том, что «бомбу следует использовать как можно скорее против Японии, что ее следует сбросить на военный завод, окруженный жилыми массивами для рабочих, и что ее следует применить без предварительного предупреждения»⁶².

Атомная бомбардировка Японии преследовала и другую важную цель — запугать СССР и другие государства, добиться благодаря ядерной монополии господства США в послевоенном мире. Готовя применение атомных бомб, американское руководство рассчитывало на то, что бомбардировка поможет «сделать Россию сговорчивой в Европе». Широко известно заявление Трумэна по этому поводу: «Если бомба взорвется, что, я думаю, произойдет, у меня, конечно, будет дубина для этих парней»⁶³. Трудно не согласиться

с высказыванием английского историка Блэккетта о том, что атомные бомбардировки были «не в последней очереди актом против России»⁶⁴.

Не выдерживает критики версия о том, что Советский Союз «выступил против уже поверженной Японии», что Квантунская армия была ослаблена и практически не оказывала сопротивления. В действительности Квантунская армия сохраняла свою боевую мощь и до конца войны оставалась наиболее обученной и хорошо оснащенной японской группировкой сухопутных войск, на которую японское военно-политическое руководство возлагало главные надежды в планах продолжения войны «до победного конца».

Готовясь к затяжной войне, японская ставка с начала 1945 г. проводила активные мероприятия по «превращению Японии, Маньчжурии и Китая в неприступную крепость». По разработанному в январе 1945 г. новому оперативному плану Квантунская армия должна была значительно укрепить восточный участок границы Северной Кореи и границы в Маньчжурии⁶⁵. В Квантунскую армию направлялись дополнительные дивизии и смешанные бригады. Планом была предусмотрена переброска в Маньчжурию и Корею с территории Японии еще до 10 дивизий и 10 бригад⁶⁶. В Маньчжоу-го была проведена широкая мобилизация японских колонистов, из которых к июлю были сформированы дополнительно 8 пехотных дивизий, 7 отдельных и смешанных бригад, другие части. К 9 августа 1945 г. японское командование сосредоточило в Маньчжурии 42 пехотные и 7 кавалерийских дивизий, 22 пехотные бригады, 2 танковые бригады и несколько отдельных полков⁶⁷. В Маньчжурии и Корее была создана группировка общей численностью, включая марионеточные войска, свыше 1 млн человек. На вооружении этой группировки имелось 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 боевых самолетов и 26 кораблей⁶⁸. К лету 1945 г. у границ с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой были построены 17 укрепленных районов. Всего же на протяжении 800 км границы насчитывалось свыше 4500 долговременных укреплений⁶⁹.

О том, что Советской Армии противостояли многочисленные войска японских сухопутных сил, свидетельствует и тот факт, что к началу войны против Японии советскому командованию пришлось сосредоточить на Дальнем Востоке мощную группировку численностью

свыше 1,7 млн солдат и офицеров. Это было необходимо для того, чтобы сокрушить японские войска в Маньчжурии в короткий срок. Молниеносный разгром Квантунской армии стал возможен не в результате слабости японских войск, а в результате мощи и высокого военного искусства Красной Армии. Несмотря на упорное сопротивление японских войск, которое продолжалось и после отдачи приказа о прекращении боевых действий, мощная группировка противника была наголову разбита всего за 24 дня. За этот период Красная Армия разгромила 22 японские дивизии. Были пленены 594 тыс. японских солдат и офицеров и 148 генералов ⁷⁰.

Еще 9 августа на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной японский премьер-министр Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны» ⁷¹. Потеряв Квантунскую армию, милитаристская Япония была вынуждена пойти на безоговорочную капитуляцию.

Восстановление исторической справедливости

Как свидетельствуют факты истории, приоритет открытия Курильских островов принадлежит русским людям, которые появились здесь еще в первой половине XVII в. Как русские острова изображались на картах, в том числе западноевропейских. Одной из таких, дошедших до наших времен, является изданная в 1687 г. карта голландца Н. Витсона.

В течение XVIII в. на Курильские острова направлялись русские экспедиции, которые подробно описывали их, изучали природные ресурсы, растительность, животный мир, налаживали контакты с местным населением. В 1712 г., побывав на островах Итуруп и Уруп, русский есаул И. Козыревский сообщил, что жители этих островов живут «самовластно», т. е. независимо, а люди с о-ва Матсмая (Хоккайдо) к ним «не ходят» ⁷².

В 1738—1739 гг. российская экспедиция М. Шпанберга подробно исследовала Курильские острова. Она установила, что «под властью японского хана только один Матсмай остров, а прочие острова неподвластны» ⁷³. Экспедицией были нанесены на карту все Курильские острова, которым были даны русские наиме-

нования. Французская газета «Газет де Франс» писала 22 февраля 1740 г.: «Открытие русскими Курил имеет для России грандиозное значение... Островитяне приняли экспедицию Шпанберга с многочисленными проявлениями дружбы».

К середине XVIII в. Россия фактически установила над этими островами права владения. Признав подданство России, туземцы Курильских островов как на их северной, так и на южной части платили русскому государству дань (ясак), приобщались к христианству, их дети обучались русской грамоте. На островах Шумшу, Парамушир, Симушир, Уруп и Итуруп были основаны русские селения, велось хозяйственное освоение этих территорий.

Эти и другие исторические факты признают современные японские исследователи. Так, автор книги «Японцы и русские» Накамура указывает, что продвижение японцев на Курильские острова было осуществлено гораздо позже, а именно японцы впервые узнали о существовании самого южного острова Курильской гряды Кунашира лишь в 1754 г. Японскими источниками подтверждается также, что раньше японцев появились русские и на острове Итуруп. В японских донесениях того времени указывалось, что на острове «проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды, и что там строятся сторожевые посты»⁷⁴. Когда японцы впервые попали на Итуруп в 1786 г., «некоторые из местных жителей айну уже свободно владели русским языком и могли быть даже переводчиками»⁷⁵, отмечает автор.

О том, как проходило открытие и освоение Курильских островов русскими, подробно описывается в фундаментальном научном труде японского профессора Е. Корияма, который на основе строго научного анализа исторических фактов приходит к выводу, что Курильские острова, включая Кунашир и Итуруп, не могут считаться «исконно японскими землями»⁷⁶. Он указывает, что в XVIII в. не только Курильские острова, но и север Хоккайдо не являлся японской территорией, о чем прямо заявил в 1792 г. феодальный правитель Мацудайра. В приведенном ученым документе от октября 1792 г. глава центрального правительства Японии фактически признавал, что «район Нэмуру не является японской землей»⁷⁷. В это время, указывали японские ученые, остров Эдзо (Хоккайдо) считался иноземной территорией и в большей своей части был не заселен

и не освоен⁷⁸. Как свидетельствуют факты истории, весь остров Хоккайдо перешел под власть Японии лишь в 1854 г.

Не могут отрицать добросовестные японские ученые и того факта, что продвижение японцев на Курильские острова осуществлялось как захват русской территории. Так, Накамура пишет: «Высадившись 28 июля 1798 г. на южной оконечности острова Итуруп, японцы опрокинули указательные столбы русских и поставили столбы с надписью: «Эторофу — владение великой Японии»⁷⁹. В 1801 г. японский вооруженный отряд пытался силой изгнать русских из их поселений на острове Уруп. Высадившись на острове, японцы самочинно «поставили указательный столб, на котором вырезали надпись из девяти иероглифов: «Остров издревле принадлежит великой Японии»».

Так проходило «освоение» японцами «исконных территорий». Попытки Японии силой отторгнуть от России Южно-Курильские острова вызывали законный протест со стороны русского правительства. Прибывший в 1805 г. в Японию для установления торговых отношений русский посланник Н. П. Резанов заявил японцам, «что на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений»⁸⁰. Однако захватнические действия японцев продолжались. При этом кроме Курильских островов Япония претендовала и на Сахалин, предпринимая попытки уничтожить на южной части острова знаки, указывающие на принадлежность этой территории России⁸¹ *.

Россия всегда стремилась к дружественным отношениям с Японией, к развитию с ней взаимовыгодной торговли. Однако японские правители отвергали предложения о налаживании межгосударственных связей. Когда в 1853 г. Япония была «открыта» под дулами пушек американских военных кораблей commodора М. Перри, в то время там находился представитель русского правительства адмирал Е. Путятин, который вел переговоры о заключении торгового соглашения. В отличие от американцев российские представители стремились установить отношения с японцами мирными средствами, путем терпеливых дипломатических переговоров. Об этом свидетельствует данная русским правитель-

* Сахалин был объявлен владением Российской империи в 1806 г.

ством Е. Путятину инструкция воздерживаться «от всяких неприязненных по отношению к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путями переговоров и мирными средствами»⁸².

Наряду с задачей установления дипломатических и торговых отношений миссия Е. Путятина должна была оформить договором границу между Россией и Японией. При этом российское правительство стремилось закрепить существовавшее территориальное разграничение, добываясь от Японии признания своих прав на о-в Сахалин и на Курильские острова, издавна принадлежавшие России⁸³.

Японское правительство умышленно затягивало переговоры, пытаясь воспользоваться слабостью царской России, которая в обстановке Крымской войны (1853—1856 гг.) не имела возможности направить на Дальний Восток силы, способные защитить русские земли. Желая добиться от России территориальных уступок, японское правительство выдвинуло необоснованные претензии на южную часть Сахалина. Стремясь не допустить более активного сближения Японии с Англией и Францией в борьбе против России*, в 1855 г. Путятин был вынужден подписать договор с Японией, по которому устанавливалось, что «границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп», а Сахалин был объявлен «неразделенным» между Россией и Японией⁸⁴.

В результате договора России пришлось поступиться принадлежавшей ей южной частью Курильских островов. В последующие годы Япония продолжала претендовать на южную часть острова Сахалин, что осложняло русско-японские отношения, препятствовало установлению добрососедства, к которому неизменно стремилась Россия. В отличие от США, Франции и Англии, которые предпринимали военные экспедиции против Японии и угрожали ей «наказанием за антиинострannую политику», российское правительство давало своим представителям в Японии инструкции, требовавшие «избегнуть и тени вмешательства» во внутренние дела Японии⁸⁵.

Переход Японии после незавершенной буржуазной «революции Мэйдзи» 1868 г. к капитализму характери-

* Во время Крымской войны японские порты служили базой для англо-французского флота.

зовался ее вступлением в борьбу за раздел мира, захват колоний. В 1874 г. Япония напала на о-в Тайвань, стала готовиться к войне с Китаем. Одновременно японское правительство продолжало попытки закрепиться на Сахалине. Желая ослабления России на Дальнем Востоке, Соединенные Штаты Америки поощряли эту политику, убеждая Японию добиться от царского правительства продажи Сахалина. Однако попытки Японии выдвинуть подобные предложения были отвергнуты правительством России. Вместе с тем в обстановке опасности возникновения войны в Европе и приближения войны с Турцией царское правительство искало возможность урегулировать свои отношения с Японией.

В 1875 г. царская Россия вынуждена была пойти на очередную уступку Японии. Она состояла в том, что по подписанному в Санкт-Петербурге договору Япония добилась передачи ей Курильских островов в обмен на отказ от претензий на Сахалин. Это была серьезная ошибка дипломатии царской России, недооценка стратегического значения Курильских островов. С другой стороны, этот ущемляющий интересы России договор был подписан как вынужденное средство для ослабления напряженности, которую сознательно нагнетала Япония в своих отношениях с северным соседом.

О том, что это был лишь первый шаг на пути экспансии японского капитализма за счет русских земель, убедительно свидетельствует вероломное нападение Японии на Россию в 1904 г. Развязав войну, Япония грубо нарушила Симодский трактат от 1855 г., в котором провозглашался «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией».

После поражения царизма в русско-японской войне Япония отторгла от России южную часть Сахалина, навязав ей несправедливые условия Портсмутского договора. Содержание этого грабительского договора перечеркивало договор от 1875 г., лишало Японию права ссылаться на него.

В результате экспансионистской политики Япония закрыла для российского флота не только свободный выход в Тихий океан, но и доступ к портам Камчатки и Чукотки. В годы вооруженной интервенции против молодой Советской России Япония захватила и северную часть Сахалина, оккупация которого продолжалась до 1925 г.

Советское правительство прямо заявляло, что не счи-

тает себя связанным условиями несправедливого Портсмутского договора. При заключении 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией Уполномоченный Советского Союза Л. Карахан подчеркнул, что «признание его Правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора»⁸⁶. Конвенция не решала вопрос о территориальном размежевании СССР и Японии, ибо японское правительство продолжало силой удерживать исконно русские земли Южного Сахалина и Курильских островов. Более того, в последующие годы милитаристская Япония превратила эти территории в военные плацдармы, с которых постоянно угрожала Советскому Союзу, развернула на них активную подготовку к антисоветской агрессии, что наиболее ярко проявилось в годы второй мировой войны.

Освобождение южной части Сахалина и Курильских островов и возвращение их подлинному владельцу — Советскому Союзу стало возможным в результате разгрома милитаристской Японии. Исторические права СССР на дальневосточные русские земли были подтверждены решениями Ялтинского соглашения 1945 г.

Руководители СССР, США и Великобритании договорились, что после победы над милитаристской Японией будут «восстановлены принадлежавшие России права, нарушенные вероломным нападением Японии в 1904 году». При этом решением Крымской конференции по дальневосточному вопросу предусматривалось «возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов», а также «передача Советскому Союзу Курильских островов»⁸⁷.

Справедливость этого решения признавалась лидерами западных держав. Так, Черчилль заявлял: «Мы будем рады видеть русские суда на Тихом океане и одобряем восполнение потерь, понесенных Россией в русско-японской войне»⁸⁸. Об этом же говорил на Ялтинской конференции президент США Рузвельт, который, соглашаясь с позицией главы советской делегации, отметил, что «русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто»⁸⁹.

Вступив в войну с Японией, Советская Армия при поддержке Военно-Морского Флота провела Южно-Са-

халинскую и Курильскую десантные операции, преодолела упорное сопротивление японских войск и принудила их к капитуляции. Восстановлением исторических прав Советского Союза на Южный Сахалин и Курильские острова завершилась Великая Отечественная война советского народа. Отторгнутые русские территории были возвращены ее подлинному владельцу.

2 февраля 1946 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, который установил, что вся земля с ее недрами и водами на территории Южного Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР. Возвращение Курильских островов и Южного Сахалина Советскому государству было закреплено в Конституции СССР. В 1947 г. Курильские острова были включены в Южно-Сахалинскую (ныне Сахалинскую) область РСФСР.

В 1951 г. японское правительство подписало Сан-Францисский мирный договор, в котором указывалось: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору 1905 года»⁹⁰.

Предпринимаемые в Японии попытки исказить смысл и содержание международных соглашений о послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке, выдвигать территориальные притязания на советские дальневосточные земли не имеют каких-либо юридических оснований. Об этом неоднократно заявлялось японской стороне. Отвергая подобные претензии, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе заявил в мае 1988 г. японским представителям: «Что касается так называемого «территориального вопроса», то советская сторона считает этот вопрос решенным на соответствующей исторической и международно-правовой базе. У Советского Союза территория большая, но лишней земли у нас нет»⁹¹.

В результате восстановления в 1945 г. исторической справедливости Южный Сахалин и Курильские острова стали неотъемлемой частью Советского государства.

Заключение

В предшествовавшие второй мировой войне годы важной политической целью Японии являлось устранение влияния Советского Союза в Азии, что считалось необходимым для осуществления японских планов создания обширной колониальной империи в азиатско-тихоокеанском регионе. Добиться этого предполагалось в результате войны против СССР, оккупации вооруженными силами Японии восточной части его территории.

Захват Маньчжурии, а затем всего Китая, по расчетам японского руководства, должен был создать экономические, политические и военно-стратегические предпосылки успеха японской антисоветской агрессии.

На протяжении 30-х годов в Японии велась интенсивная подготовка к нападению на СССР. Она осуществлялась на основе детально разработанных генеральным штабом императорской армии оперативно-стратегических планов войны против Советского Союза, которые имели ярко выраженный наступательный характер, преследовали целью разгром Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке и в Сибири и захват этих территорий с последующим превращением их в японские колонии.

Главными факторами, не позволявшими японским правящим кругам развязать в 30-е годы войну против СССР, были усиление экономической и военной мощи СССР и затягивание войны в Китае.

Агрессивные действия японских вооруженных сил на советско-маньчжурской и маньчжуро-монгольской границах в 1938—1939 гг. были направлены, с одной стороны, на то, чтобы оказать военное давление на СССР и угрозой большой войны заставить его отказаться от помощи Китаю, а с другой — продемонстрировать западным державам непримиримость Японии с Советским Союзом, что должно было подтолкнуть

США и Великобританию к продолжению политики «дальневосточного Мюнхена».

Стремление японских правящих кругов использовать военную ситуацию в Европе для захвата азиатских и тихоокеанских колоний западных держав должно было содействовать экономической подготовке к достижению главной цели — разгрому Советского Союза.

Заклучив с гитлеровской Германией и фашистской Италией военно-политический союз, Япония взяла на себя обязательство поддерживать агрессивные действия этих государств, в том числе против Советского Союза.

Подписание японо-советского пакта о нейтралитете накануне германской агрессии против СССР было продиктовано стремлением Японии выиграть время для выяснения перспектив развития Великой Отечественной войны и принятия самостоятельного, независимого от Германии решения об участии в этой войне.

Политическое решение высшего японского руководства о внезапном нападении на СССР в случае успеха немецких войск на советско-германском фронте и развернутая летом 1941 г. активная подготовка японского удара по Советскому Союзу с востока явились грубейшим нарушением положений пакта о нейтралитете, что лишило Японию права ссылаться на него.

Тщательно подготовленное японское нападение на СССР не состоялось не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «молниеносной войны» и сохранения высокой обороноспособности Советского Союза в восточных районах страны.

Начало Японией войны за колонии в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане не только не исключало, а, напротив, предусматривало последующее японское нападение на СССР. Сознательно создававшаяся японским военно-политическим руководством постоянная угроза нападения на Советский Союз и враждебная ему деятельность являлись формой участия Японии в войне, что серьезным образом осложняло военное положение СССР, нанесло значительный ущерб.

Вступление Советского Союза в войну с Японией было обусловлено в первую очередь союзническими обязательствами, необходимостью скорейшего разгрома милитаристской Японии в условиях ее отказа от капитуляции. Внеся решающий вклад в достижение по-

беды на завершающем этапе войны с Японией, Советский Союз значительно ускорил окончание второй мировой войны, создал прочную базу для победы китайской революции, принес свободу и независимость народам Азии, избавил от дополнительных жертв, страданий и японский народ.

Предпринимаемые ныне в Японии попытки обелить агрессивную политику японского милитаризма, переложить ответственность за войну на другие государства преследуют вполне определенные политические цели.

С конца 70-х годов поощряемые США правящие круги Японии взяли курс на возрождение страны в качестве «великой военной державы», на приведение военной мощи государства в соответствие с ее экономическим потенциалом. Укрепляются и оснащаются новейшим оружием созданные в нарушение конституции вооруженные силы, из года в год увеличивается военный бюджет, быстрыми темпами растут масштабы отечественного военного производства, резко увеличилось число проводимых военных маневров. Правое крыло правящей либерально-демократической партии активно ведет пропаганду отмены отвергающей войну 9-й статьи конституции. Ставится задача идеологически подготовить население к восприятию этой политики, обеспечить ее поддержку или по крайней мере терпимое отношение к ней.

Для обоснования курса на милитаризацию японские правящие круги, как и в довоенные годы, объявляют Советский Союз «потенциальным противником», запугивают население якобы происходящим «наращиванием советской военной мощи на Дальнем Востоке». Проводя реформу образования, японское правительство все шире внедряет в школьные программы фальсифицированные концепции истории отношений двух стран. Если раньше в учебниках по истории для средних школ объяснялось, что «Советский Союз заранее известил Японию о непродлении японо-советского пакта о нейтралитете и согласно Ялтинскому соглашению объявил Японии войну», то теперь в них записано: «Советский Союз аннулировал японо-советский пакт о нейтралитете и объявил Японии войну». При этом чиновники министерства просвещения запрещают упоминать в учебниках факты агрессивной политики милитаристской Японии в отношении Советского Союза, созна-

тельно замалчивают подлинные причины, побудившие СССР вступить в войну на Дальнем Востоке.

Тенденциозное освещение истории вводит в заблуждение японскую молодежь, направлено на вовлечение ее в кампанию незаконных территориальных притязаний к нашей стране. Сегодня прямо поставлена задача «воспитать японских детей в духе понимания территориальной проблемы». Японское министерство просвещения распространяет в начальной и средней школах «учебные пособия по проблеме северных территорий», издает школьные географические карты, где южная часть принадлежащей СССР Курильской гряды неправомерно обозначена как японские земли, а часть Сахалина оставлена незакрашенной как «спорная территория».

Подобная деятельность японских правящих кругов свидетельствует о том, что они и впредь намерены, прибегая к фальсификации истории, культивировать в народе враждебные Советскому Союзу настроения. При этом японское правительство сознательно уходит от рассмотрения инициатив Советского Союза, направленных на нормализацию советско-японских отношений, укрепление мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе, фактически отказывается от поисков путей конструктивного взаимодействия с СССР по этим важным проблемам, стремится заблокировать их решение ради своих эгоистических целей.

Искажение истории советско-японских отношений является составной частью попыток японской реакции в целом пересмотреть историю прошедшей войны, снять с японского милитаризма ответственность за кровавые злодеяния в Азии и на Тихом океане, представить дело таким образом, будто милитаристская Япония не была агрессором и одним из зачинщиков второй мировой войны. Кошунством над памятью миллионов жертв японского милитаризма прозвучало заявление бывшего премьер-министра Я. Накасонэ о том, что Япония вела не захватнические, а «освободительные» войны. Обращаясь к японцам, он восклицал: «Война принесла народам Азии независимость. Признание такой оценки — лишь вопрос времени. Она займет свое место в истории... Еще рано выносить окончательный приговор. В результате войны над Азией взошла светлая заря!»

По указанию японского правительства в школьных

учебниках по истории агрессивная война Японии против китайского народа именуется теперь «военным вступлением в Китай», а массовые убийства сотен тысяч мирных жителей представляются результатом... «сопротивления китайских войск». Участились публичные выступления членов кабинета министров Японии, в которых они открыто оспаривают справедливость вынесенного Токийским трибуналом приговора японским военным преступникам, пытаются изобразить их чуть ли не героями, отдавшими жизнь за интересы «священной японской империи».

Прогрессивные силы Японии выступают против этой направленной на оправдание японского милитаризма политики. Они предупреждают об опасности замышляемого возврата к реакционному содержанию образования для будущего страны. Орган Коммунистической партии Японии газета «Акахата» писала: «Образование формирует будущее. Воспитание нынешнего поколения во многом окажет влияние на облик народа, который будет отвечать за судьбы общества и политику страны через 20—30 лет. Опыт довоенной Японии показывает, как через образование можно воспитать народ в духе смирения и покорности... Если будет осуществлена реакционная реформа, будущее нашей страны неизбежно зайдет в тупик».

Попытки извратить итоги и уроки войны вызывают протесты народов стран Азии, которые на себе испытали зверства японских милитаристов. С осуждениями японских фальсификаторов истории выступают КНР, КНДР, Вьетнам, Таиланд, Малайзия, Сингапур. Анти-японские демонстрации против искажения истории отмечались также в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге. Если Япония станет на путь ускоренного наращивания военной мощи, это приведет к ухудшению ее отношений с соседними государствами, хотя послевоенный опыт Японии убедительно свидетельствует о преимуществах мирного развития страны, установления взаимовыгодного сотрудничества со всеми народами азиатско-тихоокеанского региона.

Несмотря на то что в Японии сохраняются влиятельные силы, которые не извлекли реалистических выводов из истории второй мировой войны, продолжают искусственно создавать вокруг Советского Союза «образ врага», в широких слоях японской общественности зреет понимание необходимости отбросить антисовет-

ские стереотипы, открыть новую страницу в советско-японских отношениях. Эти настроения встречают искреннюю поддержку советского народа. Призывом осваивать искусство жить добрыми соседями прозвучали обращенные к Японии слова М. С. Горбачева, произнесенные им во Владивостокской речи: «Об отношениях с Японией. Здесь тоже намечаются признаки поворота к лучшему. Было бы хорошо, если бы этот поворот произошел. Объективное положение наших двух стран в мире таково, что требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого...»

Улучшению советско-японских отношений способствовало бы подведение под них прочной договорной основы — заключение мирного договора между двумя странами. Как известно, Советский Союз готов подписать такой договор. Дело за японской стороной, которая увязывает его заключение с удовлетворением территориальных претензий к Советскому Союзу. Такой подход нельзя назвать реалистичным.

Попытки пересмотреть итоги прошлой войны, любые проявления реваншизма способны лишь внести дестабилизирующий элемент в нынешнюю международную обстановку. Прошлое не должно тянуть народы мира назад, оно должно помочь избежать повторения совершенных ранее ошибок, находить правильный путь в будущее. Объективная оценка исторического прошлого является одним из важных условий утверждения в мире нового политического мышления, главный смысл которого состоит в осознании бесперспективности и опасности политики конфронтации и войн, попыток разрешить противоречия между капитализмом и социализмом в вооруженной борьбе. От того, насколько правильно будут усвоены уроки истории, в наши дни зависит судьба человечества, решение вопроса о его выживании.

Приложения

Меморандум премьер-министра Японии Танака Гиити

(25 июля 1927 года) *

Премьер-министр Танака Гиити от имени Ваших многочисленных подданных низжайше вручает Вашему Величеству меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии.

Позитивная политика в Маньчжурии и Монголии

В Маньчжурию и Монголию входят провинции Фынтянь, Гирин, Хэйлунцзян, а также Внешняя Монголия и Внутренняя Монголия. Страна привлекает к себе внимание не только своей обширностью и незначительной плотностью населения: нигде в мире нет таких лесных богатств, такого изобилия минеральных ресурсов и сельскохозяйственных продуктов. Стремясь использовать эти богатства в целях увеличения славы нашей империи, мы специально создали Южно-Маньчжурскую железнодорожную компанию и, используя популярный лозунг японо-китайского сопроцветания, инвестировали в этом районе в железнодорожные, судоходные, горнорудные, лесные, железорудные, сельскохозяйственные и животноводческие предприятия почти 440 миллионов иен. Поистине это является самым грандиозным предприятием нашей страны.

Нужно напомнить, что, когда на Вашингтонской конференции был подписан договор девяти держав, ограничивший наше проникновение в Маньчжурию и Монголию, общественное мнение нашей страны сильнее всего образом заволновалось. Договор девяти держав был заключен по инициативе Америки. Остальные державы, подписавшие этот договор, не возражали против роста нашего влияния в Маньчжурии и Монголии, надеясь таким путем защитить интересы международной торговли и международных инвестиций.

Три восточные провинции являются несовершенным в политическом отношении районом на Дальнем Востоке. В интересах самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Но, проводя эту политику,

* Публикуется с некоторыми сокращениями.

мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает на нас Китай, осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне.

Но для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи.

Изучив теперешние условия и возможности нашей страны, мы должны признать, что, если хотим начать новую политику эры Сёва *, мы должны принять позитивные меры в целях обеспечения наших прав и привилегий в Маньчжурии и Монголии. Они обеспечат нам возможность развивать нашу торговлю. Это не только помешает промышленному развитию самого Китая, но и не допустит проникновения европейских держав и Америки. Это единственно мыслимая и наиболее эффективная политика.

Для того чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать этот район как базу для проникновения в Китай под предлогом развития нашей торговли. Будучи же вооружены обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Но захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте.

Если мы хотим начать новую политику в эру Сёва и обеспечить постоянное процветание нашей империи, мы должны встать на путь позитивной политики по отношению к Маньчжурии и Монголии.

Маньчжурия и Монголия — не китайские территории

Крайне печальным обстоятельством является то, что, когда мы объявили войну России, наше правительство открыто признало суверенитет Китая над Маньчжурией и Монголией; то же самое оно сделало и на Вашингтонской

* Период правления японского императора Хирохито — 1926 г. по настоящее время.

конференции, когда мы подписывали договор девяти держав. Вследствие этих двух наших ошибок суверенитет Китая над Маньчжурией и Монголией считается установленным в дипломатическом отношении, и от этого серьезно страдают наши интересы.

При каждом удобном случае мы должны объяснять миру истинное положение вещей относительно территориальных прав Маньчжурии и Монголии. Мы должны проникнуть во Внешнюю Монголию и Внутреннюю Монголию и обеспечить таким путем реформы на материке.

Позитивная политика по отношению к Внутренней и Внешней Монголии

В настоящее время девятнадцать отставных японских офицеров находятся в Тушету. Там мы уже приобрели монопольные права на покупку шерсти и земли и на эксплуатацию горнорудных богатств. Мы пошлем туда тайно еще большее число отставных офицеров. Они должны быть одеты, как китайцы, чтобы не привлекать к себе внимания мукденского правительства *. Разбросанные в различных местах, они могут заниматься земледелием, скотоводством, скупкой шерсти и т. п.

В конце концов Внешняя и Внутренняя Монголия окажутся в наших руках. Для этого необходимо ассигновать миллион «из секретных фондов» военного министерства и срочно отправить четыреста отставных офицеров во Внешнюю и Внутреннюю Монголию. Эти офицеры, одетые как китайские граждане или выступающие в роли учителей, должны смешаться с населением, завоевать доверие монгольских князей, получить у них право заниматься скотоводством и горнорудным делом и заложить таким образом основы наших национальных интересов на ближайшие сто лет.

Стимулирование и защита корейской иммиграции

Благодаря богатству страны и созданию благоприятных условий для корейской иммиграции число корейских иммигрантов в Маньчжурии и Монголии растет с каждым днем.

В настоящее время в Трех восточных провинциях проживает уже свыше миллиона корейцев. Когда их число в Маньчжурии и Монголии превысит два с половиной миллиона, их можно будет в случае необходимости подстрекнуть к военным действиям; мы окажем им поддержку, утверждая, будто подавляем корейское движение. Восточное колониционное

* Прояпонская милитаристская клика на севере Китая во главе с маршалом Чжан Цзолинем.

общество и Южно-Маньчжурская железнодорожная компания также должны оказать им экономическую и финансовую помощь. Нужно силами корейцев развивать богатства Маньчжурии и Монголии и монополизировать в своих руках торговые права. Приток корейцев на эти территории имеет колоссальное экономическое и военное значение, и императорское правительство не может не поддержать его. Это открывает новые перспективы для развития нашей империи. После того как Вашингтонская конференция свела на нет выгоды соглашения Лансинг — Исии *, мы сумеем восстановить наше положение лишь в том случае, если в Маньчжурии будет находиться несколько миллионов корейцев. К счастью, число корейских иммигрантов растет, их капиталовложения увеличиваются, и есть все основания предполагать, что мы сумеем восстановить наши привилегии в Маньчжурии и Монголии, полученные в связи с соглашением Лансинг — Исии. В юридическом отношении, в области международных отношений нам здесь не придется столкнуться ни с какими затруднениями.

Развитие нашего нового континента и железные дороги в Маньчжурии и Монголии

Транспорт — это основа государственной обороны, это гарантия победы и оплот экономического развития. К сожалению, наши железные дороги сосредоточены главным образом в Южной Маньчжурии, и они не достигают тех источников богатств, которые находятся в северных районах страны.

В Южной Маньчжурии проживает много китайцев, что крайне неблагоприятно для осуществления наших военных и экономических планов. Если мы хотим развить наши естественные богатства и укрепить нашу государственную оборону, мы должны строить железные дороги в Северной Маньчжурии. Ныне действующая Южно-Маньчжурская железная дорога была построена главным образом в экономических целях. Ей не хватает кольцевых линий, что крайне неудобно в случае военной мобилизации и военных перевозок.

Что касается железных дорог, сооружаемых Китаем, то они, без сомнения, получат со временем огромное значение благодаря финансовой поддержке гиринского провинциального правительства. Опираясь на объединенные ресурсы провинций Фынтянь и Жэйлунцян, китайские железные дороги значительно обгонят в своем развитии нашу Южно-Маньчжурскую дорогу, и начнется ожесточенная конкуренция. К счастью для нас, финансовое положение провинции Фынтянь

* Во время первой мировой войны США пошли на компромисс с Японией, признав в соответствии с соглашением Лансинг — Исии от 1917 г. «особые интересы» Японии в Китае.

крайне расстроено, и без нашей помощи китайские власти не смогут его исправить. Мы должны использовать этот момент, сделать позитивные шаги и добиться нашей цели в области железнодорожного строительства. Если мы сумеем провести соответствующую работу и добьемся обесценения денежных знаков провинции Фынтянь, эта провинция экономически обанкротится, и тогда фынтяньские власти, конечно, не смогут даже и думать о развитии Маньчжурии и Монголии. Чрезвычайно трудно сокрушить мощь Китайско-Восточной железной дороги, которая образует с Южно-Маньчжурской железной дорогой букву «Т». Если в экономическом отношении такая система и выгодна, то она крайне неудобна с военной точки зрения.

К счастью, красная Россия с каждым днем теряет свое влияние и не в состоянии продвигаться дальше в Маньчжурию и Монголию. Поэтому китайцы должны поддержать именно нас в нашем железнодорожном строительстве.

Но красная Россия, несмотря на ослабление своей мощи, не оставляет своих планов проникновения в Маньчжурию и Монголию. Каждый ее шаг в этом направлении не может не препятствовать нашим целям и интересам Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Поэтому мы должны всеми силами воспрепятствовать проникновению красной России. Под предлогом того, что красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше постепенное продвижение в районы Северной Маньчжурии, захватить таким путем богатейшие ресурсы этого района страны, не допустить на юге продвижения Китая на север, а на севере не допустить продвижения красной России на юг.

Но для того, чтобы соперничать с красной Россией в области экономики и политики, мы сначала обязательно должны превратить Китай в свой аванпост, а сами будем контролировать его с тыла и тем самым воспрепятствуем росту влияния красной России. Одновременно мы должны тайно блокироваться с красной Россией, воспрепятствовать таким путем росту влияния Китая и обеспечить тем самым завоеванные нами права в Маньчжурии и Монголии.

Целью политики восстановления японо-русских дипломатических отношений, провозглашенной в свое время г-ном Гото Симпэй *, и приглашения Иоффе ** было главным образом использование России для обуздания Китая.

Южно-Маньчжурская железная дорога уже не может полностью отвечать нашим целям. Учитывая наши нынешние нужды и нашу деятельность в будущем, мы должны поставить под свой контроль железные дороги и в Северной, и в

* С. Гото — видный японский политический деятель, в 20-е годы — мэр Токио.

** А. А. Иоффе — руководитель советской дипломатической миссии в Китае в 1922—1923 гг.

Южной Маньчжурии. Это особенно важно и выгодно для нас, если учесть, что в богатой ресурсами Северной Маньчжурии и Восточной Монголии имеется много возможностей для нашего развития. Число китайцев в Южной Маньчжурии растет с каждым днем, что может нанести большой ущерб нашим политическим и экономическим интересам. Поэтому мы должны быстро продвинуться на североманьчжурский плацдарм, обеспечив тем самым длительное процветание нашего государства.

Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, какую мы играли в русско-японской войне. Восточно-Китайская железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гирин, как тогда захватили Дайрен. В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии для овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию.

Мы должны осуществить в кратчайший срок постройку следующих железных дорог.

Тунляо-Жэхэская железная дорога

Когда эта железная дорога будет закончена, она принесет нам огромную пользу в деле освоения Внутренней Монголии. Среди всех железных дорог Маньчжурии и Монголии эта дорога явится самой ценной для нас как в военном, так и в экономическом отношении. Только опираясь на эту дорогу, мы сможем укрепить наши связи с князьями Внутренней и Внешней Монголии. Проведение этой дороги соответствует жизненно важным интересам нашей империи в районе Внутренней и Внешней Монголии.

Таонань-Солуньская железная дорога

С военной точки зрения эта дорога позволит нам не только создать угрозу тылу России, но и лишить ее возможности подвозить подкрепления в Северную Маньчжурию.

Эта линия, однако, опасна тем, что может облегчить китайцам переселение в эту новую область и повредить тем самым нашей политике. Но мы можем заставить монгольских князей издать законы, запрещающие китайскую иммиграцию. Если жизнь там станет тяжелой для китайцев, они, конечно, покинут эти места. Есть и другие методы, при помощи которых можно воспрепятствовать китайцам селиться в этих местах. Если мы будем достаточно энергичны, на монгольской территории не останется и следа китайцев.

Чанчунь-Таонаньская железная дорога

Эта линия имеет огромное экономическое значение, ибо богатства Маньчжурии и Монголии сконцентрированы в Северной Маньчжурии. Имея в руках эту дорогу, мы сможем овладеть богатствами Северной Маньчжурии и Монголии. Вдоль железнодорожных линий сможет поселиться 200—300 тысяч наших иммигрантов. Когда Дуньхуанская дорога будет закончена и соединена с линией, идущей из Хуэйлина в Корею, сырье из Монголии и Северной Маньчжурии сможет быть доставлено прямым путем в Осака и Токио. В случае войны можно будет посылать наши войска из Токио в Северную Маньчжурию и Монголию через Японское море без всяких остановок, не давая возможности китайским войскам проникнуть в Северную Маньчжурию. Тогда русские подводные лодки в Японском море не смогут угрожать Корейскому проливу. Мы станем независимы в области продовольствия и сырья, и в случае войны никакая страна не сможет помешать нам.

Гирин-Хуэйлинская железная дорога

Когда эта дорога будет построена, люди, направлявшиеся в Европу через Дайрен или Владивосток, смогут ехать непосредственно из порта Сэйсин через Хойрен по Сибирской дороге. Эта дорога превратится в крупнейшую артерию Востока. Товары и пассажиры вынуждены будут непременно проходить через наш район.

Когда мы будем иметь в руках эту огромную транспортную систему, мы уже не должны будем скрывать наших агрессивных намерений в Маньчжурии и Монголии, вытекающих из третьей фазы планов императора Мэйдзи. Раса Ямато сможет тогда перейти к завоеванию мира.

Согласно заветам императора Мэйдзи, наш первый шаг должен был заключаться в завоевании Тайваня, а второй — в аннексии Кореи. То и другое уже осуществлено.

Теперь должен быть сделан третий шаг — завоевание Маньчжурии и Монголии и покорение всего Китая. Когда это будет сделано, у наших ног окажется вся остальная Азия и страны Южных морей. Если эта задача до сих пор не выполнена, то в этом вина ваших слуг.

Гирин-Хуэйлинская железная дорога и национальная политика в районе Японского моря

Расин является идеальной гаванью и идеальным конечным пунктом. Возможно, что со временем это будет лучшая гавань в мире. С одной стороны, она разорит Владивосток, а с другой, — привлекая к себе обильные продукты Северной Маньчжурии, распространит на нашу страну богатства Маньчжурии и Монголии. Если в ближайшем будущем разразится война и природные богатства будут транспортироваться через Дайрен, мы можем оказаться в затруднительном положении.

Враг сможет блокировать Цусимский и Курильский проливы, и мы будем отрезаны от ресурсов Маньчжурии и Монголии. А потеряв эти ресурсы, мы будем побеждены.

Всем известно, что во время войны в Европе США, действуя в тесном контакте с Англией, немало потрудились, чтобы помешать нашим действиям в Китае. Чтобы сохранить свою независимость, а также для того, чтобы предостеречь Китай и весь мир, мы должны будем когда-нибудь скрестить оружие с Америкой.

Азиатская эскадра США, базирующаяся на Филиппинах, находится недалеко от Цусимы и Курильских островов. Достаточно ей отправиться оттуда утром — и к вечеру она уже будет в этом районе. Подводные лодки свободно будут курсировать между Цусимой и Курильскими островами и отрежут нас от маньчжурских и монгольских источников продовольствия и сырья.

Но если Гирин-Хуэйлинская железная дорога будет закончена, мы получим большую кольцевую линию, связывающую Северную Маньчжурию, Южную Маньчжурию и Корею. Мы сможем посылать солдат и продовольствие по всем направлениям и получим доступ к ресурсам Северной Маньчжурии. Тогда мы сумеем направить все необходимые нам материалы из Северной Маньчжурии в порты Цуруга и Ниигата, и нам никто не сможет помешать в случае войны.

Такова наша национальная политика в районе Японского моря.

Обеспечив транспортировку продовольствия и сырья, мы уже не должны будем бояться ни мощного американского флота, ни многочисленных китайской и русской армий. Тогда мы сможем усмирить корейцев, если они начнут бунтовать во время войны.

Необходимость изменения характера управления Южно-Маньчжурской железнодорожной компанией

Функции компании очень многообразны. Каждая смена кабинета вызывала изменения в администрации Южно-Маньчжурской железной дороги, и, наоборот, деятельность компании оказывает большое влияние на кабинет. Хотя эта компания является полуправительственной, фактически ею руководит кабинет. Поэтому державы рассматривают эту дорогу скорее как политический орган, чем как коммерческое предприятие. Именно поэтому они, используя пакт девяти держав, стремятся помешать деятельности нашей Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Деятельность ЮМЖД в Маньчжурии и Монголии находится под четверным контролем: командующего Квантунской армией, высшего представителя власти в Дайрене, губернатора Квантунской области и генерального консула. Все эти лица должны обмениваться мнениями в Дайрене, прежде чем компания предпримет какие-либо крупные шаги. И хотя их совещания носят сугубо секретный ха-

раक्टर, тем не менее китайские власти Трех восточных провинций о многом узнают и всеми силами стараются воспрепятствовать расширению деятельности компании. Кроме того, все решения компании должны еще получить в Токио одобрение министра иностранных дел, министра железных дорог, министра финансов и военного министра. Достаточно несогласия одного из этих министров, чтобы вынесенное постановление потеряло силу. Это часто препятствует реализации планов компании.

Для ликвидации всех этих неудобств необходимо радикально реорганизовать компанию ЮМЖД. Все принадлежащие ей рентабельные предприятия должны превратиться в независимые общества, находящиеся под эгидой ЮМЖД. Тогда мы сможем предпринять решительные шаги для завоевания Маньчжурии и Монголии. С другой стороны, нужно предложить китайцам, европейцам и американцам вложить свои капиталы в ЮМЖД при условии, что контрольный пакет будет оставаться в наших руках. Контроль над дорогой останется у нас, к тому же мы сможем с большей энергией выполнять нашу имперскую миссию.

Важнейшие виды производства, принадлежащие ЮМЖД

1. Железо и сталь

От производства железа и стали в огромной степени зависит национальное развитие. Запасы железной руды в Маньчжурии и Монголии составляют 1 200 миллионов тонн, а запасы угля — 2 500 миллионов тонн. Этого количества угля достаточно, чтобы использовать имеющиеся запасы железной руды. Имея в своем распоряжении такие огромные запасы железа и угля, мы будем совершенно независимы от других стран и полностью обеспечим себя углем и железом на 70 лет. Таким образом, у нас будут все данные, чтобы превратиться в руководящую мировую державу.

2. Нефть

Другим продуктом огромной важности, в котором мы испытываем крайний недостаток, является нефть. Без нефти современное государство не может существовать.

Наша армия и флот станут неприступными твердынями, если в наших руках окажутся железо и нефть Маньчжурии и Монголии. Поистине Маньчжурия и Монголия являются сердцем нашей империи.

3. Аммониевый сульфат и другие сельскохозяйственные удобрения

Для производства продовольствия необходимы сельскохозяйственные удобрения. Химические удобрения, основу которых составляет сера, можно получить из угля. Особенно богат в этом отношении фушуньский уголь.

Это не только поможет развитию нашего сельского хозяйства, но и обеспечит нам возможность наводнить туковыми удобрениями сельскохозяйственные предприятия всего Китая и стран Южных морей.

4. Натрий и кальцинированная сода

Как натрий, так и кальцинированная сода имеют важнейшее значение для военной и химической промышленности. Натрий получают из соли и угля, которые в изобилии находятся в Маньчжурии и Монголии. Мы построим заводы, которые будут перерабатывать это дешевое сырье, и полностью обеспечим себя сырьем для военно-химической промышленности.

5. Магnezит и алюминий

Согласно данным Южно-Маньчжурской железной дороги и заявлению д-ра Хонта из университета Тохоку, в Маньчжурии в изобилии имеются магнезитовые и алюминиевые руды. Магнезит и алюминий — важнейшие материалы, необходимые для производства самолетов, медицинской аппаратуры, некоторых видов военного снаряжения и т. п. Эти ценные минералы необходимы для нашей промышленности и национальной обороны. Их производство должно быть обособлено от компании Южно-Маньчжурской железной дороги. Сырье должно поступать на переработку в собственно Японию. Мы должны создать — тайно от английских и американских капиталистов — крупные запасы этих минералов. Захватив в свои руки залежи магнезита и алюминия в Трех восточных провинциях, мы сможем заставить водную силу реки Ялу перерабатывать их. Так как авиация неуклонно развивается, то в будущем весь мир будет обращаться к нам за материалами, необходимыми для строительства самолетов.

Если все эти предприятия будут отделены от ЮМЖД и станут самостоятельными, они смогут быстро развиваться и давать в среднем 60 миллиардов иен прибыли в год. Южноманьчжурская промышленность будет играть всевозрастающую роль в нашей национальной обороне и экономическом развитии.

Когда эти крупные предприятия обретут независимость и освободятся от вмешательства наших чиновников, они, конечно, станут центрами процветания нашей империи. Поскольку эти компании будут носить экономический характер, они смогут развиваться, не возбуждая подозрений держав и не вызывая антияпонского движения со стороны населения Трех восточных провинций. При помощи подобных явных и тайных методов мы легко сможем обеспечить формирование нашей новой континентальной империи.

Для нашего дальнейшего успешного продвижения в Южную Маньчжурию мы должны вытеснить китайцев при помощи вложения крупных капиталов.

Прежде всего мы должны направить наших иммигрантов в Северную Маньчжурию, прервать дружественные связи между Россией и Китаем и захватить в свои руки природные богатства страны. В то же время мы должны воспрепятствовать осуществлению враждебных по отношению к нам планов России в Китае. Наша дальнейшая политика в Маньчжурии заключается в непосредственном проникновении в Северную Маньчжурию и вложении капиталов в Южную Маньчжурию. Мы должны привлечь к этому и иностранные капиталы. Благодаря этому мы сможем облегчить наше развитие и в то же время ослабить сопротивление держав нашему неумолимому проникновению в Северную Маньчжурию.

Необходимость создания министерства по делам колоний

Наша деятельность в Маньчжурии принимает различные формы. Люди, стоящие у власти, зачастую настолько расходятся во мнениях, что даже наиболее выгодные мероприятия кончаются неудачей. Вследствие медлительности наша деятельность часто разоблачается, и мукденское правительство использует это для пропаганды во вред нашей стране. Если в Маньчжурии или Монголии проектируется какое-либо новое предприятие, то этот вопрос обсуждается в Дайрене на десятках конференций. Поэтому проходят месяцы, пока получается какой-либо результат. Тем временем китайцы с помощью какого-нибудь японского авантюриста пытаются узнать наши секреты, и, прежде чем мы приступаем к выполнению своих планов, о них уже знают китайцы, а значит, и весь мир. Мировое общественное мнение обращается против нас, и мы таким образом наталкиваемся на величайшие затруднения при проведении нашей политики в Маньчжурии и Монголии. Партия, находящаяся в оппозиции, обычно также использует это обстоятельство для нападков на правительство.

Мы должны изменить методы нашей работы. Центр контроля должен быть перенесен в Токио. Это, во-первых, обеспечит секретность, во-вторых, помешает Китаю преждевременно узнавать о наших планах, в-третьих, избавит нас от подозрительного отношения держав к нашим проектам, до того как эти проекты начинают проводиться в жизнь, в-четвертых, устранит нынешний четверной контроль в Маньчжурии и Монголии и, наконец, в-пятых, обеспечит тесную связь между Маньчжурией и Монголией и нашим центральным правительством, что даст нам возможность сосредоточить все свое внимание и силы на Китае.

Нам следует учредить министерство по делам колоний, которое руководило бы нашим проникновением в Маньчжурию и Монголию. Номинально оно ведало бы управлением наших колоний: Тайваня, Кореи и Сахалина, а фактически занималось бы вопросами продвижения в Маньчжурии и Монголии.

Это поможет нам обмануть весь мир и лучше скрыть от него отсутствие единства внутри нашей страны.

Создав министерство по делам колоний, мы перенесем в Токио центр управления нашей деятельностью в Маньчжурии и Монголии. Наши чиновники будут там лишь получать и выполнять приказы, но окажутся лишенными возможности вмешиваться по своему произволу в нашу политику. Это обеспечит должное соблюдение секретности, и враждебная страна не сможет проникнуть в тайны нашей колониальной деятельности. Международное общественное мнение лишится возможности следить за нашим продвижением в Маньчжурии и Монголии, а следовательно, не сможет и вмешиваться в нашу деятельность в этом районе.

Что касается таких отделившихся от компании ЮМЖД предприятий, как Общество поощрения промышленного развития, Земельное общество, Кредитное общество и другие, то контроль над ними тоже должен осуществляться министерством по делам колоний. Они должны находиться под единым контролем, для того чтобы помочь нам в нашем проникновении в Маньчжурию и Монголию, и, таким образом, содействовать строительству новой империи на материке.

(История войны на Тихом океане.
Т. I. С. 337—358)

Основные принципы национальной политики

(Принято Советом пяти министров
7 августа 1936 года)

I. Основа нашего государственного правления состоит в том, чтобы, базируясь на великом принципе, устанавливающем взаимоотношения между императором и его подданными, укрепить внутрисоциальную основу, обеспечить осуществление миссии империи в области внешней политики, превратить империю номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии, обеспечить мир на Востоке и внести тем самым свой вклад в дело обеспечения спокойствия и благоденствия всего человечества, осуществив таким образом идеалы, завещанные нам со дня создания современного японского государства.

Учитывая внутреннее и международное положение, империя считает главным в своей национальной политике обеспечение с помощью координированных действий дипломатии и военных кругов своих позиций на Восточно-Азиатском континенте и расширение продвижения на юг. Основные принципы этой программы национальной политики заключаются в следующем:

I. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного сосу-

ществования и процветания является воплощением духа императорского пути и должно быть постоянным и руководящим принципом нашей внешней политики.

2. Осуществление мероприятий по усилению государственной обороны, необходимых для обеспечения безопасности империи, ее процветания и утверждения империи как номинальной и фактической стабилизирующей силы в Восточной Азии.

3. Ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-го и укрепления японо-маньчжурской обороны; обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития, заключающегося в тесном японо-маньчжуро-китайском сотрудничестве — такова основа нашей политики на материке. При реализации этой политики следует обратить внимание на сохранение дружественных отношений с великими державами.

4. Расширение нашего национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран южных морей. Продвижение наших сил в эти районы следует осуществить постепенно, мирными средствами, всячески избегая шагов, которые могут подействовать возбуждающе на другие страны. Таким путем, наряду с завершением строительства государства Маньчжоу-го, мы сможем обеспечить дальнейшее усиление нашей государственной мощи.

II. Все внешние и внутренние мероприятия следует осуществлять в соответствии с вышеуказанными основными принципами национальной политики. Надлежит произвести следующее обновление всей политики в соответствии с современным положением:

1. Упорядочение мероприятий по усилению государственной обороны:

а) военные приготовления в армии заключаются в увеличении расположенных в Маньчжоу-го и Корее контингентов войск настолько, чтобы они могли противостоять вооруженным силам, которые Советский Союз может использовать на Дальнем Востоке, и в частности были бы способны в случае военных действий нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке Вооруженным Силам Советского Союза;

б) военные приготовления на флоте заключаются в увеличении его мощи до такой степени, которая обеспечила бы ему господствующее положение против морского флота США в западной части Тихого океана.

2. Наша внешняя политика должна быть обновлена. Ее главная задача — содействовать осуществлению основных принципов национальной политики. В целях обеспечения успешной дипломатической деятельности военные круги должны избегать открытых действий и оказывать ей помощь тайно.

3. Для обновления и улучшения деятельности политико-административного аппарата, обеспечения финансово-эконо-

мической политики и разрешения других вопросов управления в соответствии с основными принципами национальной политики предлагается провести следующие мероприятия:

а) создать единое общественное мнение внутри страны и руководить им; укреплять решимость народа; найти выход из чрезвычайного положения;

б) внести соответствующие улучшения в работу административного аппарата и экономических организаций с тем, чтобы развить необходимые для осуществления национальной политики отрасли производства и торговли;

в) принять соответствующие меры для стабилизации жизни народа, его физического укрепления и идейного оздоровления;

г) осуществить необходимые мероприятия для скорейшего развития воздушного и морского транспорта;

д) ускорить обеспечение автаркии в деле удовлетворения нужд обороны и промышленности необходимыми ресурсами и важнейшими видами сырья;

е) наряду с обновлением дипломатического аппарата, укрепить информационно-пропагандистские органы, усилить дипломатическую активность и культурную деятельность за границей.

(История войны на Тихом океане.
Т. II. С. 340—343)

Соглашение против коммунистического «интернационала» (антикоминтерновский пакт)

(Подписано 25 ноября 1936 года в Берлине.
Опубликовано 27 ноября 1936 года)

Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, сознавая, что целью коммунистического «интернационала» (так называемого «коминтерна») является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам,

будучи убеждены, что терпимое отношение к вмешательству коммунистического «интернационала» во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире,

и выражая свое намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение.

Статья 1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно информировать друг друга относительно деятельности коммунистического «интернационала», консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных

мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа коммунистического «интернационала», принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба текста являются аутентичными. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе договаривающиеся стороны одновременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть взаимопонимания относительно характера их дальнейшего сотрудничества.

В подтверждение вышеизложенного настоящее соглашение подписали и приложили печати следующие лица, облеченные соответствующими полномочиями своих правительств.

Составлено в Берлине в двух экземплярах 25 ноября 11 года Сёва, что соответствует 25 ноября 1936 года.

Дополнительный протокол

При подписании Соглашения против коммунистического «интернационала» полномочные представители относительно этого соглашения договорились о нижеследующем:

а) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут поддерживать тесное сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности коммунистического «интернационала», а также по поводу принятия разъяснительных и оборонительных мер в связи с деятельностью коммунистического «интернационала»;

б) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут принимать в рамках ныне действующего законодательства строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей состоящих на службе коммунистического «интернационала» или содействующих его подрывной деятельности;

в) в целях облегчения указанного в пункте «а» сотрудничества между соответствующими властями обеих высоких договаривающихся сторон будет учреждена постоянная комиссия, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры, необходимые для предотвращения подрывной деятельности коммунистического «интернационала».

Составлен в Берлине 25 ноября 11 года Сёва, что соответствует 25 ноября 1936 года.

Секретное соглашение, прилагаемое к антикоминтерновскому пакту

Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, признавая,

что правительство Союза Советских Социалистических Республик стремится к реализации целей коммунистического «интернационала» и намерено использовать для этого свои вооруженные силы,

и будучи убеждены в том, что это является серьезнейшей угрозой существованию не только государств, но и существованию мира во всем мире,

в целях защиты своих общих интересов договариваются о нижеследующем:

Статья 1. В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

Статья 2. Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

Статья 3. Настоящее соглашение составлено на японском и немецком языках, причем оба экземпляра имеют одинаковую силу. Настоящее соглашение вступает в силу одновременно с Соглашением против коммунистического «интернационала» и имеет одинаковый с ним срок действия.

В подтверждение вышеизложенного настоящее соглашение подписали и приложили печати лица, облеченные соответствующими полномочиями своих правительств.

Составлено в Берлине в двух экземплярах 25 ноября 1936 года, или 25 ноября 11 года Сёва.

(История войны на Тихом океане.
Т. II. С. 343—346)

**Тройственный пакт между Японией,
Германией и Италией**

(Подписан 27 сентября 1940 г.)

Правительство Великой Японской Империи, правительство Германии и правительство Италии,

признавая, что предварительным и необходимым условием сохранения длительного мира является предоставление

каждому государству возможности занять свое место в мире, считают основным принципом создание и поддержание нового порядка, необходимого для того, чтобы народы в соответствующих районах Великой Восточной Азии и Европы могли пожинать плоды сосуществования и взаимного процветания,

выражают решимость взаимно сотрудничать и предпринимать согласованные действия в указанных районах в отношении усилий, основывающихся на этой доктрине.

Правительства трех держав, преисполненные стремлением к сотрудничеству со всеми государствами, которые прилагают подобные усилия во всем мире, полны желания продемонстрировать свою непреклонную волю к миру во всем мире, для чего правительство Великой Японской Империи, правительство Италии, правительство Германии заключили нижеследующее соглашение:

Статья 1. Япония признает и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии.

Статья 3. Япония, Германия и Италия соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе; если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами.

Статья 4. В целях осуществления настоящего пакта безотлагательно создается смешанная комиссия, назначаемая правительством Японии, правительством Германии и правительством Италии.

Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никаким образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу с момента его подписания. Срок действия пакта — десять лет со дня вступления в силу. В любой момент в течение этого периода по требованию одной из держав, заключивших пакт, договаривающиеся стороны обсудят вопрос пересмотра настоящего договора.

(История войны на Тихом океане.
Т. III. С. 363—364)

Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом

(Подписан 13 апреля 1941 года)

Великая Японская Империя и Союз Советских Социалистических Республик, руководимые желанием укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить пакт о нейтралитете и договорились о нижеследующем:

Статья 1. Обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящий пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими договаривающимися сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио также в возможно короткий срок.

(Внешняя политика СССР:

Сб. документов. Т. IV. М., 1946. С. 550)

Документы японского правительства и ставки *

№ 1. Из стенограммы 32-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 25 июня 1941 г.

Министр иностранных дел Мацуока. Подписание Пакта о нейтралитете (с Советским Союзом.— А. К.) не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Это я объяснил после моего возвращения в Японию (из Германии и Советского Союза.— А. К.). К тому же Советский Союз пока никак не реагировал. Собственно говоря, я заключил Пакт о нейтралитете, так как считал, что Германия и Советская Россия не начнут войну **. Если бы я знал, что

* Стенограммы проводившихся летом 1941 г. заседаний координационного комитета правительства и императорской ставки и императорских совещаний публикуются в Советском Союзе впервые. Источники: Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан) Сирэхэн; Japan's Decision for war. Records of the 1941 Policy Conferences (Перевод автора).

** Видимо, имелось в виду «сейчас не начнут войну».— А. К.

они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать Пакт о нейтралитете. Я заявил Отту (посол Германии в Японии.— А. К.), что мы останемся верными нашему союзу, несмотря на положения (советско-японского) Пакта, и, если мы будем намерены что-то предпринять, я буду информировать его по мере возникновения необходимости. В том же духе я говорил с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана). Какое впечатление произвели ваши слова на советского посла?

Мацуока. «Япония сохраняет спокойствие, но никакой ясности нет»,— вот что он сказал, и, я полагаю, это были его подлинные чувства.

Некто. Меня интересует, не считал ли он, что Япония сохраняет верность Тройственному пакту и неверна Пакту о нейтралитете?

Мацуока. Я не думаю, что у него сложилось такое впечатление. Конечно же я не говорил ему о разрыве Пакта о нейтралитете.

Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Я хочу скорейшего принятия решения по поводу нашей национальной политики. Отт продолжал говорить о перебросках советских дальневосточных войск на Запад.

Военный министр Годзио. Переброска дальневосточных войск на Запад, вне всякого сомнения, оказывает сильное воздействие на Германию, но, разумеется, Япония не должна излишне переживать по этому поводу. Мы не должны полностью полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава. От имени флота я хочу сделать некоторые замечания о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней деликатной международной обстановке не следует говорить об отдаленном будущем без консультаций с Верховным командованием. Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу войны одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом. Представьте, если Советы и американцы будут действовать вместе и Соединенные Штаты развернут военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и т. д. на советской территории. Представьте, если базирующиеся во Владивостоке подводные лодки будут переведены в Соединенные Штаты. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Чтобы избежать подобной ситуации, не следует планировать удар по Советской России, нужно готовиться к движению на юг. Флот не хотел бы провоцировать Советский Союз.

Мацуока. Вы сказали, что не опасаетесь войны с Соединенными Штатами и Британией. Тогда почему вы не желаете вовлечения в войну Советов?

Оикава. Если Советы выступят, это означает ведение

войны дополнительно с еще одним государством, не так ли? Как бы то ни было, не следует предвосхищать будущее.

Мацуока. Разве я когда-либо говорил в подобном духе? Именно поэтому я считаю, что мы должны спешить и принять решение на основе принципов нашей национальной политики.

Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника в Сибири будут переброшены на Запад? Разве не должны мы прибегнуть по крайней мере к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры. Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша империя занимает твердые позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока. В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто. Что бы вы ни предпринимали, не допускайте поспешности в действиях.

№ 2. Из стенограммы 33-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 26 июня 1941 г.

Повестка обсуждения: Проект документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки».

Мацуока. Мне не понятна фраза «предпринять шаги для продвижения на юг» и слово «также» в фразе «также разрешить северную проблему»...

Начальник генерального штаба армии Сугияма. Что вы хотите знать? Вы хотите знать, что важнее — Юг или Север?

Мацуока. Это то, что я хочу знать.

Сугияма. Здесь нет различий по важности. Мы намерены наблюдать, как будет развиваться ситуация.

Мацуока. Означает ли фраза «предпринять шаги для продвижения на юг», что мы не предпримем действий на Юге в ближайшем будущем?..

Зам. начальника генерального штаба армии Цукада. Хорошо, тогда я выскажусь определенно. Между Севером и Югом нет различий по важности. Порядок и метод (действий) будут зависеть от обстановки. Мы не можем действовать на обоих направлениях одновременно. В данный момент мы не можем решить, что будет первым — Север или Юг...

Мацуока. Что произойдет, если обстановка не изменится в особо благоприятном для нас направлении?

Цукада. Мы пойдём вперед, если почувствуем, что условия особо благоприятные, и не выступим, если они будут неблагоприятные. Поэтому мы включили (в проект документа) слова «особо благоприятные». К тому же существуют разные точки зрения. Даже если Германия будет считать условия особо благоприятными, но они не будут благоприятными для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, мы выступим, если они будут благоприятны для нас.

Министр внутренних дел Хиранума. Можно вступить в войну без использования военной силы. Вступление в войну есть вступление в войну, даже если не используются вооруженные силы. Хотя министр иностранных дел сказал, что состояние войны, то есть вступление в войну, и использование вооруженных сил не могут быть разделены, нельзя ли вступить в войну без применения вооруженных сил?

Мацуока. Согласен. Возможен период между вступлением в войну и использованием вооруженных сил...

№ 3. Из стенограммы 34-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 27 июня 1941 г.

Мацуока. Я получил несколько сообщений от Осима (посол Японии в Германии.— А. К.). Их суть состоит в том, что проведение политики нашей Империи может оказаться довольно трудным, когда германо-советская война завершится в короткие сроки, а германо-британская война будет закончена этой осенью или до конца года. Мы не можем слишком долго ждать выявления тенденций развития обстановки...

Ранее я составил план (координации) дипломатии и военных операций и с тех пор много о нем размышлял. Хотя я оценивал возможности начала германо-советской войны на 50 процентов, эта война уже разразилась. Я согласен с вчерашним проектом генеральных штабов армии и флота, но у меня есть некоторые соображения с точки зрения дипломатии...

Между Германией и Советским Союзом началась война. Несмотря на то, что наша Империя некоторое время может выждать и следить за развитием обстановки, в конце концов мы будем вынуждены принять важное решение и как-то выйти из создавшегося сложного положения. Если мы придем к заключению, что германо-советская война быстро закончится, встанет вопрос о первоначальном направлении удара на Север или на Юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на Севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединен-

ные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз. В общем Соединенные Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чем-то и ошибаться, тем не менее надо нанести удар сначала на Севере, а затем уже идти на Юг. Если мы пойдем вначале на Юг, нам придется воевать и с Британией, и с Соединенными Штатами.

...Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырёх месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте Верховного командования, мы будем окружены Британией, Соединенными Штатами и Россией. Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге. Если ничего не предпринимать, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия.

Тодзио. Как соотносится (эта проблема) с китайским инцидентом? *

Мацуока. До конца прошлого года я придерживался мнения о том, чтобы сначала выступить на Юге, а затем на Севере. Я считал, что, если мы нанесем удар на Юге, китайская проблема будет разрешена. Однако этого не произошло. Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией.

Тодзио. Считаете ли вы, что мы должны ударить на Севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?

Мацуока. Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае.

Тодзио. Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено.

Оикава. Мировая война продлится лет десять. За это время китайский инцидент уйдет в небытие. В течение этого периода мы сможем без труда нанести удар на Севере.

Мацуока. Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не можем отказаться от Тройственного пакта. Мы могли бы с самого начала уклониться от заключения Пакта о нейтралитете. Если мы намерены говорить об отказе от Тройственного пакта, тогда надо быть готовыми к неопределенному будущему. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще неясна.

Хиранума. Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело. Предлагаете ли вы безотлагательно напасть на Советскую Россию, немед-

* Имеется в виду агрессия Японии в Китае.

ленно вступить в войну против Советов, рассматривая это с точки зрения национальной политики?

Мацуока. Да.

Хиранума. Хотя в наши дни приходится вершить дела в спешке, мы должны быть хорошо подготовлены. Вы говорите об использовании военной силы, но это требует подготовки... Короче говоря, разве нам не требуется время для достижения полной готовности?

Мацуока. Я хотел бы иметь решение о нанесении первоначального удара на Севере и сообщить об этом намерении Германии.

Сугияма. Нравственная и благородная дипломатия — это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на Север) или нет. Для приведения в готовность Квантунской армии нам потребуется от сорока до пятидесяти дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться.

Мацуока. Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз.

Сугияма. Нет.

№ 4. Из стенограммы 36-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 30 июня 1941 г.

Мацуока. До сих пор я не ошибался в предсказаниях того, что произойдет в следующие несколько лет. Я предсказываю, что, если мы будем вовлечены в действия на Юге, нам придется столкнуться с серьезной проблемой. Может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что это-го не произойдет? К тому же, если мы оккупируем южный Индокитай, возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т. д. Великие люди должны уметь менять свое мнение. Раньше я выступал за движение на Юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления.

Начальник управления военных дел военного министерства Японии Муро. Оккупировав южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово.

Хиранума. Я полагаю, мы должны идти на Север. Вопрос состоит в том, можем ли мы это сделать. Здесь мы должны положиться на мнение военных.

Начальник генерального штаба флота Нагано. Что касается флота, то, если мы выступим на Севере, нам придется переключить всю нынешнюю подготовку с южного направления на северное. Это потребует пятидесяти дней...

Принц Хигасикунни. Что вы можете сказать о планах разрешения северной проблемы?

Премьер-министр Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма. В нынешних условиях следует принять решение после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точки зрения. Мы уже обсудили эту проблему с точки зрения военной стратегии. Но решение о наших планах на Севере необходимо принять только после должного учета требований политической стратегии, определения уровня нашей готовности и ситуации в мире.

Принц Асака. Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда прыгнуть — на Север или Юг. Я считаю, было бы лучше сначала двинуться на Север.

Тодзио. Легко принимать решения в абстрактной форме. Трудность принятия решения состоит в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать.

Хигасикунни. Каковы будут результаты движения на Юг? Что мы будем делать, если Британия, Соединенные Штаты и Советский Союз выступят против нас?

Сугияма. Существует несколько возможных вариантов движения на Юг с точки зрения выбора времени и методов, но с точки зрения обеспечения нашего выживания и самообороны мы думаем пойти до Голландской Ост-Индии. Территории не являются нашей целью. Мы намерены продвигаться таким образом, чтобы избежать худшей из возможностей, то есть одновременного выступления против нас Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза. При этом мы не остановимся перед конфронтацией только с Британией и Соединенными Штатами.

Коноэ. Исходя из того, что говорит мне флот, следует, что нам не удастся достичь всех целей одним ударом. На данном этапе мы продвинемся до Французского Индокитая. Затем мы будем идти шаг за шагом.

Асака. Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?

Коноэ. Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью.

№ 5. Из стенограммы 37-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 1 июля 1941 г.

Министр финансов Кавада. Осуществляет ли армия подготовку к войне?

Сугияма. Да, мы проводим подготовку. В первую очередь мы приводим наши войска в Маньчжурии в боевую готовность. Затем мы осуществим подготовку к наступательным операциям. В это время мы должны проявлять большую осторожность, чтобы войска не вышли из подчинения.

Ц у к а д а. Мы проводим подготовку, и это правильно, но мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск.

К а в а д а. А что думает флот?

З а м е с т и т е л ь н а ч а л ь н и к а г е н е р а л ь н о г о штаба флота К о н д о. Мы должны быть готовы к потере 100 подводных лодок.

Т о д з и о. Необходимо привести наши соединения и части в Маньчжурии в боевую готовность. Мы должны серьезно позаботиться о том, чтобы это осуществлялось втайне.

М и н и с т р т о р г о в л и и п р о м ы ш л е н н о с т и К о б а я с и. Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечить транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствие опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на Юг или на Север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У Империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражения, а также как разрешить китайский инцидент.

№ 6. Из стенограммы императорского совещания 2 июля 1941 г.

Повестка обсуждения: «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки».

Содержание документа:

Политика

1. Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2. Наша Империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на Юг и в зависимости от изменений в обстановке включает также разрешение северной проблемы.

3. Наша Империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

Резюме

1. Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено с целью принудить режим Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент, в зависимости от будущего развития обстановки наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим *, и враждебный иностранный септльмент перейдет под наш контроль.

2. С целью гарантировать безопасность и сохранение нашей Империи будет продолжаться все необходимые дипломатические переговоры по поводу южных районов, а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего на основе документов «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» будут приняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы форсировать наше продвижение в южные районы. При осуществлении указанных планов наша Империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

3. Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей Империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ.

4. При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

5. В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

6. Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на

* Гоминьдановское правительство, находившееся в Чунцине с октября 1938 г. до конца войны.

приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

7. Конкретные планы осуществления этой программы будут выработаны отдельно.

Выступление премьер-министра Коноэ.

Я хочу разъяснить основные положения сегодняшней повестки обсуждения.

Я считаю, что наиболее насущным для нашей Империи является незамедлительное принятие решения о том, какую политику мы должны проводить в связи с нынешней обстановкой в мире, а именно в связи с началом войны между Германией и Советским Союзом и ее последующим развитием, тенденциями в политике Соединенных Штатов, развитием военной обстановки в Европе и урегулированием китайского инцидента. Правительство и секции армии и флота императорской ставки соответственно провели продолжительное обсуждение этих вопросов. В результате был выработан документ «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки», который вынесен сегодня на обсуждение.

Сначала я остановлюсь на политическом разделе. Как неоднократно указывалось в Императорских рескриптах, основой нашей национальной политики является установление сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что должно внести вклад в обеспечение всеобщего мира. Я считаю, что эта национальная политика не должна ни в коей мере пересматриваться в зависимости от изменений и развития ситуации в мире.

Не приходится и говорить, что для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии будет необходимо ускорить разрешение китайского инцидента, вопрос о котором все еще остается открытым. Далее, я также считаю, что для закладывания фундамента безопасности и сохранения нашей нации, с одной стороны, мы должны продвинуться на Юг, а с другой — избавиться от наших трудностей на Севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта (северная проблема) является самой важной не только с точки зрения обороны нашей Империи, но также и для обеспечения стабильности во всей Азии.

Следует ожидать, что стремление достичь этих целей вызовет вмешательство и сопротивление различных государств. Но так как Империя должна безусловно достичь этих целей, мы со всей определенностью заявляем о нашей твердой решимости устранить все препятствия...

Начальник генерального штаба армии и начальник генерального штаба флота сделают сообщения по вопросам, касающимся размещения вооруженных сил и проведения (воен-

ных и военно-морских) операций, а министр иностранных дел остановится на дипломатических проблемах.

На этом я завершаю свое выступление.

Выступление начальника генерального штаба армии Су-гияма.

Позвольте изложить принципиальные положения. По поводу разрешения китайского инцидента. В нынешних условиях я считаю, что для ускорения разрешения этого инцидента нашей Империи абсолютно необходимо усилить прямое давление на чунцинский режим. Двигаясь в южном направлении, мы сможем нарушить связи между чунцинским режимом и Британией и Соединенными Штатами, которые, оказывая поддержку с тыла, поощряют этот режим к продолжению сопротивления. Продвижение наших войск в южную часть Французского Индокитая преследует именно эти цели.

Далее, я считаю, что для ускорения капитуляции чунцинского режима было бы эффективным и выгодным для нас осуществить наше право воюющей державы и установить контроль над иностранным селтльментом в Китае, выбрав удобный для этого момент. Таким моментом могут быть объявление Соединенными Штатами войны Германии, введение Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией торгового эмбарго в отношении Японии, приобретение нашей Империей опорных пунктов в южной части Французского Индокитая.

По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с германо-советской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимает меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей Империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблемы на Севере и обеспечения безопасности наших северных границ. Поэтому чрезвычайно важно для нас сохранять в тайне необходимую подготовку к военным операциям и обеспечивать независимую позицию.

При этом я считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей принципиальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма.

Выступление начальника генерального штаба флота Нагао.

Позвольте изложить принципиальные соображения.

По поводу разрешения южной проблемы. Я считаю, что в нынешних условиях для того, чтобы поддерживать нашу оборону на Юге и добиться самообеспечения в рамках сферы совместного сопроцветания Великой Восточной Азии, наша Империя должна предпринять незамедлительные шаги по неуклонному продвижению в южном направлении, используя в сочетании политические и военные меры в отношении ключевых районов на Юге и согласуясь с развитием обстановки.

Однако Великобритания, Соединенные Штаты и Голландия последовательно усиливают свое давление на Японию. Если они будут упорно продолжать создавать для нас препятствия и если наша Империя сочтет невозможным мириться с этим, мы, вероятно, и это следует предвидеть, в конце концов будем вынуждены пойти на войну с Великобританией и Соединенными Штатами. Поэтому мы должны быть готовы к этому, быть исполнены решимости не останавливаться перед такой возможностью. В качестве первого шага нам необходимо осуществить политику в отношении Французского Индокитая и Таиланда в соответствии с документами «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» и тем самым повысить наши возможности для дальнейшего движения в южном направлении.

По поводу отношения нашей Империи к американскому участию в войне. Не приходится и говорить, что, если Соединенные Штаты вступят в войну в Европе, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Эти действия не должны быть ограничены выполнением наших обязательств по оказанию помощи Германии и Италии. Я считаю, что нам следует стремиться к осуществлению нашей политики по созданию сферы совместного сопроцветания Великой Восточной Азии, даже если это в конечном счете потребует использования вооруженной силы.

Однако нельзя предсказать, когда и при каких условиях Соединенные Штаты могут вступить в войну в Европе. Поэтому я считаю необходимым для нас принять независимое решение: когда и каким образом мы должны использовать вооруженные силы против Великобритании и Соединенных Штатов, учитывая при этом существующее на сегодняшний день положение.

Выступление министра иностранных дел Мацуока.

Позвольте изложить вопросы, касающиеся дипломатии.

Было определено и остается неизменным, что наша основная национальная политика состоит в создании сферы совместного сопроцветания Великой Восточной Азии, что необходимо для достижения долговременного мира во всем мире. Мы проводили наш внешнеполитический курс, придерживаясь этой национальной политики и учитывая наличие таких проблем, как китайская, отношения с Соединенными Штатами, развитие европейской ситуации и южная проблема.

Однако с началом войны между Германией и Советским Союзом возникла новая ситуация. В связи с этим в дипломатическом плане я считаю жизненно важным вновь подтвердить нашу позицию по поводу нынешней национальной политики.

Как сейчас заявили начальники генеральных штабов армии и флота, для проведения нашей дипломатии необходимо заблаговременно решить, какие обстоятельства потребуют от нас использования силы. Однако не вызывает сомнения, что, даже если мы в конце концов будем вынуждены прибегнуть к силе, необходимо делать все от нас зависящее, чтобы попытаться достичь наших целей дипломатическими средствами. Например, в разрешении китайского инцидента мы будем, с одной стороны, прилагать усилия для укрепления национального правительства в Нанкине, а с другой, оказывая воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского режима, различными дипломатическими методами принуждать его к капитуляции. Имеется в виду реорганизация этого режима с целью или формирования коалиции с национальным правительством, или склонения его к мирным переговорам. Эти меры облегчат проведение нашей политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда, будут способствовать удовлетворению наших требований на Юге в соответствии с документами «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга». Далее, наша дипломатическая политика в связи с войной между Германией и Советским Союзом должна основываться на целях и проводиться в духе Тройственного пакта. Однако нам необходимо строить нашу дипломатию с учетом всего спектра проблем, возникающих в зоне Великой Восточной Азии.

Я считаю, что для нас важно быть готовыми к проведению нашей внешней политики в отношении Советского Союза таким образом, чтобы это отвечало реальностям, на которые указывает Верховное командование. В наших отношениях с Соединенными Штатами мы должны проявлять величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не допустить вступления Америки в европейскую войну и предотвратить ее столкновение с нашей страной...

Председатель Тайного совета Хара. Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским

Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии. Направляла ли Германия какие-либо послания с просьбой к нам напасть на Советский Союз?

М а ц у о к а. ...Что касается сотрудничества с Германией в германо-советской войне, Риббентроп запрашивал нас об этом 26 июня, а затем вновь телеграфировал по этому поводу 28 июня. В это время мы обсуждали содержание документа «О форсировании политики в отношении Юга». Мы ожидали войну между Германией и Советским Союзом. Поэтому не следует создавать у Германии впечатление, будто мы уклоняемся от наших обязательств.

Х а р а. Высказывались ли какие-либо пожелания со стороны Советского Союза?

М а ц у о к а. Четыре дня спустя после начала войны между Германией и Советским Союзом мы ответили, что война не имеет отношения к Тройственному пакту, и с тех пор Советский Союз не заявлял никаких протестов. Советский Союз запрашивал нас, каково будет отношение Японии к нынешней войне. Мы ответили, что у нас пока не принято решение по этому вопросу.

Несколько дополнительных замечаний по этому вопросу. Даже если наша Империя не примет участия в войне между Германией и Советским Союзом, это не будет актом предательства по отношению к букве Тройственного пакта. Что же касается духа союза, то я думаю, для нас было бы правильным принять участие в этой войне.

Х а р а. Кто-то может сказать, что в связи с Пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтёт это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен.

Я хотел бы избежать войны с Соединёнными Штатами. Я не думаю, что Соединённые Штаты предпримут какие-либо действия, если мы нападём на Советский Союз.

У меня есть еще один вопрос. Было сказано, что, проводя нашу политику в отношении Французского Индокитая, мы готовы, если потребуется, к ведению войны против Великобритании и Соединённых Штатов. Предстоящее овладение базами в Индокитае рассматривается как подготовка к войне с Великобританией и Соединёнными Штатами. Готовы ли мы уже к войне с ними? Я думаю, такая война может начаться, если мы предпримем действия против Индокитая. Каково ваше мнение по этому поводу?

М а ц у о к а. На ваш вопрос ответить трудно. Нас беспокоит то, что офицеры на участках передовой линии настроены

воинственно, они убеждены, что мы используем силу. Война против Великобритании и Соединенных Штатов едва ли начнется, если мы будем продвигаться с большими предосторожностями. Конечно же я упомянул воинственное поведение офицеров, полагаясь на мудрость Верховного командования.

Из-за войны между Германией и Советским Союзом германское вторжение в Великобританию будет отложено. Поэтому Великобритания и Соединенные Штаты могут полагать, что Германия не предпримет попытки вторжения на Британские острова. Но я считаю, что Германия, возможно, сделает это, еще будучи занятой в войне с Советским Союзом. Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет. Если Германия вторгнется в Великобританию, Соединенные Штаты должны будут всерьез задуматься, принимать ли им участие в войне. Или, с другой стороны, они могут предпринять активные действия против Японии с севера. С точки зрения американского национального характера я склоняюсь к вероятности второго варианта. Поэтому сейчас очень трудно выносить какое-то суждение.

Х а р а. Я хотел бы прояснить для себя, вступят ли Соединенные Штаты в войну, если Япония предпримет действия против Индокитая?

М а ц у о к а. Я не могу исключить такую возможность.

С у г и я м а. Наша оккупация Индокитая, безусловно, может спровоцировать Великобританию и Соединенные Штаты. После нашего успешного посредничества в споре за Индокитай в начале этого года наше влияние здесь и в Таиланде значительно усилилось. Однако в настоящее время происки Великобритании и Соединенных Штатов в Таиланде и Индокитае постоянно расширяются, и нам трудно предположить, что может произойти в будущем. При нынешнем положении дел Япония должна решительно проводить политику, которую она наметила. Эта политика совершенно необходима для пресечения происков Великобритании и Соединенных Штатов.

Будущее развитие германо-советской войны окажет значительное воздействие на Соединенные Штаты. Если Советский Союз потерпит скорое поражение, сталинский режим, вероятно, развалится, и Соединенные Штаты, видимо, не вступят в войну. Если расчеты Германии не будут оправдываться и война затянется, возможность вступления Америки в войну возрастет. Пока ситуация в войне будет в пользу Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония и двинется во Французский Индокитай. Разумеется, мы предпочли бы осуществить это мирными средствами. Мы также хотели бы предпринять действия в Таиланде, но это может вызвать серьезные последствия, так как Таиланд расположен рядом с Малайей. В настоящее время мы про-

двинемся только до Индокитая. Мы проявим осторожность в направлении наших войск в Индокитай, так как это окажет огромное влияние на нашу будущую политику в отношении Юга.

Х а р а. Понимаю. Я полностью согласен с вами. Думаю, правительство и Верховное командование единодушны в этом вопросе, т. е. в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы избежать столкновения с Великобританией и Соединенными Штатами. Я считаю, что Япония должна избежать военных действий против Соединенных Штатов, по крайней мере в нынешней ситуации. При этом я также прошу правительство и Верховное командование нанести удар по Советскому Союзу как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен, поэтому я надеюсь, что вы проведете подготовку с целью приблизить начало боевых действий. Мне остается лишь надеяться, что эта политика будет осуществлена, как только будет принято решение. Из приведенных мною доводов следует, что я полностью согласен с вынесенными на сегодняшнее обсуждение предложениями.

Т о д з и о. Я разделяю мнение господина Хара, председателя Тайного совета. Однако наша Империя сейчас связана китайским инцидентом, и, я надеюсь, председатель Тайного совета понимает это.

Министр иностранных дел Мацуока сейчас высказал свое мнение по поводу молодых офицеров. Как лицо ответственное за поведение солдат и весь личный состав вооруженных сил, я хотел бы сказать несколько слов по поводу замечаний министра иностранных дел, сделанных в присутствии императора.

Министр иностранных дел намекнул, что некоторые находящиеся на передовой военнослужащие проявляют нетерпение. Однако я хочу заявить, что армия действует по приказам императора. То, на что намекает министр иностранных дел, никогда не может произойти. Мы будем прибегать к строгим (дисциплинарным) мерам в отношении войск, посланных во Французский Индокитай. Согласовать военные и дипломатические акции очень трудно. Я постараюсь избежать проблем такого рода в сотрудничестве с Верховным командованием.

С у г и я м а. Полностью согласен с военным министром. Мы примем строгие меры контроля, чтобы не допустить неправильных действий. Можете быть спокойны в связи с этим. Хочу воспользоваться возможностью изложить ситуацию, в которой находится Квантунская армия. Из тридцати дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке.— А. К.) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию. С другой стороны, Квантунская армия находится в положении, о котором я ранее докладывал. Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла защитить себя, способствовать проведению дипломатических

переговоров, быть в готовности к наступлению и предпринять наступление, когда появятся благоприятные условия. Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом проявятся через пятьдесят — шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами. Вот почему в наши предложения внесена фраза «пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт».

Сугияма (замечания после завершения совещания). На протяжении всего совещания никто не высказался от имени флота. Начальник генерального штаба флота Нагано один раз хотел взять слово, когда были вопросы по поводу южной части Французского Индокитая, но воздержался, когда кто-то другой встал и начал говорить.

Вопросы, которые задавал председатель Тайного совета Хара, были уместны и точны. Император выглядел весьма удовлетворенным. Ответы правительства и Верховного командования были четкими и удачными...

Ц у к а д а. Это резюме является государственной тайной и не может быть разглашено ни при каких обстоятельствах. Я передам каждому из вас официальный документ, поэтому будьте любезны вернуть мне розданные ранее тексты.

№ 7. Из стенограммы 43-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 1 августа 1941 г.

Повестка обсуждения: «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом».

Основное содержание обсуждения. Начальник генерального штаба армии доложил об оккупации Французского Индокитая и о направлении войск на Север. Затем было изложено содержание документа «Потребности мобилизации ресурсов для проведения войны». Далее министр иностранных дел Тоёда представил документ «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» и дал общий обзор обстановки. Состоялся некоторый обмен мнениями, однако принятие решения было отложено до следующего заседания.

В ходе обсуждения были высказаны следующие аргументы: Империя должна руководствоваться целями, изложенными в Тройственном пакте. Можно сделать поворот на 90 или даже 180 градусов, однако необходимо неуклонно двигаться вперед. Тройственный пакт создает условия для установления нового порядка в Европе и установления японского нового порядка в Восточной Азии. От этого нельзя отказаться. Даже если возникнут внешние препятствия, необходимо придерживаться Тройственного пакта. Представляется невозможным открыто заявить о соблюдении Пакта о нейтралитете или давать твердые обещания на этот счет. Бывший министр иностранных дел Мацуока утверждал, что Пакт о нейтралитете

тете не оказывает влияния на Тройственный пакт. Было бы неверным, отмечали присутствовавшие, говорить сейчас подобное Советскому Союзу. Общее мнение сводилось к тому, чтобы не принимать позиции Мацуока.

При разъяснении содержания документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» было высказано мнение, что германо-советская война будет длительной. Начальник генерального штаба армии и военный министр опровергли это, заявив: «Это вовсе не обязательно. Тот факт, что в настоящее время в вооруженной борьбе на советско-германском фронте нет должного продвижения вперед, играет на руку немцам... Весьма вероятно, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно затягивать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Военно-морской министр согласился с этим мнением.

№ 8. Из стенограммы 44-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 4 августа 1941 г.

Повестка обсуждения: «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом».

Заместитель министра иностранных дел Ямамото разъяснил точку зрения своего министерства по поводу документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом» следующим образом:

«Центральным вопросом является интерпретация нейтралитета. Положения этого соглашения допускают различное их толкование, однако практическая проблема состоит в том, дадим ли мы (открыто) обещание соблюдать нейтралитет или мы согласимся (между собой), что будем сохранять нейтралитет. Мы должны одобрить первое или второе.

Что получится, если мы будем вести переговоры с Советами, исходя из такого подхода? Япония не считает, что существует угроза Восточной Азии».

О и к а в а. Фактом является то, что в настоящее время Империя имеет два договора — о союзе и нейтралитете. Это сложная проблема. Нельзя ли вообще не упоминать Пакт о нейтралитете, а в случае переговоров заявить: «Давайте решать те проблемы, которые создают трудности во взаимоотношениях наших двух стран?»

Т о д з и о (и некоторые другие). Тройственный пакт и Пакт о нейтралитете существуют одновременно. Однако с точки зрения международных отношений Тройственный пакт стоит на первом месте, а Пакт о нейтралитете — на втором. На практике все, что мы должны сделать, это определить, как мы будем подходить к этому вопросу с точки зрения национальной политики и т. д.

Было решено, что общая линия будет следующей: можно заявить Советскому Союзу, что, если он будет строго соблю-

дать Пакт о нейтралитете и не будет создавать угрозу Империи на Дальнем Востоке, мы будем придерживаться Пакта о нейтралитете. Если же Советский Союз не будет соблюдать нейтралитет и не займет дружественной позиции или предоставит свои Приморские области или Камчатку третьей державе, Пакт о нейтралитете не будет иметь силы.

Затем состоялся обмен высказываниями между министром иностранных дел и начальником генерального штаба Сугияма по поводу сообщений о том, что некоторые части в Маньчжурии изготовились к наступлению. Сугияма отрицал это.

№ 9. Из стенограммы 45-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 6 августа 1941 г.

Повестка обсуждения: «О мерах Империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и Советским Союзом».

(Резюме: Сначала состоялся общий обмен мнениями. Затем министр иностранных дел доложил о своем разговоре с германским и советским послами. После этого был обсужден и одобрен представленный секциями армии и флота императорской ставки документ «О мерах Империи в связи с нынешним состоянием отношений между Японией и Советским Союзом».)

Министр иностранных дел Тоёда. Вчера я пригласил советского посла и провел с ним беседу на основе первого параграфа документа «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В ответ посол сказал: «У меня были некоторые сомнения по поводу будущего, однако ваше высказывание внесло ясность. Я доложу об этом моему правительству. Вы правы, когда говорите о проблеме разногласий. До сих пор мы следовали пожеланиям Японии и намерены продолжать делать это и в будущем... В любом случае мое правительство и я ценим тот факт, что вы затронули основы вашей внешней политики. Я искренне благодарю вас за откровенные и ясные высказывания». У меня сложилось впечатление, что он почувствовал облегчение. Я поставил в известность посла Татэкава (посол Японии в СССР.— А. К.) о содержании этого разговора.

Сегодня, 6 августа, в 9 часов меня посетил посол Германии Отт, который сказал следующее.

Отт. Мне стало известно, что вы говорили с советским послом. О чем был разговор?

Тоёда. Мы говорили о сотрудничестве в вопросах, касающихся наших концессий на северном Сахалине, чтобы мы могли без помех осуществлять там нашу деятельность...

Отт. Какова будет позиция Японии, если Соединенные Штаты будут направлять оружие Советскому Союзу через Владивосток?

Тоёда. Мы будем вынуждены рассмотреть эту проблему.

От т. Что вы собираетесь делать с Соединенными Штатами?

То ё д а. Соединенные Штаты возбуждены. Прежде всего мы попытаемся успокоить их.

От т. Я слышал, что Япония ведет переговоры о передаче ей районов к востоку от озера Байкал. Что вы можете сказать?

То ё д а. Это неправда.

№ 10. Из стенограммы 47-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 16 августа 1941 г.

Из беседы министра иностранных дел Тоёда с германским послом Оттом:

От т. Я точно не помню, но в одном из посланий бывшего министра иностранных дел Мацуока в Германию было заявлено, что, как только Япония почувствует себя готовой, она свергнет коммунистическую систему (в Советском Союзе.— А. К.). Что произошло с этим планом?

То ё д а. Наши нынешние военные приготовления против Советского Союза являются первым шагом на пути к будущим операциям против Советов. Я полагаю, это отвечает духу Тройственного пакта.

От т. Я считаю ваше заявление о первом шаге на пути к операциям против Советского Союза весьма важным. Я вас хорошо понял.

№ 11. Из стенограммы 50-го заседания координационного комитета правительства и императорской ставки от 3 сентября 1941 г.

Повестка обсуждения: «Программа осуществления государственной политики Империи».

С у г и я м а. Мы не сможем развернуть крупномасштабные операции на Севере до февраля. Для того, чтобы действовать на Севере, мы должны быстро провести операции на Юге. Даже если мы выступим немедленно, сейчас, операции продлятся до весны следующего года. Но мы задерживаемся. И поэтому не сможем действовать на Севере.

№ 12. Из стенограммы императорского совещания 6 сентября 1941 г.

Повестка обсуждения: «Программа осуществления государственной политики Империи» (этот документ был принят на императорском совещании 6 сентября 1941 г.— А. К.).

Текст документа:

Принимая во внимание чрезвычайно напряженную обстановку, сложившуюся в настоящее время, и в особенности действия, предпринятые в отношении Японии Америкой, Англией, Голландией и другими государствами, а также положение Советского Союза, степень возможного использования государственной мощи Империи, мы осуществим предусмотренный «Основными принципами политики Империи в связи с изменением обстановки» курс:

1. В целях обеспечения самообороны и самосохранения

наша Империя исполнена решимости при необходимости вступить в войну с Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией, завершив подготовку к войне ориентировочно к последней декаде октября.

2. Одновременно наша Империя будет предпринимать в отношении Соединенных Штатов и Великобритании всевозможные дипломатические шаги, стремясь достичь наших целей...

3. В случае отсутствия перспектив удовлетворения наших требований к первой декаде октября дипломатическими средствами мы примем незамедлительное решение о начале боевых действий против Соединенных Штатов, Британии и Голландии.

Другие политические мероприятия, выходящие за рамки проблемы движения на Юг, будут осуществляться на основе принятой национальной политики. Будут прилагаться особые усилия для предотвращения создания Соединенными Штатами и Советским Союзом объединенного фронта против Японии.

Из выступления Нагано. Количество важнейших военных материалов, включая нефть, сокращается с каждым днем. Это неизбежно ослабляет нашу национальную оборону и может привести к тому, что при сохранении нынешней ситуации возможность Империи вести активные действия будет уменьшаться день ото дня. В то же время оборона военных объектов американцев и англичан, важных районов на Дальнем Востоке, а также военная подготовка этих стран, особенно США, быстрыми темпами усиливаются. Ко второй половине следующего года военные приготовления Америки значительно продвинутся вперед, и нам будет трудно совладать с ней. Поэтому необходимо признать, что для нашей Империи весьма опасно продолжение бездействия, мы с каждым днем упускаем время...

Военно-морские силы, которые Великобритания сможет направить на Дальний Восток, из-за нынешней войны в Европе будут ограниченными. Отсюда следует, что в случае столкновения с американским флотом, учитывая роль авиации и другие факторы, можно быть в большой степени уверенными в нашей победе...

Из выступления Сугиямы. По поводу северной проблемы. Я считаю, что, пока мы будем вести боевые действия на Юге, этот вопрос не должен нас беспокоить. Тем более что с началом германо-советской войны мы усилили нашу подготовку к возможной войне с Советским Союзом и готовы к любым неожиданностям.

В будущем возможно создание коалиции между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Однако в наступающий зимний период крупномасштабные военные операции (на Севере) очень затруднительны из-за погодных условий. Даже если Соединенные Штаты и Советский Союз объединят усилия

и используют часть своей авиации и подводных лодок, в это время года их боевые возможности будут невелики. Поэтому, если мы воспользуемся зимним периодом и быстро завершим наши военные операции на Юге, я считаю, мы сможем в готовности встретить любые изменения ситуации на Севере, которые могут произойти весной следующего года или в последующий период. С другой стороны, упустив возможности, которые нам предоставляет зимний период, мы не сможем в ходе наших операций на Юге обеспечить безопасность на Севере.

Наконец, есть еще один вопрос, который я хотел бы особо подчеркнуть. Если мы признаем необходимым начать войну на Юге, наша Империя должна немедленно сообщить о своих намерениях Германии и Италии с тем, чтобы иметь приглашение с ними до начала войны и быть уверенными, что Япония, Германия и Италия смогут сотрудничать в достижении общих целей войны. В любом случае мы не должны допустить, чтобы Германия и Италия заключили односторонний мир с Соединенными Штатами и Великобританией*. Я считаю это особо важным для ведения войны.

Справочные материалы, подготовленные кабинетом министров, военным министерством и министерством военно-морского флота, для ответов на возможные вопросы в ходе императорского совещания 6 сентября 1941 г.

Является ли война с Великобританией и Соединенными Штатами неизбежной?

План мероприятий нашей Империи по установлению нового порядка в Восточной Азии, центральную проблему которого составляет разрешение китайского инцидента, является твердой политикой, основанной на национальном принципе Хакко итиу**.

Создание нового порядка будет продолжаться вечно, пока существует наше государство.

Однако становится очевидным, что политика Соединенных Штатов в отношении Японии основывается на стремлении сохранить нынешнее положение. Преследуя цель господства в мире и защиты демократии, США намерены не допустить подъема и развития нашей Империи в Восточной Азии. В этих условиях необходимо признать, что политика Японии и политика Соединенных Штатов несовместимы. Исторически неизбежный конфликт между двумя государствами, который в зависимости от ситуации может достигать напряжения или быть умеренным, в конечном счете приведет к войне.

* Имелась в виду ситуация, когда Япония оказалась бы в состоянии войны с США и Великобританией.— А. К.

** Дословно — «восемь углов под одной крышей». Принцип «хакко итиу» использовался японскими милитаристскими властями в качестве идеологического постулата, обосновывавшего планы достижения господства Японии над всем миром.— А. К.

Нет необходимости повторять, что до тех пор, пока Соединенные Штаты не изменят своей политики в отношении Японии, наша Империя будет находиться в отчаянном положении, которое в конечном счете вынудит нас к крайнему шагу, а именно к войне в целях самозащиты и сохранения нации. Даже если мы пойдем на уступки Соединенным Штатам, отказавшись частично от нашей национальной политики для достижения временного мира, США по мере усиления их военной мощи, безусловно, будут требовать от нас все больше и больше уступок. В конечном результате наша Империя будет повержена и брошена к ногам Соединенных Штатов.

Каковы цели войны против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии?

Цели войны с Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией состоят в устранении влияния этих трех государств в Восточной Азии, образовании сферы для самообороны и самосохранения нашей Империи и установлении нового порядка в Великой Восточной Азии. Другими словами, мы стремимся установить тесные и неразрывные отношения в военной, политической и экономической областях между нашей Империей и странами южного региона, добиться самообороны и самосохранения нашей Империи и одновременно создать новый порядок сосуществования и процветания Великой Восточной Азии. Следовательно, мы должны решительно изгнать враждебные нам государства — Соединенные Штаты, Великобританию и Голландию, которые мешают достижению вышеуказанных целей.

Каковы перспективы войны с Великобританией и Соединенными Штатами, в частности, как мы завершим войну?

Война с Соединенными Штатами и Великобританией будет продолжительной и превратится в войну на выживание. Очень трудно предсказать, как она будет завершена, но почти невозможно предположить, что Соединенные Штаты капитулируют. Однако мы не можем исключать возможность того, что война может закончиться в результате блестящих успехов наших военных операций на Юге и капитуляции Великобритании, следствием чего явятся и большие перемены в общественном мнении США. В любом случае мы должны обеспечить несокрушимые позиции. Для этого необходимо добиться стратегического превосходства, оккупировав важные районы на Юге, создать экономику, позволяющую в течение длительного времени гарантировать самообеспечение. Все это потребует эксплуатации богатых природных ресурсов южного региона и использования экономической мощи Восточной Азии. Важным фактором служит также установление связи между Азией и Европой при разгроме англо-американской коалиции совместными усилиями Японии, Германии и Италии. К этому времени мы уже сможем влиять на события и привести войну к ее победному завершению.

Почему мы определили последнюю декаду октября как

ориентировочный срок завершения военных приготовлений?

Нет необходимости говорить, что в настоящее время нефть является слабым местом нашей государственной и военной мощи. Сейчас мы постепенно расходует нефть, которая была накоплена. Если такое положение будет продолжаться, мы сможем обеспечить самоснабжение максимум в течение двух лет. Этот период будет сокращен, если мы предпримем крупномасштабные военные операции. Со временем наши возможности продолжать войну будут уменьшаться и Империя станет бессильной в военном отношении.

С другой стороны, флот и авиация Соединенных Штатов значительно усилятся, и с точки зрения обороны США, Великобритании и Голландия будут последовательно увеличивать свою мощь на Юге. Следовательно, уходящее время будет не только создавать для нас новые трудности в проведении военных операций, но также означать усиление подготовки к войне военно-морского флота США. Это приведет к достижению его превосходства над военно-морской мощью нашей Империи к осени следующего года. В результате мы будем вынуждены капитулировать перед Соединенными Штатами и Великобританией без боя.

С точки зрения погодных условий как для Японии, так и для ее противников будет очень трудно в условиях зимы предпринять крупномасштабные операции на Севере. Следовательно, необходимо всемерно подготовиться к войне в максимально короткие сроки, чтобы можно было быстро завершить основные операции на Юге в течение зимы и обеспечить свободу военных действий на Севере в конце весны следующего года.

Если мы немедленно начнем подготовку к войне, мы сможем к последней декаде октября завершить мобилизацию, реквизировать и оснастить суда и развернуть вооруженные силы на основных стратегических направлениях.

Как мы сможем предотвратить совместные действия Соединенных Штатов и Советского Союза?

По этому поводу не может быть удовлетворительного ответа до тех пор, пока мы не решимся на войну с Соединенными Штатами и Советским Союзом. Мы уже обратились к Советскому Союзу и Соединенным Штатам с требованием прекратить поток помощи Советскому Союзу через советский Дальний Восток, но безрезультатно.

Каковы перспективы германо-советской войны и ожидаемых операций германской армии?

Существует большая вероятность того, что германская армия разгромит основные полевые армии Советского Союза к концу октября или началу ноября и оккупирует важные районы европейской территории Советского Союза. Часть мощных германских вооруженных сил будет завершать разгром поверженной Советской Армии. Затем (Германия) начнет операции на Кавказе, Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Исходя из этого, мы оцениваем ситуацию следующим образом:

Ожидается, что линия фронта этой осенью будет проходить от Белого моря, через западные окраины Москвы до Донецкого бассейна. К этому времени после завершения наступления в европейской части Советского Союза будет начата операция на Кавказе, которая рано или поздно будет продолжена на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Что касается операций против Великобритании, то будут усилены воздушные налеты на ее территорию в связи с передислокацией военно-воздушных сил, которые сейчас используются в войне против Советского Союза. Будут также активизированы военные действия с целью нарушения торговли (Великобритания с другими странами. — А. К.). Однако вторжение на Британские острова будет отложено до весны или лета будущего года, на период после завершения военных действий на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Каковы должны быть наши отношения с Германией и Италией для проведения войны с Соединенными Штатами и Великобританией?

Поскольку, по всей вероятности, война будет развиваться по указанной выше схеме, наша Империя, естественно, должна быть готова к ее проведению, полагаясь лишь на собственную мощь. Но союз с Германией и Италией важно сохранять сильным и прочным. Следовательно, необходимо достичь с Германией и Италией соглашения о том, чтобы они не заключали одностороннего мирного договора с Соединенными Штатами и Великобританией. Япония, Германия и Италия должны совместными усилиями поставить Великобританию на колени. В то же время мы должны позаботиться о том, чтобы исключить возможность отказа от проведения операций на Юге лишь потому, что это может показаться нежелательным для Германии и Италии.

Как мы должны относиться к Северу в связи с осуществлением нашей политики на Юге?

Пока мы будем заняты на Юге, необходимо предпринять на Севере все от нас зависящее, чтобы предотвратить войну на два фронта. В особенности мы должны предотвратить образование Соединенными Штатами и Советским Союзом объединенного фронта против Японии. В результате использования силы на Юге наша Империя должна рассматривать сотрудничество Соединенных Штатов и Советского Союза как дело вполне естественное. Однако такое сотрудничество в военном отношении в зимнее время затруднительно по причине погодных условий.

Вместе с тем, если развитие германо-советской войны будет выгодным для нашей Империи или угроза с Севера в результате сотрудничества США и СССР станет весьма серьезной, а также если Советский Союз начнет против нас наступательные действия, а мы не должны допустить этого с точки зрения нашей национальной обороны, возможно, мы применим

военную силу для разрешения северной проблемы в ходе или даже до использования силы на Юге.

Существует ли возможность столь выгодного для нас развигия германо-советской войны, чтобы мы могли использовать военную силу на Севере в этом году?

Можно считать, что обстановка, вне всякого сомнения, со временем станет более благоприятной. Однако мы пришли к заключению, что благоприятная ситуация, на которую мы рассчитываем, едва ли сложится до середины зимы.

Почти не вызывает сомнения, что Германия захватит ббльшую часть европейской части России и что сталинское правительство будет эвакуировано на Урал и за него. Но сталинский режим, вероятно, сразу же не развалится. Хотя в настоящее время обстановка в дальневосточных районах Советского Союза в целом угнетающая, признаков беспорядков нет. Потребуется определенное время, чтобы влияние поражения в европейской части России распространилось на Дальний Восток и здесь сложилась неустойчивая и близкая к изменениям ситуация.

В то же время к середине зимы для Советского Союза наступит самое опасное время. Нехватка продовольствия и нефти, введение на них ограничений могут резко изменить положение. Очевидно, что, потеряв европейскую территорию России, сталинский режим будет слабеть, утрачивать свою способность вести войну. Поэтому, вне всякого сомнения, рано или поздно обстановка станет благоприятной для нашей Империи. Мы считаем, что это произойдет во второй половине предстоящей зимы.

Однако представляется затруднительным проведение операций в условиях суровой зимы, даже если перед нами откроются хорошие перспективы. Поэтому вооруженные силы будут использованы (на Севере. — А. К.) в конце зимы, в начале следующего года.

Доклад Коноэ императору

(Доклад императору, представленный на аудиенции 14 февраля 1945 года)

Мне кажется, наше поражение в войне, к сожалению, уже является неизбежным.

Исходя из этого, почтительнейше докладываю Вашему Величеству следующее:

Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю, однако общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя. (Разумеется, в какой-то части и там наблюдаются крайние взгляды, и к тому же трудно определить, как изменится общественное мнение в будущем.) Следовательно, одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего нацио-

нального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением.

По зрелом размышлении я пришел к выводу, что внутреннее и внешнее положение нашей страны в настоящий момент быстро изменяется в направлении коммунистической революции. Вне это выражается в необычайном выдвигании Советского Союза. Наш народ не понимает в полной мере замыслов Советского Союза. После принятия в 1935 году тактики народного фронта, иными словами тактики двухстепенной революции, и в особенности после роспуска Коминтерна в его среде стала сильно проявляться тенденция недооценивать опасность красного наступления. Это следствие слишком поверхностного и упрощенного взгляда на вещи. По тем маневрам, которые Советский Союз в последнее время открыто проводит в отношении европейских стран, ясно видно, что он так и не отказался от своей политики красного наступления на весь мир.

Советский Союз ведет неустанную работу с целью установления в соседних с ним странах Европы советского режима, а в остальных европейских странах — по меньшей мере близкой ему по духу власти. В настоящее время можно видеть, что эта деятельность в значительной мере приносит свои плоды.

Власть Тито в Югославии является наиболее типичным и конкретным выражением этого. В Польше Советский Союз добивается установления новой власти на базе заранее созданного в СССР объединения польских граждан, совершенно игнорируя эмигрантское правительство в Лондоне.

Если судить по условиям перемирия с Румынией, Болгарией и Финляндией, то создается впечатление, что Советский Союз придерживается принципа невмешательства во внутренние дела. Однако, требуя роспуска прогитлеровских организаций, он действует так, что власть несветского типа фактически не может там существовать.

В Иране Советский Союз вынуждает правительство в полном составе уйти в отставку из-за того, что последнее отказывается удовлетворить его требования в отношении нефтяных концессий. Советский Союз отвергает предложение швейцарского правительства об установлении дипломатических отношений на том основании, что оно поддерживало дружественные связи с державами оси, и тем самым вынуждает министра иностранных дел Швейцарии уйти в отставку.

Во Франции и Бельгии, оккупированных в настоящее время англо-американскими войсками, идет острая борьба между группами повстанцев, использовавшимися в войне против Германии, и правительствами; эти страны переживают сейчас политический кризис; лица, руководящие упомянутыми воору-

женными группами, в основном являются коммунистами или сочувствующими им. Что касается Германии, то Советский Союз, несомненно, вынашивает идею установления здесь, как и в Польше, новой политической власти на основе уже созданного комитета «Свободная Германия». Это обстоятельство является сейчас предметом особого беспокойства Англии и Америки.

Таким образом, хотя Советский Союз внешне и стоит на позиции невмешательства во внутренние дела европейских государств, в действительности же он осуществляет активнейшее вмешательство в их внутренние дела и стремится повести внутреннюю политику этих стран по просоветскому пути.

Совершенно аналогичны замыслы Советского Союза и в отношении Восточной Азии. В настоящее время в Яньани создана Лига освобождения Японии во главе с Окано, приехавшим из Москвы, которая, установив связь с такими организациями, как Союз независимости Кореи, Корейская добровольческая армия и Тайваньский авангард, обращается с призывами к Японии.

Размышления по поводу подобных обстоятельств приводят к выводу, что существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии (по таким вопросам, как официальное признание компартии, включение коммунистов в состав правительства, как это было потребовано от правительств де Голля и Бадольо, отмена закона «О поддержании общественного спокойствия», отказ от Антикоминтерновского пакта и т. д.). Если же взять наше внутреннее положение, то также нельзя не видеть, что с каждым днем созревает все больше условий, способствующих возникновению коммунистической революции. Таковыми являются нищета населения, увеличение количества выступлений рабочих, просоветские настроения, развивающиеся вместе с ростом враждебности по отношению к Англии и Америке, движение в военных кругах сторонников обновления и связанное с ним так называемое движение «новой бюрократии», а также плетущиеся за их спиной тайные интриги левых элементов. Из вышеуказанных фактов особое беспокойство вызывает движение сторонников обновления, которое наблюдается в военных кругах.

Существование в военных кругах обновленческих идей, равно как и того факта, что большинство молодых военных верит в совместимость нашего национального государственного строя с коммунизмом, объясняется следующим. Большая часть кадровых военных происходит из средних и низших слоев населения. Большинство из них, в силу своего положения, очень восприимчивы к коммунистическим идеям. В процессе же воспитания в армии их усиленно обучали лишь основным понятиям о нашем национальном государственном строе, и поэтому коммунистические элементы стараются пере-

тянуть их на свою сторону теорией совместимости нашего национального государственного строя с коммунизмом.

Теперь стало ясно, что вызвать маньчжурский и китайский инциденты и, развив их, привести в конце концов к войне в Великой Восточной Азии было сознательным планом этих военных кругов. Широко известен факт, когда в период маньчжурского инцидента в этих кругах делались заявления, что целью этих событий является обновление страны. Известно также, что и в период китайского инцидента эти люди открыто заявляли: «Желательно затянуть этот инцидент, если он будет улажен, обновление страны окажется невозможным». Те, кто выступал с подобными заявлениями, являются сейчас центральными фигурами среди приверженцев обновленческих идей.

Хотя целью сторонников обновленческих идей в армии не обязательно является осуществление коммунистической революции, однако связанная с ними часть чиновничества, а также гражданских лиц (среди них можно выделить правое и левое крыло; так называемые «правые» — это коммунисты, которые рядятся в одежды сторонников нашего национального государственного строя) сознательно вынашивает планы доведения дела до коммунистической революции, и не будет большой ошибкой сказать, что неискушенные, не разобравшиеся в обстановке военные пляшут под их дудку.

За прошедшие десять лет я познакомился как с представителями военных и бюрократических кругов, так и с представителями правых и левых. Спокойно проанализировав свою прошлую деятельность, я пришел к определенным выводам. Рассматривая в свете этих выводов развитие событий за последние десять лет, я чувствую, что многое понял и во многом разобрался.

За это время, согласно воле Вашего Императорского Величества, я дважды имел честь формировать кабинет. Будучи озабоченным стремлением воедино сплотить страну, я, чтобы избежать внутренних трений, старался, по возможности, учитывать требования сторонников обновления и не сумел достаточно ясно разглядеть, какие цели скрываются за этими требованиями. В этом моя непростительная ошибка, и я чувствую на себе бремя величайшей ответственности за случившееся.

В последнее время все более усиливаются голоса, бьющие тревогу по поводу положения на фронте и вместе с тем призывающие к почетной гибели всей нации.

Хотя подобные призывы исходят от так называемых «правых», я считаю, что поощряют их к этому коммунистические элементы, которые стремятся таким путем ввергнуть страну в хаос и достичь в конце концов своих революционных целей.

С другой стороны, в противовес решительным призывам уничтожить американцев и англичан постепенно усиливаются

просоветские настроения. Часть военных обсуждает даже вопрос о том, что необходимо ценою любых жертв наладить дружеские отношения с Советским Союзом, и кое-кто помышляет об установлении контакта с Яньанью.

Таким образом, внутри страны и за ее пределами с каждым днем созревает все больше различных условий, способствующих приближению коммунистической революции. И если в дальнейшем положение на фронтах будет складываться неблагоприятно, подобная ситуация будет быстро ухудшаться.

Если существовала хотя бы малейшая надежда на перелом в положении на фронтах, все обстояло бы иначе. Теперь же, исходя из неизбежности нашего поражения в войне, я позволю себе выразить твердое убеждение в том, что продолжать войну, в которой у нас нет перспектив на победу, значит полностью играть на руку коммунистической партии. Следовательно, с точки зрения сохранения нашего национального государственного строя необходимо как можно скорее закончить войну.

Главной помехой на пути окончания войны является наличие в армии сторонников обновления, которые со времени маньчжурского инцидента форсировали события и привели нас к настоящему положению. Хотя эти люди уже не верят в возможность успешно закончить войну, они являются сторонниками сопротивления до конца, считая это единственным путем сохранения нашей чести.

Существует опасность, что если не будет ликвидирована эта группа, то в случае возникновения необходимости срочно закончить войну правые и левые сторонники этой группы из числа гражданских лиц, использовав ее в своих интересах, вызовут в стране беспорядки и нам будет трудно достигнуть желаемой цели. Следовательно, если мы стремимся закончить войну, то, учитывая вышесказанное, прежде всего необходимо ликвидировать эту группу.

Если устранить этих лиц, то и идущая за ними бюрократия, а также правые и левые гражданские элементы спрячутся в тень. Они пока еще не составляют большой силы: это всего лишь отдельные личности, стремящиеся осуществить свои темные замыслы, использовав военных. Поэтому, если мы перережем корни, ветви и листья увянут сами.

Далее, мне кажется (хотя, возможно, это несколько предвзятое мнение, основанное на стремлении желаемое выдать за действительное), что после ликвидации этой группы прекратятся трения в военных кругах, и, возможно, смягчится атмосфера в Америке, в Англии и в Чунцине: Америка, Англия и Чунцин заявляют, что с самого начала их целью в войне является низвержение японской военщины. Однако если произойдут существенные изменения в наших военных кругах и изменится их политика, то вполне вероятно, что и наши противники задумаются о целесообразности продолжения войны.

При всех обстоятельствах ликвидация этой группы и перестройка в военных кругах непременно потребуют от Вашего Величества поистине исключительной решимости, поскольку дело касается спасения Японии от коммунистической революции.

(История войны на Тихом океане.
Т. IV. С. 252—258)

Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока

(Текст выработан на Ялтинской конференции
в феврале 1945 года)

«Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения *status quo* Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза; при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кай-ши. По совету Маршала И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему

помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

1945 года, 11 февраля

*И. Сталин
Франклин Рузвельт
Уинстон Черчилль*

(Внешняя политика Советского Союза
в период Отечественной войны.
Т. 3. М., 1947. С. 111—112)

Акт о капитуляции Японии

«1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

5. Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые верховный командующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои обычные обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское пра-

вительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и принимать те действия, которых в целях осуществления этой декларации потребует верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

7. Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции».

Подписано в Токийском заливе, Япония,
2 сентября 1945 года в 9 часов 04 минуты.

На основании приказа и от имени Его величества императора Великой Японской империи и японского правительства

Сигэмицу Мабору.

На основании приказа и от имени Японской имперской Главной ставки

Умэдзу Есидзиро.

Принято в Токийском заливе, Япония, в 9 часов 08 минут 2 сентября 1945 года в интересах Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Союза Советских Социалистических Республик, а также в интересах других союзных государств, находящихся в состоянии войны с Японией.

Верховный главнокомандующий союзных держав
Дуглас Макартур.

Представитель Соединенных Штатов Америки
Ч. В. Нимиц.

Представитель Китайской Республики
Су Юн-чан.

Представитель Соединенного Королевства
Брус Фрззер.

Представитель Союза Советских Социалистических Республик
Кузьма Николаевич Деревянко.

Затем акт подписывают представитель Австралии генерал Томас Блэми, главнокомандующий австралийскими войсками, представители Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

(Внешняя политика Советского Союза
в период Отечественной войны. Т. 3. С. 480—481)

Примечания

Введение

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987. С. 23.

² Накагава Яцухиро. Горбачев-но усo (Обман Горбачева). Токио, 1987. С. 3.

³ Сигэмицу Акира. «Хоппо рёдо» то сорэн гайко. Токио, 1983. С. 4, 156, 190.

⁴ Накаяма Масааки. Вакариясуй сорэн си. Кёи-но кэнсё (Популярная история Советского Союза. Подтверждение угрозы). Токио, 1982. С. 274.

⁵ Асахи. 1987. 25 дек.

⁶ Хаттори Такусиро. Дайтоа сэно дзэнси (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Т. 2. Токио, 1953. С. 392.

⁷ Цит. по: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1978. С. 278.

⁸ Танака сакусэн бутё-но сёгэн: Тайсэн тоцуню-но синсо (Свидетельство начальника оперативного управления генштаба Танака Синъити: Правда о вступлении во вторую мировую войну). Токио, 1971. С. 61.

⁹ Хокуто хомэн рикугун сакусэн (Операции сухопутных войск на северо-восточном направлении). Токио, 1968. С. 61.

¹⁰ Цит. по: Дайхонъэй рикугун бу (Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 2. Токио, 1968. С. 328.

¹¹ Кантэйсё (Материалы экспертизы по делу о слушании в суде высшей инстанции Токио иска об изменении школьных учебников). Токио, 1970. С. 20.

¹² Гомикава Дзюмпэй. Кёко-но тайги: Кантогун сики (Ложный великий принцип: Записки о Квантунской армии). Токио, 1980. С. 13, 20.

¹³ Фудзивара Акира. Тайхэйё сэно си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 77—78, 80—82.

¹⁴ Токио сайбан-о тоу (Вопросы к Токийскому трибуналу). Токио, 1984. С. 352.

¹⁵ Там же. С. 409.

¹⁶ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 1—102. Токио, 1966—1988.

¹⁷ Тайхэйё сэно-э но мити. Т. 1—7. Токио, 1962—1963. Помещенные в этом издании документальные стенограммы заседаний координационного комитета правительства и императорской ставки и заседаний императорских совещаний публикуются в Приложениях. С. 217—242.

¹⁸ Тайхэйё сэно си (История войны на Тихом океане). Т. 1—6. Токио, 1972—1973.

¹⁹ Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Т. 1—10. Токио, 1983—1984.

²⁰ Сюсэн сюрюку. Т. 1—6. Токио, 1977—1978.

²¹ См.: *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962; *Он же.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964; *Он же.* Очерки новейшей истории Японии 1918—1963. М., 1965.

²² См.: *Севостьянов Г. Н.* Подготовка войны на Тихом океане. М., 1962; *Он же.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Пирл-Харбора до Каира. М., 1969.

²³ *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г.—декабрь 1941 г.). М., 1959; *Он же.* Внешняя политика Японии в 1941—1945 гг. М., 1962.

²⁴ История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 1—12. М., 1973—1982.

²⁵ Японский милитаризм: (Военно-историческое исследование). М., 1972.

²⁶ *Савин А. С.* Японский милитаризм во второй мировой войне. М., 1979.

Глава I

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 85.

² *Иноуэ Кйёси, Ононоги Синдзабуро, Судзюки Сёси.* История современной Японии. Пер. с япон. М., 1955. С. 108.

³ *Имаи Сэйдзиро.* Рококу какумэй дзицудзё (Истинное положение революции в России). Токио, 1918. С. 82—83.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 324.

⁵ Тайхэйё сэно си. Т. 1. С. 45.

⁶ См.: История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 128.

⁷ *Нарахаси Киитиро.* Сюппэй токи гайко рон (Дипломатия во время отправки войск). Осака, 1921. С. 137.

⁸ Дайтоа сэно кокан сэн си. Дайхонгэй рикугун бу (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 1. Токио, 1967. С. 290.

⁹ Токио нити-нити. 21.VII.1922; Цит. по: Японский милитаризм. С. 97.

¹⁰ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 258—259.

¹¹ Там же. С. 290.

¹² Материалы Международного трибунала для главных японских военных преступников. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее: ЦГАОР СССР), ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 92.

¹³ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 302.

¹⁴ Там же. С. 229.

¹⁵ История войны на Тихом океане: В 5 т. Т. 1. Агрессия в Маньчжурии. М., 1957. С. 104—105.

¹⁶ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 278.

¹⁷ Цит. по: Тайхэйё сэно си. Т. 1. С. 138.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 139.

²⁰ Цит. по: СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М., 1978. С. 13.

²¹ См.: *Коваленко И. И.* Советский Союз в борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии. М., 1976. С. 54.

- ²² Документы внешней политики СССР. Т. XV. М., 1969. С. 16.
- ²³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 248—249.
- ²⁴ Новая и новейшая история Китая: Краткий очерк. М., 1950. С. 84—85.
- ²⁵ Правда. 1948. 13 нояб.
- ²⁶ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 1. М., 1973. С. 257.
- ²⁷ *Фудзивара Акира*. Указ. соч. С. 5.
- ²⁸ Цит. по: История второй мировой войны. Т. 1. С. 89.
- ²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 257, л. 90.
- ³⁰ История второй мировой войны. Т. 1. С. 90.
- ³¹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 195, л. 178.
- ³² Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 319.
- ³³ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 91—92.
- ³⁴ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. М., 1973. С. 99—100.
- ³⁵ Цит. по: *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 237.
- ³⁶ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 348.
- ^{37—38} Тайхэйэй сэно си. Т. 1. С. 293.
- ³⁹ *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Указ. соч. С. 236.
- ⁴⁰ *Grew J.* Ten Years in Japan. N. Y., 1944. P. 98.
- ⁴¹ Цит. по: *Марушкин Б. И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937—1939 гг.). М., 1957. С. 30.
- ⁴² См.: *Сапожников Б. Г.* Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937—1941). М., 1970. С. 7.
- ⁴³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 319.
- ⁴⁴ Там же. С. 339.
- ⁴⁵ Там же. С. 340.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 14.
- ⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 38.
- ⁴⁹ Документы внешней политики СССР. Т. XV. С. 180—181.
- ⁵⁰ *Bergamini D.* Japan's Imperial Conspiracy. N. Y., 1971. P. 547.
- ⁵¹ *Smith W.* Japan at the Crossroad. L., 1936. P. 45—46.
- ⁵² Цит. по: *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. С. 152.
- ⁵³ СССР — Япония. С. 25.
- ⁵⁴ Сёва-но рэкси. Т. 4. Токио, 1982. С. 194. Один из сторонников этой позиции, известный военный публицист Хирата, близко стоявший к генеральному штабу, в своей изданной в 1933 г. книге «Если мы будем воевать» предупреждал: «К чему нельзя относиться легкомысленно, так это к России будущего. Силы России пять лет назад и сегодня совершенно разные. Через пять лет они возрастут еще более... Русские могут теперь изготовлять в своей стране и автомобили, и самолеты, и пушки, и винтовки, и ОВ, и другие предметы вооружения...» Автор книги призывал не жалеть средств и активно готовиться прежде всего к войне против СССР (*Хирата С.* Варэварэ ва моси татакаваба. Токио, 1933. С. 49).
- ⁵⁵ *Bergamini D.* Op. cit. P. 552.
- ⁵⁶ Сёва-но рэкси. Т. 4. С. 194.
- ⁵⁷ Там же.

- ⁵⁸ См.: *Эйдус Х.* Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946. С. 103.
- ⁵⁹ *Toland J.* The Rising Sun. N. Y., 1971. P. 39—40.
- ⁶⁰ *Smith W.* Op. cit. P. 49.
- ⁶¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 94.
- ⁶² Сёва-но рэкиси. Т. 4. С. 330.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ См.: История войны на Тихом океане. Т. II. Японо-китайская война. М., 1957. С. 67, 342.
- ⁶⁵ Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории: Документы). Т. 10. Токио, 1964. С. XVIII.
- ⁶⁶ *Фудзивара Акира.* Указ. соч. С. 7—10.
- ⁶⁷ Нитиро-ниссо канкэй. 200 нэнси (Японо-русские и японо-советские отношения: 200-летняя история). Токио, 1983. С. 146.
- ⁶⁸ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Путь к войне на Тихом океане). Т. 4. Токио, 1963. С. 97.
- ⁶⁹ *Кокумин кэйдзай кэнкю кёкай сирё* (Материалы общества по исследованию национальной экономики). Токио, 1964. С. 27—49, 232—259.
- ⁷⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 316.
- ⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 197, л. 288.
- ⁷² Там же, д. 482, л. 224.
- ⁷³ См.: История второй мировой войны. Т. 2. С. 386.
- ⁷⁴ См.: Японский милитаризм. С. 123. Готовясь к войне против СССР и западных держав, японское военно-политическое руководство в конце 1938 г. приняло решение расходувать на операции в Китае не более четверти военного бюджета (Новейшая история Китая 1917—1970 гг. М., 1972. С. 186).
- ⁷⁵ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 197, л. 8—9; Гэндай си сирё. Т. 9. Токио, 1966. С. 729.
- ⁷⁶ История второй мировой войны. Т. 2. С. 387.
- ⁷⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1. Стенограмма Токийского процесса. С. 7551, 7589, 23210.
- ⁷⁸ Там же. С. 7552—7553.
- ⁷⁹ Японский милитаризм. С. 170.
- ⁸⁰ См. подробнее: Хокуто хомэн рикугун сакусэн.
- ⁸¹ Варэварэ-но синсэнряку то синхэйки (Наша новая стратегия и новое оружие). Токио, 1937. С. 11.
- ⁸² *Хаяси Сабуро.* Кантогун то кёкуто сорэнгун (Квантунская армия и советская дальневосточная армия). Токио, 1974. С. 186.
- ⁸³ См.: *Хаяси С.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане. Пер. с англ. М., 1964. С. 46.
- ⁸⁴ Там же. С. 26.
- ⁸⁵ См.: Японский милитаризм. С. 129, 164—165, 166.
- ⁸⁶ *Лемин И.* Пропаганда войны в Японии и Германии. Минск, 1934. С. 108.
- ⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 47.
- ⁸⁸ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Приложение: Сб. док.). Токио, 1963. С. 215.
- ⁸⁹ Там же. С. 216—222.
- ⁹⁰ *Presseisen E.* Germany and Japan: A Study in Totalitarian Diplomacy 1933—1941. The Hague, 1958. P. 32.
- ⁹¹ Ibid. P. 43.
- ⁹² *Кутаков Л. Н.* История советско-японских дипломатических отношений. С. 155.
- ⁹³ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 332; д. 467, л. 524.

- ⁹⁴ Там же, д. 275, л. 22—23.
- ⁹⁵ Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С. 153.
- ⁹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 141.
- ⁹⁷ *Такусиро Хаттори*. Япония в войне 1941—1945. Пер. с япон. М., 1973. С. 26.
- ⁹⁸ *Фудзивара Акира*. Указ. соч. С. 15.
- ⁹⁹ Дайтоа сэнсо кокан си. Сина дзихэн рикугун сакусэн (Официальная история войны в Великой Восточной Азии: Операции сухопутных сил в период китайского инцидента). Токио, 1975. С. 103.
- ¹⁰⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 36.
- ¹⁰¹ История внешней политики СССР. 1917—1976: В 2 т. Т. 1. М., 1976. С. 296.
- ¹⁰² История второй мировой войны. Т. 1. М., 1973. С. 94.
- ¹⁰³ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 223.
- ¹⁰⁴ U. S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (далее: FRUS). Diplomatic Papers. 1937. Vol. III: The Far East. Wash., 1954. P. 475—476.
- ¹⁰⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976. С. 436—437.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 401.
- ¹⁰⁷ Новейшая история Китая 1917—1970 гг. С. 176. В США и других западных странах были весьма недовольны заключением советско-китайского договора. Считалось, что он ухудшил положение Японии и нанес удар по планам Токио, предусматривавшим включение Китая в «антикоминтерновский блок» (FRUS. 1937. Vol. III: The Far East. P. 538).
- ¹⁰⁸ Внешняя политика СССР: Сб. док. Т. IV (1935 — июль 1941 г.). М., 1945. С. 304.
- ¹⁰⁹ *Hull C.* The Memoirs. Vol. 1. N. Y., 1948. P. 414, 554—555.
- ¹¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 617. Один из членов делегации Советского Союза на Брюссельской конференции писал: «Представители западных держав сгорали желанием столкнуться с Японией Советский Союз. Почему бы в самом деле СССР не поддержать Китай? Почему бы Советскому Союзу не произвести мобилизацию на маньчжурской или монгольской границах? Почему не послать в Токио воздушные эскадрильи из Владивостока, чтобы таким образом образумить Японию? То осторожно, намекали, то открыто, в порядке дружеского внушения, то развязно и назойливо различные делегаты и журналисты пробовали заговаривать об этом с Советской делегацией» (Большевик. 1938. № 1).
- ¹¹¹ Цит. по: *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960. С. 174.
- ¹¹² Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987. С. 212.
- ¹¹³ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 42.
- ¹¹⁴ *Бедняк И. Я.* Японская агрессия в Китае и позиция США (1937—1939). М., 1957. С. 99.
- ¹¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 654—655.
- ¹¹⁶ См. там же. С. 656—657, 690.
- ¹¹⁷ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 72.
- ¹¹⁸ *Дайхонъэй рикугун бу*. Ч. 2. Токио, 1968. С. 2.
- ¹¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 172—173.
- ¹²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 342.

- ¹²¹ Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961. С. 217—218.
- ¹²² Гэндай си сирё. Т. 8. Токио, 1976. С. 686.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же. С. 690.
- ¹²⁵ Там же. Т. 10. С. XX.
- ¹²⁶ Там же. Т. 9. С. 727—729.
- ¹²⁷ Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. С. 224.
- ¹²⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. С. 391.
- ¹²⁹ Японский милитаризм. С. 149.
- ¹³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 292.
- ¹³¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 219.
- ¹³² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 38.
- ¹³³ Фудзивара Акира. Ниттю дзэмэн сэно (Всеобщая японо-китайская война). Токио, 1982. С. 154, 200.
- ¹³⁴ Там же. С. 155.
- ¹³⁵ Сёва-но рэкиси. Т. 5. Токио, 1982. С. 154.
- ¹³⁶ Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 129.
- ¹³⁷ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Vol. VIII. L., 1955. P. 34, 46.
- ¹³⁸ New York Times. 1938. 4.VIII; Цит. по: Бедняк И. Я. Указ. соч. С. 129.
- ¹³⁹ Бедняк И. Я. Указ. соч. С. 130—131.
- ¹⁴⁰ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Vol. VIII. P. 74—75, 89.
- ¹⁴¹ Цит. по: Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. С. 329. Прояпонская позиция Великобритании находила свое проявление в отказе Лондона помогать Китаю в войне с японцами. Китайский посол в Великобритании Го Тайци говорил 22 сентября своему советскому коллеге И. М. Майскому, что «англичане до сих пор, по существу, палец о палец не ударили, чтобы помочь Китаю. За все время войны китайцы получили от них лишь 36 аэропланов среднего качества, да некоторое количество амуниции и химической продукции. Денег в Лондоне китайское правительство не получило ни копейки...» (см.: Документы внешней политики СССР. Т. XXI. С. 602).
- ¹⁴² История войны на Тихом океане. Т. II. С. 355—356.
- ¹⁴³ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941. Vol. 1. 1943. P. 804.
- ¹⁴⁴ Ibid. P. 813.
- ¹⁴⁵ British Far Eastern Policy // Information Department Papers. 1939. N 24. July. P. 36.
- ¹⁴⁶ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 585.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 584.
- ¹⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 202.
- ¹⁴⁹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 42.
- ¹⁵⁰ Так, например, в коллективной монографии «Японский милитаризм» отмечается: «Не столько из военно-политических соображений и по условиям секретного соглашения с фашистскими союзниками — Германией и Италией, сколько в связи с планами подготовки Квантунской армии и проверки ее боевой способности были приняты провокации в районе оз. Хасан в августе 1938 г. и более крупная — летом 1939 г. на р. Халхин-Гол» (Японский милитаризм. С. 165).

¹⁵¹ Сёва-но рэкиси. Т. 5. С. 200. Речь шла о переговорах, результатом которых явилось заключенное между Японией и Великобританией так называемое «соглашение Арита — Крейги», которое вошло в историю как дальневосточный вариант «мюнхенского соглашения». По существу капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на полное признание японских захватов в Китае. В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе.

¹⁵² *Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. С. 486.

¹⁵³ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 42.

¹⁵⁴ Третья сессия Верховного Совета СССР. 25—31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 475.

¹⁵⁵ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 593.

¹⁵⁶ Тайхэйё сэно си. Т. 3. Токио, 1972. С. 241. Сам командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Комацубара слыл знатоком «психологии красных», так как до этого был военным атташе в Москве.

¹⁵⁷ Там же. С. 243.

¹⁵⁸ *Симада Тосихико.* Указ. соч. С. 135.

¹⁵⁹ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. М., 1973. С. 145.

¹⁶⁰ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 593.

¹⁶¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 215.

¹⁶² См. там же. С. 216.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. С. 217.

¹⁶⁶ Там же. С. 219.

¹⁶⁷ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 27. Токио, 1969. С. 423.

¹⁶⁸ Сёва-но рэкиси. Т. 5. С. 200.

¹⁶⁹ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 593.

¹⁷⁰ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 246.

¹⁷¹ *Симада Тосихико.* Указ. соч. С. 152.

¹⁷² Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 241.

¹⁷³ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (Сентябрь 1938 г.— август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 637.

¹⁷⁴ В статье 2 секретного приложения к «антикоминтерновскому пакту» указывалось, что «договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения».

Глава II

¹ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 283.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 218.

³ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 20. С. 4.

⁴ *Нихон рэкиси (История Японии).* Т. 21. Токио, 1977. С. 8.

⁵ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 293.

⁶ *Нихон рэкиси.* Т. 21. С. 8.

⁷ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. III. М., 1974. С. 182.

⁸ Цит. по: *Севостьянов Г. Н.* Подготовка войны на Тихом океане. С. 92.

- ⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 192, л. 83.
- ¹⁰ Дайтоа сэно кокан сэн си. Т. 20. С. 9.
- ¹¹ Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968. С. 102—103.
- ¹² Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 3. М., 1953. С. 227—228.
- ¹³ Асахи симбун. 1939. 13 дек. (Цит. по: СССР и Япония. М., 1987. С. 175).
- ¹⁴ История войны на Тихом океане. Т. II. С. 308.
- ¹⁵ Lensen G. A. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941—1945. Florida, 1972. P. 6.
- ¹⁶ СССР и Япония. С. 179. В начале 1941 г. политическое и военное руководство США склонялось к выводу, что японская агрессия в южном направлении приостановлена и Япония выступит против Советского Союза (История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. С. 172).
- ¹⁷ См.: Севостьянов Г. Н. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁸ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 294—295.
- ¹⁹ Там же. С. 34.
- ²⁰ Там же. С. 15; Хокуто хомэн рикугун сакусэн. С. 70.
- ²¹ СССР и Япония. С. 179.
- ²² Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 41.
- ²³ Гаймусё-но хякунэн (Министерство иностранных дел за столет). Токио, 1969. С. 431—432.
- ²⁴ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 316.
- ²⁵ См.: История внешней политики СССР. Т. 1. С. 423.
- ²⁶ См.: История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 173.
- ²⁷ Хаттори Такусиро. Дайтоа сэно дзэн си (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1970. С. 85, 184.
- ²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 136—137.
- ²⁹ Там же, д. 482, л. 856.
- ³⁰ Хокуто хомэн рикугун сакусэн. С. 13.
- ³¹ Там же. С. 12.
- ³² ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 197, л. 195.
- ³³ Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941—1945. С. 86.
- ³⁴ См. там же. С. 90.
- ³⁵ Там же. С. 79—80.
- ³⁶ Хотя 26 августа японское правительство дало указание своему послу в Берлине Осима вручить гитлеровскому руководству протест по поводу подписания советско-германского пакта о ненападении, охарактеризовав его как «противоречащий секретному соглашению, приложенному к антикоминтерновскому пакту», японский посол счел возможным задержать его передачу. Считая, что в условиях начавшейся второй мировой войны Японии не следовало портить отношения с Германией, Осима стремился принизить значение дипломатического демарша Токио. Сообщая лишь 18 сентября о японском протесте, он сказал статс-секретарю германского министерства иностранных дел фон Вейцзекеру: «Как вам известно, в конце августа я отказался выразить резкий протест, как мне это поручило сделать японское правительство. Но я не мог действовать наперекор этому предписанию, поэтому я только телеграфировал, что последовал приказу, и ждал конца польской кампании. Я полагал, что этот шаг тогда не будет так важен...» (Цит. по: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Указ. соч. С. 169).
- ³⁷ Тайхэйё сэно-э но мити. Т. 5. Токио, 1963. С. 166.

- ³⁸ Deterrent Diplomacy. N. Y., 1976. P. 195.
- ³⁹ Дайтоа сэосо кокан сэн си. Т. 20. С. 10.
- ⁴⁰ Тайхэйё сэосо-э но мити. Т. 5. С. 179—213.
- ⁴¹ *Мацуока Есукэ*. Нити-доку бокё кётей но иги (Значение антикоминтерновского пакта Японии и Германии). Токио, 1937. С. 47—48. Впоследствии, когда в 1938 г. начались японо-германские переговоры о превращении «антикоминтерновского пакта» в военный союз, руководство японского генерального штаба, приветствуя развитие сотрудничества Германии и Японии, подчеркивало, что «главное, что нужно помнить в развитии этого сотрудничества,— это соглашение об объединенных действиях против Советской России». В ответ на предложение германского руководства заключить союз «против всех стран» посол Японии в Германии Осима разъяснял, что Япония «готова действовать только против России». Предложенный в феврале 1939 г. японский вариант соглашения предусматривал: «Россия будет основным объектом этого пакта, другие страны пока остаются на втором плане и будут относиться к пакту только в том случае, если они станут коммунистическими» (*Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Указ. соч. С. 170).
- ⁴² Тайхэйё сэосо-э но мити. Т. 5. С. 185.
- ⁴³ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 80.
- ⁴⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. С. 244—245.
- ⁴⁵ *Presseisen E. L.* Op. cit. P. 262.
- ⁴⁶ Ibid. P. 259—260.
- ⁴⁷ Нихон-но тайсо имбо. С. 158.
- ⁴⁸ Тайхэйё сэосо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 341.
- ⁴⁹ Там же. С. 341—342.
- ^{50—51} История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. С. 246.
- ⁵² Нихон-но тайсо имбо. С. 159.
- ⁵³ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 320.
- ⁵⁴ Там же. Т. 3. С. 246.
- ⁵⁵ Тайхэйё сэосо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 330.
- ⁵⁶ *Lu David J.* From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Wash., 1961. P. 110.
- ⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 833.
- ⁵⁸ The Ciano Diaries 1939—1943. N. Y., 1946.
- ⁵⁹ Тайхэйё сэосо си. Т. 4. Токио, 1972. С. 62.
- ⁶⁰ *Гомикава Дзюмпэй*. Годзэн кайги (Императорские совещания). Токио, 1981. С. 19; Сёва-но рэкиси. Т. 5. С. 170.
- ⁶¹ Тайхэйё сэосо-э но мити. Т. 5. С. 221.
- ⁶² *Lu David J.* Op. cit. P. 112.
- ⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 18.
- ⁶⁴ Там же, д. 482. С. 833.
- ⁶⁵ *Савин А. С.* Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939—1945 гг. С. 72.
- ⁶⁶ Цит. по: СССР и Япония. С. 192.
- ⁶⁷ Japan's Decision for War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967. P. 5.
- ⁶⁸ См.: История внешней политики СССР 1917—1945. Т. 1. М., 1966. С. 380.
- ⁶⁹ Тайхэйё сэосо си. Т. 4. С. 63.
- ^{70—71} *Hull C.* Op. cit. P. 969.
- ⁷² Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 2. С. 207—208.
- ⁷³ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 460/17, л. 3.
- ⁷⁴ СССР и Япония. С. 197—198.

- 75 ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 251.
 76 Там же, д. 482, л. 861.
 77 Japan's Decision for War. P. 22.
 78 ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 862.
 79 Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 20. С. 235—237.
 80 Там же. С. 239.
 81 Внешняя политика СССР: Сб. док. Т. IV. С. 550.
 82 Правда. 1941. 14 апр.
 83 Нихон-но тайсо имбо. С. 169.
 84 ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 50.
 85 Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 66.
 86 Тайхэйё сэнсо-э но мити. Т. 5. С. 300.
 87 ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 62.
 88 *Bergamini D.* Op. cit. P. 743.
 89 Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 243—244.
 90 Там же. С. 248.
 91 *Bergamini D.* Op. cit. P. 755.
 92 *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Указ. соч. С. 254—255.
 93 *Такусиро Хаттори.* Япония в войне 1941—1945. С. 43.
 94 *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Указ. соч. С. 254—255.

Глава III

- ¹ *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Указ. соч. С. 192.
² Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 84.
³ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 446.
⁴ Там же. С. 457.
⁵ Там же. С. 458.
⁶ Japan's Decision for War. P. 81.
⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 968.
⁸ Кантогун. Ч. 2. Токио, 1974. С. 8.
⁹ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 467.
¹⁰ Там же. С. 464—466; *Гомикава Дзюмпэй.* Годзэн кайги. С. 78.
¹¹ Кантогун. Ч. 2. С. 17.
¹² Нихон-но тайсо имбо. С. 172.
¹³ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 856.
¹⁴ *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г.— декабрь 1941 г.). С. 159.
¹⁵ Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 98; *Симада Тосихико.* Указ. соч. С. 174.
¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 297, л. 306—307.
¹⁷ Кантогун. Ч. 2. С. 17.
¹⁸ См.: *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 161.
¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 836.
²⁰ *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 165.
²¹ Кантогун. Ч. 2. С. 21; ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 18.
²² Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 15—16.
²³ Там же. С. 15—16; Хокуто хомэн рикугун сакусэн. С. 22, 33.
²⁴ Рикугун гундзю доин (Мобилизация вооружения и военного снаряжения для сухопутных сил). Токио, 1970. С. 409.
²⁵ Кантогун. Ч. 2. С. 39.
²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1. Стенограмма Токийского процесса. С. 49365—49366.
²⁷ Кантогун. Ч. 2. С. 37.
²⁸ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 322; Кантогун. Ч. 2. С. 22—23.

- ²⁹ Рикугун гундзю доин. Ч. 2. С. 460.
³⁰ *Симада Тосихико*. Указ. соч. С. 164.
³¹ Кантогун. Ч. 2. С. 23—24.
³² *Фудзивара Акира*. Тайхэйё сэно си рон. С. 79.
³³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 329.
³⁴ Кантогун. Ч. 2. С. 24.
³⁵ Нихон-но тайсо имбо. С. 179.
³⁶ Кантогун. Ч. 2. С. 33.
³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 101.
³⁸ Кантогун. Ч. 2. С. 38.
³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 275, л. 101.
⁴⁰ Кантогун. Ч. 2. С. 53—54.
⁴¹ *Hallett Aben*. Japan Unmasked. N. Y., 1946. P. 235.
⁴² Неотвратимое возмездие. М., 1973. С. 162.
⁴³ Кантогун. Ч. 2. С. 15.
⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 229, л. 274.
⁴⁵ Кокумин. 1941. 2 июля.
⁴⁶ Хоти. 1941. 10 окт.; *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 160.
⁴⁷ *Симада Тосихико*. Указ. соч. С. 153—154; ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 12.
⁴⁸ Тайхэйё сэно си. Т. 4. С. 98.
⁴⁹ *Симада Тосихико*. Указ. соч. С. 168.
⁵⁰ *Bergamini D.* Op. cit. P. 768.
^{51—52} ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 99, 102.
⁵³ *Хаттори Такусиро*. Дайтоа сэно дзэнси. С. 194—195.
⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1. Стенограмма Токийского процесса. С. 8128—8134, 8168—8169.
⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1. Стенограмма Токийского процесса. С. 8074.
⁵⁶ *Симада Тосихико*. Указ. соч. С. 170—171.
⁵⁷ Japan's Decision for War. P. 116; Тайхэйё сэно-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 489.
⁵⁸ *Симада Тосихико*. Указ. соч. С. 172.
⁵⁹ Нихон-но тайсо имбо. С. 69.
⁶⁰ Там же. С. 72.
⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 72—73.
⁶² Там же, л. 75. Стенограмма Токийского процесса. С. 33992.
⁶³ Нихон-но тайсо имбо. С. 72.
⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 77.
⁶⁵ Там же.
⁶⁶ Там же, л. 83.
⁶⁷ Там же, л. 87—88.
⁶⁸ Там же, л. 88—89.
⁶⁹ Кантогун. Ч. 2. С. 60.
⁷⁰ *Фудзивара Акира*. Указ. соч. С. 81.
⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 87.
⁷² Там же, л. 88—89.
⁷³ Там же, л. 89.
⁷⁴ Там же, л. 134.
⁷⁵ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 111.
⁷⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1. Стенограмма Токийского процесса. С. 7408—7409.

Глава IV

- ¹ Кантогун. Ч. 2. С. 63.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 97.
- ⁵ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. М., 1967. С. 77.
- ⁶ Кантогун. Ч. 2. С. 63.
- ⁷ Сапожников Б. Г. Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1971. С. 21.
- ⁸ Нихон-но тайсо имбо. С. 180.
- ⁹ Кантогун. Ч. 2. С. 64.
- ¹⁰ The Japan Times. 1940. 25.X.
- ¹¹ Симада Тосихико. Указ. соч. С. 166; Кантогун. Ч. 2. С. 63.
- ¹² Кантогун. Ч. 2. С. 64.
- ¹³ Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 97.
- ¹⁴ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 486.
- ¹⁵ Там же. С. 486—487.
- ¹⁶ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 348.
- ¹⁷ Кантогун. Ч. 2. С. 68.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 513.
- ²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 33.
- ²¹ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 507.
- ²² Симада Тосихико. Указ. соч. С. 156.
- ²³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 351.
- ²⁴ Там же. С. 346.
- ²⁵ Там же. С. 353.
- ²⁶ Там же. С. 350.
- ²⁷ Там же. С. 371.
- ²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 27.
- ²⁹ Кантогун. Ч. 2. С. 66.
- ³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 229, л. 299.
- ³¹ Иноуэ Кийси, Ононоги Синдзабуро, Судзуки Сёси. Указ. соч. С. 238.
- ³² Хоти. 1941. 29 сент.
- ³³ Мияко. 1941. 4 сент.
- ³⁴ Нихон-но тайсо имбо. С. 181.
- ³⁵ Кантогун. Ч. 2. С. 66.
- ³⁶ Танака сакусэн бутё-но сёгэн: Тайсэн тоцуню-но синсо. С. 176.
- ³⁷ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 520.
- ³⁸ Кантогун. Ч. 2. С. 68.
- ³⁹ Юхаси Сигэто. Сэндзи ниссо косё сёси (Краткая история японо-советских переговоров во время войны). Токио, 1974. С. 12.
- ⁴⁰ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирёхэн. С. 493.
- ⁴¹ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 185.
- ⁴² Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. Токио, 1974. С. 78.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ The New York Times. 1941. 25.VI.
- ⁴⁵ Тайхэйё сэнсо-э но мити. Т. 7. Токио, 1963. С. 394.
- ⁴⁶ Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 166.
- ⁴⁷ American Military History. Wash., 1969. P. 528.
- ⁴⁸ Japan's Decision for War. P. 118.
- ⁴⁹ Ibid. P. 123.

- ⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 201. Стенограмма Токийского процесса. С. 8173.
- ⁵¹ Japan's Decision for War. P. 132.
- ⁵² Тайхэйё сэно-э но мити (Бэкан). Сирёхэн. С. 510.
- ⁵³ Там же. С. 455.
- ⁵⁴ Хоти. 1941. 11 июля; Цит. по: *Дубинский А. М.* Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966. С. 242.
- ⁵⁵ Японский милитаризм. С. 194.
- ⁵⁶ Кантогун. Ч. 2. С. 66.
- ⁵⁷ См.: Вторая мировая война: Краткая история. С. 166—167.
- ⁵⁸ Кантогун. Ч. 2. С. 65.
- ⁵⁹ Там же. С. 66.
- ⁶⁰ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 182.
- ⁶¹ *Bergamini D.* Op. cit. P. 773.
- ⁶² Тайхэйё сэно-э но мити (Бэкан). Сирёхэн. С. 570—571.
- ⁶³ Цит. по: *Севостьянов Г. Н.* Указ. соч. С. 496.
- ⁶⁴ Japan's Decision for War. P. 133.
- ⁶⁵ Кидо Коити никки. Ч. 2. (Дневник Кидо Коити). Токио, 1966. С. 927—928.
- ⁶⁶ История войны на Тихом океане. Т. III. Приложение. М., 1958. С. 394—395.
- ⁶⁷ Japan's Decision for War. P. 134.

Глава V

- ¹ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 353—354.
- ² Там же. С. 364.
- ³ Там же. С. 367.
- ⁴ Кантогун. Ч. 2. С. 87.
- ⁵ См.: *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 169.
- ⁶ Токио нити-нити. 1941. 5 нояб.
- ⁷ Цит. по: *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 170.
- ⁸ Кантогун. Ч. 2. С. 83.
- ⁹ Хокуто хомэн рикугун сакусэн. С. 41.
- ¹⁰ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 3. Токио, 1970. С. 70.
- ¹¹ *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Указ. соч. С. 194.
- ¹² Кантогун. Ч. 2. С. 83, 85.
- ¹³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 3. С. 301—302.
- ¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 58.
- ¹⁵ Кантогун. Ч. 2. С. 91.
- ¹⁶ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 3. С. 371.
- ¹⁷ Кантогун. Ч. 2. С. 92.
- ¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 84.
- ¹⁹ Нихон-то тайсо имбо. С. 183.
- ²⁰ Там же. С. 183—184.
- ²¹ Кантогун. Ч. 2. С. 81.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 93.
- ²⁴ Там же. С. 95.
- ²⁵ Там же. С. 96.
- ²⁶ См.: *Савин А. С.* Указ. соч. С. 110.
- ²⁷ *Фудзивара Акира.* Указ. соч. С. 81.
- ²⁸ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 4. Токио, 1972. С. 380—381.
- ²⁹ *Савин А.* Срыв планов агрессии Японии против СССР в 1942—1943 гг. // Военно-исторический журнал. 1983. № 1. С. 51.

- ³⁰ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 4. С. 404.
- ³¹ См.: Вторая мировая война: Краткая история. С. 288—289.
- ³² Кантогун. Ч. 2. С. 95.
- ³³ См.: Вторая мировая война: Краткая история. С. 350.
- ³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 166, л. 7, 18.
- ³⁵ Кантогун. Ч. 2. С. 95.
- ³⁶ Там же. С. 96.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 221.
- ³⁹ Там же. С. 201; *Meskill J. M. Hitler and Japan: The Hollow Alliance*. N. Y., 1966. P. 199—201.
- ⁴⁰ Кантогун. Ч. 2. С. 74.
- ⁴¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 272.
- ⁴² ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 31.
- ⁴³ Там же, л. 280.
- ⁴⁴ *Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я.* Указ. соч. С. 256.
- ⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 172—173.
- ⁴⁶ Там же, л. 275.
- ⁴⁷ *Meskill J. M.* Op. cit. P. 201.
- ⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1. Стенограмма Токийского процесса. С. 6026.
- ⁴⁹ *Гольдберг Д. И.* Указ. соч. С. 174.
- ⁵⁰ Там же. С. 175.
- ⁵¹ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 218.
- ⁵² *Meskill J. M.* Op. cit. P. 201.
- ⁵³ СССР — Япония. С. 54.
- ⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 282.
- ⁵⁵ Нихон-но тайсо имбо. С. 198—199.
- ⁵⁶ СССР — Япония. С. 55.
- ⁵⁷ *Юхаси Сигэто.* Указ. соч. С. 45.
- ⁵⁸ Японский милитаризм. С. 210.
- ⁵⁹ *Такусиро Хаттори.* Япония в войне 1941—1945. С. 338.
- ⁶⁰ Японский милитаризм. С. 210, 226.
- ⁶¹ *Есифуса Тэрао.* Сина дзихэн токи ниппондзин хандзуми-но сэгэн (Свидетельства о военных преступлениях японцев во время китайского инцидента). Токио, 1957. С. 28—29.
- ⁶² Материалы судебного процесса бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия (далее: Материалы судебного процесса...). М., 1950. С. 9.
- ⁶³ См. там же. С. 12.
- ⁶⁴ Там же. С. 26.
- ⁶⁵ *Есифуса Тэрао.* Указ. соч. С. 33.
- ⁶⁶ См.: Материалы судебного процесса... С. 62.
- ⁶⁷ Там же. С. 24.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. С. 421.
- ⁷⁰ Там же. С. 25.
- ⁷¹ См. там же. С. 412.
- ⁷² *Моримура Сэйити.* Акума-но хосёку (Ненасытность дьявола). Токио, 1983. С. 178.
- ⁷³ См.: Материалы судебного процесса... С. 424.
- ⁷⁴ *Моримура Сэйити.* Указ. соч. С. 198—199.
- ⁷⁵ Там же. С. 195.
- ⁷⁶ Там же. С. 271.

- ⁷⁷ Там же. С. 272.
⁷⁸ Там же. С. 273.
⁷⁹ Асахи ивнинг ньюс. 1984. 7 окт.
⁸⁰ Материалы судебного процесса... С. 27.

Глава VI

¹ *Такусиро Хаттори*. Япония в войне 1941—1945. С. 524.

² *Кудо Митихиро*. Ниссо тюрицу дзэяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 219—220.

³ Там же. С. 219.

⁴ *Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Указ. соч. С. 274.

⁵ *Такусиро Хаттори*. Япония в войне 1941—1945. С. 532. В США было известно об этих замыслах японского руководства. 18 июня 1945 г. на заседании американского Комитета начальников штабов, в частности, отмечалось, что Япония «в случае необходимости может предложить Советскому Союзу существенные территориальные и иные уступки, попытаться убедить его сохранять нейтралитет и в то же время прилагать все усилия, чтобы посеять разногласия между американцами и англичанами, с одной стороны, и русскими — с другой» (The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans, 1941—1945. Wash., 1955. P. 86).

⁶ *Такусиро Хаттори*. Япония в войне 1941—1945. С. 531.

⁷ Кантогун. Ч. 2. С. 325.

⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М., 1947. С. 166.

⁹ *Фудзивара Акира*. Указ. соч. С. 200.

¹⁰ *Нисидзима Ариацу*. Гэмбаку ва надзэ токасарэта ка? (Почему была сброшена атомная бомба?). Токио, 1985. С. 220.

¹¹ *Такусиро Хаттори*. Япония в войне 1941—1945. С. 541.

¹² *Фудзивара Акира*. Указ. соч. С. 201.

¹³ *Такусиро Хаттори*. Япония в войне 1941—1945. С. 541.

¹⁴ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 46.

¹⁵ См.: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 259—261. Текст Потсдамской декларации гласил: 1. Мы, Президент Соединенных Штатов, Председатель Национального правительства Китая и премьер-министр Великобритании, как представители сотен миллионов наших соотечественников, согласились о том, что Японии следует дать возможность окончить эту войну.

2. Огромные наземные, морские и воздушные силы Соединенных Штатов, Британской империи и Китая изготовились для нанесения окончательного удара по Японии. Эту военную мощь направляет решимость всех союзных наций вести войну против Японии до тех пор, пока она не прекратит сопротивление.

3. Бесплодное и бессмысленное сопротивление Германии мощи свободных народов мира служит печальным примером для Японии. Могучие силы, которые теперь приближаются к Японии, неизмеримо больше тех, что были применены к сопротивляющимся нацистам, и, естественно, опустошили земли, разрушили промышленность и нарушили образ жизни всего германского народа. Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил и неизбежное полное опустошение японской метрополии.

4. Для Японии пришло время решить, будет ли она по-прежнему

му находиться под властью тех упрямых милитаристских кругов, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или она пойдет по пути, указываемому разумом.

5. Ниже следуют наши условия. Мы не отступим от них. Выбора нет. Мы не потерпим никакой затяжки.

6. Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул народ Японии, заставив его идти по пути завоевания мирового господства. Мы убеждены, что лишь тогда станут возможны безопасность и справедливость в мире, когда будет стерт с лица земли безответственный милитаризм.

7. До тех пор пока не будет убедительных доказательств, что способность Японии к военным действиям уничтожена, пункты на японской территории, указанные союзниками, будут оккупированы для осуществления основных целей, которые мы здесь излагаем.

8. Условия Каирской декларации должны быть выполнены, японский суверенитет будет ограничен о-вами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, которые мы укажем.

9. Личному составу японских вооруженных сил после разоружения будет разрешено вернуться к своим очагам и предоставлена возможность вести мирную трудовую жизнь.

10. Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, кто совершал зверства над нашими пленными, понесут суровое наказание. Японское правительство должно устранить все препятствия на пути возрождения демократических тенденций японского народа. Будут провозглашены свобода слова, вероисповедания, а также уважение к основным правам человека.

11. Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит ей поддерживать хозяйство и выплачивать справедливые репарации натурой. Будут запрещены те отрасли промышленности, которые позволили бы снова вооружиться для ведения войны. В конечном счете Японии будет разрешено участвовать в мирных торговых отношениях.

12. Как только будут достигнуты эти цели и будет учреждено миролюбивое правительство в соответствии со свободно выраженной волей народа, союзники отведут из Японии оккупационные войска.

13. Мы призываем правительство Японии провозгласить безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле, иначе Японию ждет быстрый и полный разгром.

¹⁶ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 155.

¹⁷ *Кудо Митихиро*. Указ. соч. С. 299.

¹⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 362—363.

¹⁹ См.: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 252, 254, 258.

²⁰ Сюэн сирокю. Т. 4. Токио, 1977. С. 107—109.

²¹ *Такусиро Хаттори*. Указ. соч. С. 561.

²² *Bulow R. Japan's Decision to Surrender*. Stanford, California, 1954. P. 170.

²³ История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 264.

²⁴ Там же. С. 265.

²⁵ *Такусиро Хаттори*. Указ. соч. С. 563.

²⁶ История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 271.

²⁷ *Кудо Митихиро*. Указ. соч. С. 304.

²⁸ *Такусиро Хаттори*. Указ. соч. С. 559.

- ²⁹ См. там же. С. 565.
- ³⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 376.
- ³¹ Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 572.
- ³² Там же. С. 573.
- ³³ История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 210.
- ³⁴ См.: Японский милитаризм. С. 231.
- ³⁵ Сюзэн сироку. Т. 6. С. 16.
- ³⁶ См.: История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 11. С. 238—239.
- ³⁷ Правда. 1945. 16 авг.
- ³⁸ История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 220—221.
- ³⁹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 212—213.
- ⁴⁰ История внешней политики СССР 1917—1980. Т. 1. М., 1980. С. 471.
- ⁴¹ Советско-китайские отношения. 1917—1957: Сб. док. М., 1959. С. 194.
- ⁴² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 365.
- ⁴³ *Ким Ир Сен*. Торжество идей Великого Октября. М., 1960. С. 9.
- ⁴⁴ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 227.
- ⁴⁵ Известия. 1945. 10 авг.
- ⁴⁶ См.: Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941—1945. С. 508, 509.
- ⁴⁷ См. там же. С. 512.
- ⁴⁸ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 213.
- ⁴⁹ *Henry L. Stimson and McGeorge Bundy: On Active Service in Peace and War*. N. Y., 1948. P. 619.
- ⁵⁰ *Эрман Дж.* Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. М., 1958. С. 271—272.
- ⁵¹ *Deane J.* The Strange Alliance: The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. N. Y., 1947. P. 225.
- ⁵² Цит. по: *Савин А. С.* Указ. соч. С. 191.
- ⁵³ The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans. P. 51.
- ⁵⁴ *Truman H.* Memoirs. Vol. 1: Years of Decision. N. Y., 1955. P. 229, 314.
- ⁵⁵ *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. L., 1953. P. 559.
- ⁵⁶ См.: Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941—1945. С. 557.
- ⁵⁷ U. S. News and World Report. 1959. 2. XI; Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 225.
- ⁵⁸ *Henry L. Stimson and McGeorge Bundy*. P. 630.
- ⁵⁹ *Lensen G. A.* Op. cit. P. 265.
- ⁶⁰ *Truman H.* Op. cit. P. 415.
- ⁶¹ *Нисидзима Ариацу*. Указ. соч. С. 17.
- ⁶² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 151.
- ⁶³ *Daniels J.* The Man of Independence: The Life and Times of Harry Truman. N. Y., 1951. P. 266.
- ⁶⁴ *Blackett P. M. S.* Military and Political Consequences of Atomic Energy. L., 1948. P. 127.
- ⁶⁵ См.: Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941—1945. С. 519.
- ⁶⁶ См. там же. С. 520.
- ⁶⁷ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5. М., 1963. С. 548.

- ⁶⁸ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 182.
- ⁶⁹ Там же. С. 180.
- ⁷⁰ Правда. 1945. 12 сент.
- ⁷¹ *Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуру, Судзуки Сёси*. Указ. соч. С. 263—264.
- ⁷² Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973. С. 50.
- ⁷³ Там же. С. 51.
- ⁷⁴ *Накамура Синтаро*. Нихондзин то росиядзин (Японцы и русские). Токио, 1978. С. 48.
- ⁷⁵ Там же. С. 59.
- ⁷⁶ *Корияма Есимицу*. Бакумацу нитиро канкэй си кэнкю (Изучение истории японо-русских отношений в период бакумацу). Токио, 1980. С. 9.
- ⁷⁷ Там же. С. 231.
- ⁷⁸ *Kuno Joshi Saburo*. Japanese Expansion on the Asiatic Continent. Vol. II. Berkley; Los Angeles, 1940.
- ⁷⁹ *Накамура Синтаро*. Указ. соч. С. 105.
- ⁸⁰ Цит. по: Проблемы Дальнего Востока. 1981. № 3. С. 129.
- ⁸¹ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 56.
- ⁸² Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 162.
- ⁸³ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 111.
- ⁸⁴ См. там же. С. 112.
- ⁸⁵ См. там же. С. 113.
- ⁸⁶ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 77.
- ⁸⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 111.
- ⁸⁸ *Churchill W.* Op. cit. P. 341.
- ⁸⁹ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 32.
- ⁹⁰ Сборник документов и материалов по Японии 1951—1954. М., 1954. С. 90.
- ⁹¹ Правда. 1988. 8 мая.

Указатель имен

- Абэ Нобуюки 67
Адзума Аодзо 61
Акияма Оносукэ 24, 25
Анами Корэтика 174, 175—177
Андо Есиро 79
Араки Садао 21, 25
Арита Хатио 25, 38, 59, 71, 72
Асака, принц 223
Асаока 160
- Бадольо Пьетро 244
Бирнс Джеймс Фрэнсис 185
Блэккетт П. 186
Блэми Т. 249
Богомолов Д. В. 43
Буллит Вильям 42
- Ван Чунхой 43, 46
Вейцекер Э. 78
Витсон Н. 187
- Гарриман А. 185
Гиммлер Г. 153
Гитлер А. 8, 37, 73, 75, 80, 81, 87,
88, 92, 93, 119, 121—125, 231
Голль Шарль де 244
Гольдберг Д. И. 10
Гомикава Дзюмпэй 7
Гопкинс Г. 185
Горбачев М. С. 3, 199
Гото Симпэй 204
Гото Фумио 112
Грю Дж. 21
Гувер Г. 21
- Дельбос Ивон 42
Деревянко К. Н. 249
Есида Дзэнго 69, 73
Есидзава Кэнкити 20
Есимото Тэйити 123
Еситани 121
- Жуков Г. К. 62
- Зорге Р. 131
- Ионаи Мицумаса 78, 173
Иоффе А. А. 204
Исии Кикудзиро 203
Исии Ко 134
Исии Сиро 157—161
Исихара Кандзи 26—27, 49
Исоя Рэнсукэ 112
Итагаки Сэйсио 51, 57, 59, 65
- Кавада Исао 223, 224
Каньин Номия 51, 82
Карахан Л. М. 40, 192
Касахара Юкио 18, 19, 37
Като Кандзи 24
Кейтель В. 120, 123
Кидо Коити 22, 96, 173
Ким Ир Сен 182
Кимура Хэйтаро 91, 96
Киси Нобусукэ 112
Китано Кэндзо 52
Кобаяси 62
Кобаяси Итидзо 224
Кобаяси Сэйдзо 112
Козыревский И. 187
Койсо Куниаки 18
Комацубара Матитаро 61, 63
Кондо Нобутакэ 224
Коноэ Фумимаро 53, 54, 68, 73,
79, 82, 96, 171, 174, 223, 226,
242
Корияма Есимицу 188
Крейги Р. 53, 54
Кречмер 104, 153
Курусу Сабуро 85
Кусаба 34
Кутаков Л. Н. 10
- Лансинг Р. 203
Ленин В. И. 11, 29, 67
Лозовский С. А. 171

- Макартур Д. 183, 249
 Малик Я. А. 168, 170, 177
 Мао Цзэдун 70
 Маршалл Дж. 183
 Мацудайра 188
 Мацумура Томокацу 144, 153
 Мацуока Есукэ 37, 73, 79, 80, 83,
 84, 87—90, 92, 93, 94—98, 217—
 222, 228, 230—234, 236
 Минами Дзиро 17
 Миура Кадзунти 112
 Молотов В. М. 168
 Моримура Сэйити 161
 Мураками Кэйсаку 112
 Муссолини Б. 83
 Мутто Акира 222
- Нагано Осами 37, 96, 222, 227,
 233, 237
 Нагата Тэцудзан 26
 Накагава Яцухиро 4
 Накамура Есиаки 52, 188, 189
 Накасонэ Ясухиро 197
 Накаяма Масааки 4
 Нимц Ч. В. 249
 Ниси Тосихидэ 160
 Номура Китисабуро 69, 134
 Номура Минору 8
 Нохара 153
- Оикава Косиро 37, 96, 218, 221,
 234
 Окамото Кёфуку 110, 130
 Окамура Ясудзи 117, 177
 Окано 244
 Онума Ясуаки 8
 Осима Хироси 78, 87, 92, 93, 120,
 124, 151, 152
 Отт Ойгэн 68, 81, 85, 100, 101, 104,
 109, 129, 131, 151, 218, 235,
 236
- Перри М. П. 189
 Потемкин В. П. 50
 Путятин Е. В. 189, 190
- Резанов Н. П. 189
 Риббентроп И. 81, 84, 87—90, 93,
 100, 110, 120, 123, 128, 151, 153,
 154, 230, 231
 Рузвельт Ф. 42, 133, 167, 192, 248
- Савин А. С. 10
 Сато Наотакэ 153, 170—172
 Севостьянов Г. Н. 10
 Семенов Г. М. 106, 117
 Сигэмицу Акира 4
- Сигэмицу Мамору 51, 156, 165,
 249
 Сигэмури Тадаси 112
 Симата Тосихико 65
 Сиратори Тосио 25
 Сметанин К. А. 47, 98, 99, 131
 Сталин И. В. 167, 181, 185, 247,
 248
 Стимсон Генри Льюис 183, 184
 Стомоняков Б. С. 47
 Сугияма Хадзимэ 96, 123, 124,
 129, 130, 135, 137, 143, 148, 219,
 222, 223, 227, 231—233, 235—
 237
 Судзуки 18
 Судзуки Каитаро 169, 170, 172,
 173, 187
 Су Юнчан 249
 Сэдзима Рюдзо 144
 Сэнгоку Котаро 112
- Такахаси Санкити 112
 Такахаси Такаацу 159
 Танака Гиити 14—16, 200
 Танака Синъити 6, 7, 87, 108, 123,
 128, 147
 Татэкава Есицугу 119, 147, 153,
 235
 Тито Броз Иосип 243
 Того Сигэнори 20, 68, 74, 134,
 167—169, 172, 173, 175, 177
 Тодзю Хидэки 26, 73, 91, 96, 108,
 112, 119, 123, 125, 136, 137, 141,
 156, 218, 221, 223, 224, 232, 234
 Тоёда Тэйдзиро 99, 101, 131, 233,
 235, 236
 Тоёда Сээму 176
 Томинага Кёдзи 106
 Трояновский А. А. 16, 24
 Трумэн Г. 132, 183—185
 Тэрада Масао 60
- Умэдзу Есидзиро 91, 123, 141,
 174, 176, 249
 Уэда Кэнкити 60
 Уэхара 28
- Фрэзер Брус 249
 Фудзивара Акира 7, 31
- Хара Кадо 82, 97, 229—233
 Хата Сюнроку 69—71, 127
 Хата Такэсабуро 115
 Хаттори Такусиро 5, 39, 60
 Хаяси Сабууро 70
 Хигасикуни, принц 223
 Хиранума Киитиро 96, 220—222

Хоринути Кэнсуке 59
Хирота Хиротакэ 18, 19, 20, 170
Хирохито, император Японии 92,
171, 201
Хомма Кэнъитиро 47
Хэлл Корделл 44, 50, 57, 59, 87

Цудзи Масанобу 136
Цукада Ко 108, 135, 219, 220, 223,
224, 233
Цусима Тосикадзу 112

Чан Кайши 43, 46, 54, 95, 181,
221, 224, 225, 247
Чемберлен Н. 56

Черчилль У. 133, 167, 184, 192,
248
Чиано Г. 84
Чжан Цзолинъ 202

Швеленбах 45
Шеварднадзе Э. А. 193
Шпанберг М. 187, 188
Штамер Г. 80, 83

Ямада Отодзо 157, 158, 163, 179
Ямакава Тадао 112
Ямасита Томофуми 119
Ямамото Исороку 133, 141, 234
Ясуока 62

Оглавление

Введение	3
Глава I. Антисоветская политика и стратегия Японии в 30-е годы	11
Формирование военной политики Японии в отношении СССР	—
Подготовка Японии к войне против Советского Союза	27
Агрессия Японии в Китае и провокационные вылазки на границе СССР и МНР	39
Глава II. Внешнеполитический курс Японии в отношении СССР в начале второй мировой войны	67
Советско-японские отношения в период «невмешательства» Японии в войну в Европе	—
Агрессивные цели Тройственного пакта	77
Советско-японский пакт о нейтралитете	86
Глава III. Подготовка к нанесению удара по СССР	94
Выработка решения о вступлении в войну против СССР летом 1941 г.	—
Японский план подготовки войны против СССР — «Кантокуэн»	101
Программа установления на советском Дальнем Востоке и в Сибири японского оккупационного режима	111
Глава IV. Причины изменения сроков японского нападения на СССР	118
Срыв германского плана «молниеносной войны»	—
Порочность теории «спелой хурмы»	125
Выбор «южного варианта» войны	132
Глава V. Враждебная политика Японии в отношении СССР в ходе второй мировой войны	139
Продолжение подготовки удара на север	—
Активное сотрудничество с фашистской Германией	149
Подготовка к бактериологической и химической войне против СССР	157
Глава VI. Участие Советского Союза в войне с Японией	164
«Мирная» дипломатия Японии	—
Капитуляция Японии	173
Роль СССР в разгроме милитаристской Японии	180

	Восстановление исторической справедливости	187
Заключение		194
Приложения		200
Примечания		250
Указатель имен		268

Монография

**Анатолий
Аркадьевич
Кошкин**

**КРАХ
СТРАТЕГИИ
«СПЕЛОЙ
ХУРМЫ»**

Редактор
А. П. Тарасова

Младший редактор
А. П. Овсепян

Оформление художника
Б. С. Казакова

Художественный редактор
Н. В. Илларионова

Технический редактор
В. Н. Корнилова

Корректор
Э. Н. Смирнова

ИБ № 3529

Сдано в набор 01.08.88. Подписано в печать 27.01.89.
А 10017. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Высокая печать. Гарнитура «Литературная». Усл. печатных листов 14,28. Усл. кр.-отт. 14,72. Учетно-издат. листов 16,51. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1679. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Председатель Тайного совета Хара:
Война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете было бы неэтично нападать на Советский Союз. Если же мы нападём на него, никто не сочтёт это предательством... Советский Союз должен быть уничтожен...

Военный министр Тодзио:
Нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю...

Из стенограмм секретных совещаний японского правительства и императорской ставки (июль 1941 года).

